

ЕКАТЕРИНА ТИЧКО

16+

ИСТОРИЯ О КРАЖЕ
МЕСТЬ ПРОШЛОГО

Екатерина Гичко

История о краже. Месть прошлого

«Автор»

2021

Гичко Е. И.

История о краже. Месть прошлого / Е. И. Гичко — «Автор»,
2021

Майяри столкнулась со сложным испытанием – влюблённым хареном. Ему не изменили его целеустремлённость и рассудительность, и взаимности он добивается с завидным упорством. Противостоять очень сложно, и ещё большее беспокойство доставляет его честность, от которой никуда не скрыться. Да и как сбежать, если наделённый даром сов Ранхаш способен найти возлюбленную где угодно? Тем временем заговорщики всё сильнее проявляют себя, нанося правящей семье один удар за другим. В Жаанидые поселяется страх, а над страной нависает угроза войны. Прошлое вернулось, чтобы отомстить за разрушенные мечты. Третий том тетралогии "История о краже".

© Гичко Е. И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Свобода от обязательств	5
Глава 2. Страх	8
Глава 3. Горечь отвергнутых	13
Глава 4. Неправильная правильность	16
Глава 5. Везение	22
Глава 6. Погоня за миражом	28
Глава 7. Дар харена – видеть истину	33
Глава 8. Гава-Лиимские Сады. Сбежать нельзя	37
Глава 9. Сердешность	43
Глава 10. Сумасшествие харена	47
Глава 11. Сватанье	53
Глава 12. Утро в саду	56
Глава 13. Решение	60
Глава 14. Прощание с болотами	67
Глава 15. Виртуозный взломщик	71
Глава 16. Сердце для ребёнка	75
Глава 17. Злодей и его нежная жертва	79
Глава 18. Нечестные методы Вотых	82
Глава 19. Что происходит?	89
Глава 20. Кошмар господина лекаря	92
Глава 21. Жуткий тёмный	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Екатерина Гичко

История о краже. Месть прошлого

Глава 1. Свобода от обязательств

– Я сумел полюбить.

Голос харена прозвучал совсем тихо, но влился в уши подобно прибою и незримой волной толкнул Лоэзию. Девушка пошатнулась и судорожно вцепилась в спинку кресла. Потрясённо распахнув глаза, она уставилась на жениха с непониманием и недоверием.

– Простите меня, госпожа, – Ранхаш склонил голову. – Я не хочу обманывать вас. Я не думал, что подобное когда-либо случится со мной, но я полюбил.

Лоэзия моргнула. Харен продолжал смотреть на неё, и сияние светляков отражалось в его обычно холодных глазах диким огнём. Но ведь он нравится ей...

Осознание, словно камнепад, обрушилось на неё. В голове вихрем взметнулись сотни мыслей, неразборчивых и пустых: что скажут в обществе; родители разозлятся; шепотки за спиной... Хлопотливые и совсем неважные мысли. А потом нахлынули разочарование и почти детская обида.

Почему не она?

Понимание пришло почти тут же.

– Это, – Лоэзия с трудом сглотнула, – Майяри?

Ранхаш не стал отрицать.

– Да.

Майяри... Лоэзия прерывисто вздохнула. Разве можно её не любить? Она ведь и раньше замечала особое отношение харена к невесте брата. Все замечали. Но... но ведь харен нравится ей.

– Я виноват перед вами. Я не смог сдержать данного вам слова. Я поступаю нечестно. Но будет хуже, если я стану вашим мужем, любя другую. Не хочу обманывать вас, не хочу обманывать себя. И хочу быть честным перед ней.

– Я понимаю, – голос девушки прозвучал глухо. – Понимаю.

Лицо её застыло словно маска, а в серебристых глазах появился стеклянный блеск.

– Я оставляю за вами право разорвать помолвку, – продолжил Ранхаш. – Не хочу... доставлять вам проблем.

Он не сказал об этом вслух, но Лоэзия и так поняла причину. Чтобы никто не говорил, что её бросили. Почему-то от этих невысказанных слов стало ещё больнее и обиднее.

– Конечно, – голос девушки прозвучал спокойно, а лицо не дрогнуло. – Я понимаю вас. Благодарю за вашу заботу обо мне и за вашу честность. Я согласна разорвать помолвку. Отцу о своём решении я скажу утром.

– Благодарю.

Ранхаш опять взглянул на свою уже бывшую невесту и отметил неестественное безучастное выражение лица.

– Не думаю, что был достоин вас.

– Это могу решать только я, – неожиданно резко ответила Лоэзия.

Решать... Она никогда ничего не решала сама, но дерзкие слова сорвались сами.

– Позаботьтесь о ней. Я... – девушка стиснула зубы, но всё же договорила, – я не прощу вас, если вы не справитесь. А теперь идите... пожалуйста.

Харен молча поклонился и решительно шагнул за дверь. Только после этого Лоэзия позволила себе вздохнуть чуть глубже. Вздох вышел судорожным, и всё тело затряслось. Горло

перехватило, глаза защипало, и девушка до боли закусил губы, пытаясь удержать рвущийся наружу плач. Пошатываясь, она побрела в комнату и там, забравшись на кровать, до самого носа укуталась в покрывало.

– Госпожа, – в спальню заглянул Мариш.

– Оставь меня, – глухо попросила Лоэзия.

Дворецкий послушно скрылся за дверью, но не прошло и минуты, как он опять зашёл внутрь, неся с собой ширму. Поставив её перед кроватью, он спокойно сказал:

– Я оставлю вас, – и спрятался за ширмой.

Лоэзия некоторое время смотрела на его тёмный силуэт, слегка просвечивающий через узорчатую ткань, а затем всё же не выдержала и заплакала. Вытирая рукавом катящиеся слёзы, девушка слезла с кровати и, рыдая, потопала за ширму. Уже там она забралась на колени Мариша и, прижавшись к его груди, позволила себе расплакаться ещё горше, как в детстве.

– Ничего, госпожа, – Мариш обнял плачущую девушку и погладил её по дрожащей тонкой спине. – Эта обида пройдёт. В вашей жизни обязательно появится мужчина, достойный вас.

Про себя же с раздражением подумал, что среди нынешних юнцов нет никого, кто бы подошёл его прекрасной и хорошо воспитанной госпоже.

– Но почему я не понравилась ему? – продолжала всхлипывать Лоэзия. – И почему именно Майяри? Ну почему она?! Меня бросил жених и... и... забрал мою подру-у-у-гу! Почему ему не приглянулся кто-то другой?

Мариш замер и хлопнул глазами в недоумении.

– Все мои подруги после замужества переставали со мной общаться. И Майяри теперь тоже перестанет!

– Ну... я не думаю, что это будет так, – растерянно пробормотал Мариш. – У ваших прежних подруг просто появилось слишком много новых обязательств. А у госпожи Майяри их и раньше было много.

– Он её всю себе заберёт, – Лоэзия всхлинула. – Ты его просто не видел. Он хочет её всю для себя одного. Меня бросил и ещё Майяри забрал! У-у-у...

Мариш успокаивающе похлопал её по спине и обеспокоенно нахмурился. Нет, всё-таки у госпожи какая-то нездоровая привязанность к этой нахальной девчонке. Даже хорошо, что харен решил наложить лапы на неё. Но вслух он сказал другое:

– Зря вы переживаете. Уверен, харен будет очень рад, если вы сохраните с госпожой Майяри дружеские отношения.

Лоэзия разрыдалась ещё сильнее.

Ночной город в снежных завихрениях был похож на мутную картинку из сна: яркие точки фонарей и затейливые силуэты домов, деревьев и заборов плыли перед глазами из-за дующего в лицо ветра. Глаза слезились, и редкие прохожие в сердцах кляли совсем не весеннюю погоду. Ранхаш же был счастлив.

Сидя на лошади, он смотрел на краешек волчьего месяца, недовольно укутавшегося в рваные тучи, и улыбался. На душе царил лёгкость, а тело охватывала приятная дрожь. Волчий месяц неожиданно показался похожим на Майяри: сердитую и чем-то раздражённую.

Надо же. Женщина, которую он полюбил. Ранхаш ещё не совсем понимал, что такое любовь, но сегодня он наконец признал её неотвратимость. Бороться с ней бесполезно, больно и неприятно. И не нужно. Он уже предвкушал утро, готовился увидеть в глазах девушки страх, смущение или сожаление. Но не боялся. За её взаимность он был готов бороться.

Но именно сейчас Ранхаша переполняло ликование. Никогда он ещё не чувствовал себя таким свободным. Словно оковы упали, и он с удивлением понял, что может не просто чувствовать, но и принимать свои чувства. Не думать ни о ком, кроме себя. И неё. Интересно, сколько нужно времени, чтобы девушка согласилась выйти замуж? Месяца же будет достаточно?

Прикрыв глаза, Ранхаш подставил лицо под падающий снег. Колкая труха холодила кожу и оставалась на ней мелкой россыпью капель. Снаружи было так холодно, но внутри по венам текло тепло.

Харен не двигался с места до тех пор, пока в темноте кто-то не налетел на его лошадь и не выругался. Тряхнув головой, Ранхаш прислушался к удаляющей ругани и дёрнул за поводья. Торопиться не хотелось. Хотелось ещё немного насладиться этим всепоглощающим ощущением свободы.

Глава 2. Страх

Проснулась Майяри от тупой боли в затылке. Боль была несильной, но колющей и раздражающей. Ей даже приснилось, что крохотная птичка с малюсеньким клювиком раз за разом долбит её в голову. Сонно пошарив рукой по подушке, девушка нащупала кончик торчащего из наволочки пера и, выдернув его, плюхнулась обратно. От резкого движения проснулась дурнота, и Майяри запоздало вспомнила о травме и закусил губу. Сон, конечно же, упорхнул, оставив её в объятиях накачивающей тошноты.

– Викан, я тебя всего переломаяю, если продолжишь дурачиться и дальше.

В суровом голосе Майяри признала господина Шида.

– А разве я дурачился? Дядя-дядя, как же вы плохо меня знаете...

– Викан, я тебя предупредил. При всём моём уважении к твоим родителям...

– Мама особенно будет рада, – ехидно пропел оборотень, и лекарь осёкся.

– Ну ты всё равно не влюблён в неё!

– Но я же пытаюсь.

Майяри приоткрыла глаза и осмотрелась. Находилась она в своей спальне, за окном царил тьма, разбавленная крутью метели, а стёкла тихо позвякивали от налетающего ветра. Под толстым одеялом было так уютно. Комнату наполнял дровяной жар и тихий треск. Прислушавшись, девушка поняла, что мужчины сидят в гостиной.

Так, а что было-то перед тем, как она уснула? Уткнувшись лбом в подушку, Майяри припомнила разговор с хайнесом, отъезд из дворца, ворчание господина Шида, посиделки на крыше...

Перед глазами предстал тёмный силуэт, и девушка резко села. Сердце подскочило к самому горлу.

«Я слышала, что дух принимает облик того, кто нравится, но не верила».

Тёмный силуэт обрёл чёткость и яркость и превратился в харена. Майяри судорожно сглотнула и вцепилась пальцами в подушку.

«Мой дар. Ну... жертва».

– Ой, Тёмные... – едва слышно выдохнула девушка.

«Я больше не могу...» – влился в уши шёпот харена, и Майяри скатилась с кровати.

Дыхание перехватило, желудок ухнул вниз, а сердце заметалось, словно бы не зная, где спрятаться. Запустив пальцы в волосы, Майяри спиной прижалась к кровати, с ужасом смотря в окно. Губы запыхали, будто их опять терзали поцелуями, кровь забурлила и хлынула в голову, приводя мысли в ещё больший беспорядок.

«... ты будешь любить меня?»

«Да...»

Ужас от содеянного и возбуждение перемешались, и Майяри в панике осмотрелась. Дверь распахнулась, и девушка испуганно отползла к тумбочке.

– Ба, кто проснулся! – вспыхнувший светляк озарил донельзя довольное лицо господина Шида.

– И, кажется, этот кто-то всё осознаёт и помнит, – в полосу света ступил ехидно улыбающийся Викан. – Довызывалась? Между прочим, твоя идея, дорогая.

Майяри нервно сглотнула и испуганно уставилась на дверь, ожидая, что сейчас сюда войдёт и харен. Она даже не надеялась, что вызов Снежного духа ей приснился. Боги, она поцеловала самого харена... Он её поцеловал! Тёмные, что за кошмар произошёл?!

– Всё помнишь? – Шидай опустил перед сжавшейся девчонкой на корточках и вгляделся в распахнутые тёмные глаза. – Что-то ты не выглядишь смущённой...

– Она? – Викан возмущённо вскинул брови. – Когда я её поцеловал, о смущении она даже не вспомнила. Зато чуть все зубы не выбила. Ещё и в окно грозилась выбросить.

– И к чему этот испуганный взгляд, м-м-м? – лекарь приподнял брови, даже не пытаясь скрыть своего превосходного настроения. – Да ты не переживай, Ранхаш – хорошо воспитанный мальчик. К тому же впервые влюблённый...

Тумбочка треснулась о стену под давлением вжавшейся в неё Майяри.

– Неправда, – дрожащим голосом попыталась опровергнуть девушка нелепое, как ей казалось, заявление. – Он не мог...

– Ну почему же? – Шидай обиженно искривил губы. – Он, конечно, холодноват, но не совсем отмороженный.

– Хотя мы боялись, что совсем, – вставил Викан, – но ты его растормошила. Моё уважение, это даже мне не удалось.

– К счастью, – Шидай наградил его ядовитым взглядом. – Да чего ты так трясешься? Ранхаш сам тебя поцеловал, а не ты на него набросилась. Обвинять тебя в совращении никто не собирается.

– Но можно было бы, – опять встрял Викан и передразнил: – Найди того, кто будет любить меня... Додумалась сказать такое мужику, которые равнодушен к тебе.

– Ну-ну, она же не знала, – без энтузиазма попытался оправдать сверкающую глазами девчонку Шидай.

– Зато теперь к утру весь город будет знать. У-у-у, дядя, представьте, что будут говорить! Завоевала ледяное сердце самого неприступного из Вотых. Харена Ранхаша Вотого! Немилосердного! А, звучит?

– Звучит, – после пережитых по вине Майяри потрясений Шидаю очень уж хотелось подтрунить над ней. – Ты только сразу Ранхашу на милость не сдавайся. Помучай его, но несильно.

– Я... нет... я же не люблю его... – Майяри умоляюще посмотрела сперва на лекаря, а потом на бывшего жениха.

Но оба оказались непреклонны, а их улыбки стали ещё ехиднее.

– Замечательно, – пропел Шидай. – Можешь не любить его ещё некоторое время. Ранхаш целеустремлённый, пораскинет мозгами, и ты не устоишь.

– Даже любопытно посмотреть, как братец за тобой ухаживать будет, – расхохотался Викан. – Он же совершенно в этом ничего не понимает. Представляю... нет, даже не представляю! Букеты, что ли, дарить будет?

– Ранхаш – мужик серьёзный, – обиделся за сына Шидай. – Да не жмись ты! Сейчас вернётся и поговорит с тобой.

– Он ушёл?

Радость на лице Майяри отразилась так явно, что Шидай опять обиделся, но в этот раз по-настоящему.

– Ну да, – пожал лекарь плечами. – Поехал к жрецу договариваться о брачном ритуале.

– Что? Я не могу выйти замуж! – девушка пришла в самый настоящий ужас. – Это невозможно! Никак! Вообще!

– Э, Майяри, ну ты чего? – Викан тоже присел перед ней на корточки. – Вспомни, о чём сама просила Снежного духа.

– Лоэзия! У него есть Лоэзия! – девушка возбуждённо подалась вперёд.

– Ранхаш не будет её обманывать, – Шидай укоризненно покачал головой.

– Так что прими мои искренние поздравления, дорогая невестка, – Викан похлопал Майяри по плечу. – Можно уже с уверенностью сказать, что ты Амайярида Вотый. Я буду звать тебя сестрёнкой. Ты же не...

Викан и Шидай одновременно дёрнули головами, удивлённо посмотрели на Майяри и медленно завалились вперёд. Висящие над их головами металлический кувшин и тяжёлый хру-

стальной стакан бухнулись на пол. Девушка тут же склонилась над господином Шидаем и дрожащими руками ощупала его голову, а потом и голову Викана.

– Простите, – выдохнула Майяри. – Простите...

Она не может выйти замуж.

Вскочив, Майяри сперва бросилась к двери, потом вернулась обратно, дёргая себя за волосы. Что же ей делать? Метнувшись ещё раз туда-сюда, девушка подскочила к своему сак-вожаю, вытряхнула его содержимое прямо на пол и, выудив из кучи маленький мешочек с принадлежностями для урока артефактологии, достала мел. Руки дрожали, и она ещё сама до конца не понимала, правильно ли поступает, но печать Сна начертила быстро и, наполнив её силой, приготовилась ждать. Через минуту сообразила, что одета только в рубашку, и побежала в гардеробную. Тошнота, головная боль и недомогание волшебным образом улетучились. Она сгребла с полок самые тёплые вещи, вытащила первый попавшийся плащ и начала торопливо одеваться.

Только бы харен не вернулся, только бы не вернулся...

– Как же так вышло? – с досадой прошипела девушка, застёгивая платье.

Она долго ворошила полки в поисках своих фиолетовых чулок и, не найдя их, натянула под юбку штаны.

Уже полностью одетая – даже шапку натянула – Майяри опять заглянула в спальню, убедилась, что господин Шидай и ВIKAN всё ещё лежат на полу, и, подхватив с тумбочки перчатки, осторожно двинулась в гостиную.

Редий и Аший спали стоя, прислонившись спинами к стене в коридоре. Майяри тихонечко прошла мимо и, добравшись до конца коридора, скользнула в кабинет харена. Лихорадочно осмотревшись, она бросилась на зов камней, и уже через секунду схрон господина Ранхаша с ужасающим треском выломался из стены. Дверка его выгнулась, словно её что-то выдавливало изнутри, и, отчаянно хрястнув, вывалилась. Схватив мешок со своими артефактами, девушка бросилась прочь, на ходу срывая с себя амулет, меняющий запах, и нащупывая в мешке новый.

Скатившись по лестнице, Майяри ненадолго замерла, увидев в кресле спящего господина Ывашия, и бросилась к чёрному ходу. Её никто не остановил в доме и никто не остановил на улице. Ветер сразу бросил в лицо горсть снега, залепляя глаза, и девушка, не найдя в темноте тропинки, по сугробам побежала прочь со двора.

Сердце испуганно сжималось в груди, и в каждом чёрном силуэте виделся приближающийся харен. Уже почти миновав ограду, Майяри остановилась и с тревожным сомнением посмотрела на дом. Словно наяву она увидела спокойный и решительный взор господина Ранхаша и дрогнула. Как такой мужчина, как он, мог полюбить её? За что? Почему?

И что он собирается делать?

Майяри нисколько не переживала из-за вьющегося вокруг неё Викана, её мало волновали заинтересованные взгляды парней в школе. Она не чувствовала с их стороны угрозы. Все они казались ей несерьёзными, отмахнуться от них не составляло труда. Но от харена не отмахнёшься.

Он ловил её два раза. Господин Ранхаш из тех, кто ставит цель и добивается её. А если он достигнет желаемого и в этот раз? Майяри боялась, что у него получится.

Любовь к Виидашу закончилась болью и взаимной виной. Боль – её вечный спутник в этой жизни. Майяри успела привыкнуть к ней и не боялась. Хотя нет, боялась, но могла терпеть. Они с Виидашем совершили много ошибок, и оттого им было больно. И всё же хорошо, что их любовь оборвалась. Теперь-то Майяри могла это оценить.

Но харен правильный. Он не допустит тех ошибок, которые допустил Виидаш, и проследит, чтобы и она не ошиблась. Он не позволит так просто оборваться той тяге, что возникла у него к ней. А ей нельзя любить. Судьба была жестока с ней и Виидашем, но её друг хотя

бы остался жив. Её же семья не пощадит никого, кто посмеет всерьёз посягнуть на неё. И тем более если она ответит взаимностью. А после той глупости, что она устроила во дворце хайнеса, остаётся только ждать, когда дед явится за ней.

Нет уж. Майяри решительно шагнула за ограду. Нужно сперва разобраться с собственным прошлым, а для этого нужны силы. Много сил, больше, чем у неё есть сейчас. И тогда, возможно, она вернётся, чтобы хотя бы посмотреть на харена и господина Шидаю.

За оградой ветер набросился на девушку с утроенной силой, будто пытаясь запихнуть её обратно во двор, но Майяри, низко склонив голову, упрямо двинулась вперёд. Пройдя два квартала и немного успокоившись, она уже более взвешенно обдумала свой побег, укорила себя, что не прихватила ничего из еды, со смущением отметила, что взяла перчатки харена – почему-то после этого они стали теплее, – и всё же позволила себе поддаться чувству вины. Господин Шидаю очень сильно расстроится. А как отреагирует харен? Майяри даже не могла этого представить. И боялась представлять.

Уже почти добравшись до сыска – оставалось только завернуть на улицу, ведущую к площади Суда, – Майяри услышала лошадиное ржание и напряжённо всмотрелась в клубящуюся тьму. Под ложечкой засосало, и девушка через приоткрытую калитку шагнула в чужой сад и присела за кустом.

Всадник не торопился и даже не смотрел на дорогу, только на небо. Сердце скакнуло, в груди спёрло дыхание, но прежде, чем в голове Майяри оформились подозрения, лошадь шагнула под фонарь и лицо мужчины осветилось. По телу девушки прошёл озноб, и ей показалось, что снег под ней захрустел так же оглушительно, как если бы она ударила в колокол.

Серебристой змеей сверкнули свитые в косу волосы, и Майяри, не слыша ничего, кроме стука своего сердца, уставилась на харена. Он улыбался. На его щеках играли те самые очаровавшие её ямочки, и выглядел мужчина таким счастливым, что на мгновение Майяри решила, что это кто-то другой. А затем на неё накатило мерзкое ощущение, словно она готовилась совершить невообразимую подлость.

Ему, наверное, будет больно. Как ей самой, когда она узнала о предательстве Виидаша. Или хуже? Ведь её предали, а господин Ранхаш будет отвергнут.

Стиснув зубы, Майяри тряхнула головой. Боль не всегда плохо. Приходя в себя после очередных побоев, она всегда думала: раз болит, значит жива.

Если больно, значит, ты жив. А быть живым ведь хорошо?

Вдруг харен перестал улыбаться и резко посмотрел в её сторону. Наполненные светом янтарные глаза словно ножом полоснули.

«Так что, есть ли кто-нибудь, кто меня любит?»

«Есть, есть тот, кто тебя любит».

Майяри, едва подавив испуганный вскрик, зажмурилась и, обхватив голову руками, сжалась. О боги, он её почувствовал, почувствовал её взгляд! Сейчас он вытащит её из кустов и... и что он сделает?

Лошадь всхрапнула, и до слуха донёсся глухой цокот копыт. Майяри опасливо приподняла голову и увидела, что харен удаляется. Не заметил? Внутри шевельнулось разочарование.

– Дура, – одними губами прошептала девушка.

Из сада она выбралась, только когда силуэт всадника окончательно истаял в темноте.

– Дура, – ещё раз прошептала Майяри, чувствуя, как её с непреодолимой силой тянет следом за хареном, и заставила себя развернуться к сыску.

Это было так тяжело, будто бы её удерживали на месте цепи. В конце концов, что она способна дать харену? Не может же она выйти замуж ещё раз?

Подняв голову, Майяри уставилась на прикрытый тучами волчий месяц, и он показался ей таким же недоступным и загадочным, как господин Ранхаш.

И отчего раньше она верила, что проблема с мужем-хаггаресом разрешится только потому, что любовь якобы способна преодолеть все препятствия? Майяри тряхнула головой. Вот же чушь.

Смотритель дёрнул дверь ангара и недовольно зарычал на зашипевшего дракона.

– Спи, бестия! Не налетался?

Отряд сыскарей менее получаса назад вернулся с очередной облавы, и в ангаре только-только возобновилась тишина, но всё ещё взбудораженные полётом драконы нервничали и ярились в закрытых денниках.

Услышав скрип двери, смотритель обернулся и окинул взглядом невысокого красавчика. И сразу же признал в нём Викана Вотого.

– Добрейшей ночи, уважаемый, – ослепительно улыбнулся мужчина. – Мне б дракона, с поручением слетать.

– Харен отправил? – не очень радостно уточнил смотритель, прищуренным взглядом осматривая денники ещё не летавших сегодня зверей.

– Да кто ж ещё брата в такую погоду выгонит? – скривился ВIKAN.

– Жди, щас оседлаю.

Оборотень остался у входа, с любопытством осматриваясь и подмигивая всем мордам, что высунулись на него полюбоваться. Через четверть часа смотритель подвёл к нему вёрткого молодого дракончика – на нём как-то сам харен со своей помощницей летал – и набросил поводья на протянутую руку.

– Хорошей дороги, – угрюмо пожелал он и пошёл открывать ворота.

– Благодарю!

Братец харена бойко вскочил в седло, почему-то немного замешкался, отцепляя что-то от луки, и свистом направил дракона к воротам. Когда он проезжал мимо, смотрителю почудилось, что стопа, вдетая в стремя, поплыла чёрными лохмотьями. Досадливо сплюнув, оборотень захлопнул ворота и отодвинул подальше слепящий глаза фонарь.

Глава 3. Горечь отвергнутых

Ещё за сто саженой от дома Ранхаш понял, что что-то не так: из тьмы на него неожиданно выскочила пара оборотней, в которых он успел признать своих подчинённых. Мужчины испуганно уставились на господина и, ничего не говоря, бросились дальше. Ранхаш подстегнул лошадь.

По тропинке к дому он бежал и уже в холле столкнулся с Шидаем и Виканом, которые встретили его одинаково виноватыми взглядами. Ощущение дурного предчувствия усилилось.

– Что произошло?

– Брат, тут такое дело... – осторожно начал ВIKAN. – Майяри куда-то делась.

Ранхаш перевёл непонимающий взгляд на Шидаю. Тот опустил голову.

– Прости, не уследил. Похоже, сбежала.

Ощущение искрящегося счастья мгновенно померкло, и Ранхаш оказался в густой темноте. Сердце тяжело, как камень, шелохнулось в груди.

– Почему? – только и смог выдавить он.

– Ну, она, когда пришла в себя, всё вспомнила и немного испугалась, – ВIKAN нервно взлохматил волосы. – Мы лишь слегка прояснили её воспоминания и подшутили, что ты за жрецом пошёл.

– Это я виноват, Ранхаш, – Шидаю не мог поднять глаза на побелевшего сына. – Нужно было держать язык за зубами и ВIKANу запретить болтать.

Старый дурак! Так глупо и, самое страшное, серьёзно просчитаться. Но на какое-то мгновение ему показалось, что скрывающая что-то девчонка сейчас проболтается. Стоит только чуть-чуть надавить, подтолкнуть, и признание само сорвётся с её губ. Но вместо этого она шарахнула его кувшином по голове. И так ему и надо! Заслужил. Только вот Ранхаш... Шидаю всё же поднял глаза на остолбеневшего харена и закусил губу.

– Пошли вон, – выдохнул Ранхаш.

Переспрашивать мужчины не стали.

– Я пойду присоединюсь к поискам, – сказал ВIKAN Шидаю и, осторожно протиснувшись мимо брата, выскользнул на улицу.

Ранхаш продолжал стоять и смотреть перед собой остекленевшим взглядом.

Его отвергли?

В груди стало больно.

– Что было в её взгляде? – чуть слышно спросил он. – Отвращение? Неприязнь?

– Ни того, ни другого, – ответил Шидаю.

– Не жалею меня! – сквозь зубы прошипел сын.

– Я не вру, – мрачно отозвался отец. – Она была в панике, но мне показалось, что страшил её не сам поцелуй. Если бы это было так, то она хотя бы немного, но смутилась. Или же стыдилась бы произошедшего. Но нет, её испугало что-то другое.

– Я?

– Не думаю, – помедлив, ответил Шидаю, а затем всё же добавил: – Если только немного.

Ранхаш судорожно вздохнул и моргнул. В груди было так больно, что ныли рёбра.

– Ты же знаешь её, она порой склонна преувеличивать опасность. Я думаю, после случая с Видашем она просто боится влюбляться, а ты ей нравишься.

Думал Шидаю о другом, но эти мысли и без того расстроенному сыну он боялся озвучивать.

– Если бы нравился, не сбежала бы, – прерывисто прошептал Ранхаш.

– От тех, кто ей не нравится, она не бежит. Вспомни, как она на ВIKANа реагировала.

Прикрыв глаза, харен пошатнулся и вцепился в косяк, чувствуя, что теряется в собственном отчаянии.

– Я найду и спрошу...

Он её поймаёт, он обязательно её поймаёт. Она умная, хитрая... жестокая, но в панике безрассудная. Обязательно наделает ошибок. Ему просто нужно внимательнее присмотреться к её следам. Он же столько поймал! Он точно её найдёт.

Когти с хрустом вошли в косяк, и Ранхаш подался вперёд, с шумом захватывая ртом воздух. Он дышал, но в груди всё равно становилось всё тяжелее и тяжелее, словно в лёгкие проникала убийственная вода.

Поймает.

Сквозь стиснутые зубы вырывался стон.

И приведёт обратно. В свой дом.

Приведёт обратно эту жестокую и безжалостную девчонку. Такую жестокую...

– Ранхаш, – Шидай осторожно прикоснулся к плечу сгорбившегося сына, – она найдётся. Мы её найдём. Город уже обыскивают... Мы сразу, как очнулись, отправили оборотней на её поиски.

Харен рвано дёрнулся и опять застонал. Город обыскивают, но её всё ещё не нашли.

– Мне плохо... – почти задыхаясь, прошептал Ранхаш. – Мне очень плохо.

Раскалившиеся печати впились в грудь подобно расплавленному металлу, голова закружилась, и свет померк перед глазами.

– Ранхаш!

Шидай едва успел поймать закатившего глаза сына.

– Боги, Ранхаш!

Одним махом сбросив всё с небольшого столика, лекарь уложил на него харена и, с лихорадочной поспешностью расстегнув на нём плащ и разорвав рубашку, с ужасом уставился на печати, по цвету сравнявшиеся с углём. Прижав ладонь к груди Ранхаша, Шидай несколько секунд прислушивался к неровному и торопливому стуку сердца и, зажмурившись, облегчённо выдохнул.

Обошлось. Его сил хватило.

Нервная дрожь охватила Лоэзию уже перед самыми дверями отцовского кабинета, и она остановилась. Коридор был залит солнечным светом: погода к утру улучшилась, и наконец-то появилось ощущение, что пришла весна. И вот в такой прекрасный день она собирается сказать отцу, что решила «бросить» жениха. Захотелось малодушно отложить разговор, но, взглянув на спокойного Мариша, девушка всё же собрала духом и кивнула. Дворецкий почтительно отворил перед госпожой дверь, и та чинно вошла внутрь.

Отец встретил её строгим взглядом, лишь на мгновение оторвав его от бумаг.

– Доброе утро, моя дорогая, – сухо вато поприветствовал он. – Надеюсь, наш разговор не займёт много времени? Через час я должен быть во дворце.

Лоэзия задержала взгляд на полностью седой голове отца, медленно осмотрела его вытянутое, с впалыми щеками, лицо и наконец-то набралась решимости, чтобы посмотреть в его глаза.

– Прошу прощения, что беспокою вас в такой ранний час, – голос её прозвучал ровно, ни в малейшей степени не отражая того волнения, что владело ею. – Возможно, я огорчу вас, – помедлив, девушка всё же сказала: – Мне хотелось бы разорвать помолвку с господином Ранхашем.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь радостным щебетом птички, облюбовавшей карниз. Лицо сарена, казалось, застыло, но уже через несколько секунд оно сморщилось от возмущения, и отец разъярённо прошипел:

– Ты что говоришь, глупая девчонка?! Ты понимаешь вообще, что собираешься сотворить?! Не позволю!

Удивительно, но гневные слова отца будто бы добавили ей спокойствия, и Лоэзия даже смогла разжать пальцы и разгладить складочку на платье.

– Тебе удивительным образом повезло, что сын рода Вотый обратил внимание именно на тебя, и ты хочешь так глупо отвернуться от собственной удачи? Да ты слишком юна, чтобы решать такие серьёзные вопросы!

– Простите, отец, при всём моём уважении, но я не вижу выгоды в этом союзе.

Сарен с изумлением уставился на дочь.

– Да, род Вотый славен своим влиянием, но разве наша семья сильно им уступает? Я бы могла понять выгоду союза, если бы на месте господина Ранхаша был господин Вахеш. Но господин Ранхаш всегда держался особняком от своей семьи. Он будто бы и не Вотый вовсе. Да, если я выйду за него, то мы обретём поддержку его семьи, но, видя равнодушие харена к нашей судьбе – а харен редко бывает расположен к кому-то бы ни было, – они могут отнестись к нам так же равнодушно. Всё, что может дать харен, – это своё имя мне и небольшую каплю уважения в глазах общества для семьи Бодый, которая смогла так выгодно пристроить свою дочь.

Ошарашенно моргнув, сарен прищурился, словно бы не веря, что перед ним его нежная дочь. Никогда ранее он не слышал подобных речей от неё и теперь был так ошеломлён, что не мог даже ответить.

– Я уже поговорила с господином Ранхашем, он с пониманием отнёсся к моему решению, – отец дёрнулся от возмущения. – Простите, что сообщаю вам об этом только сейчас.

– Ты соображаешь, что сотворила?!

– Дорогой отец, я красива, происхожу из влиятельного рода, богата. Неужели я не могу попытаться найти мужа более меня достойного? Эта мысль не отпускает меня уже давно, но мне хотелось бы покорить сердце хайрена Узээриша.

Готовившийся разразиться гневной тирадой сарен застыл.

– Хайрена?

– Или вы считаете, что я недостойна его?

Гнев ушёл с лица отца, и он, нахмурившись, осмотрел Лоэзию.

– Когда ты успела так вырасти? – в голове его звучало приятное удивление. – Признаюсь честно, я никогда не строил особых надежд в отношении тебя. Ты всегда казалась мне излишне слабохарактерной. Я рад, что ты наконец осознала, в какой семье родилась. Твоя амбициозность мне нравится. И решимость тоже. Что ж, я официально уведомяю род Вотый о разрыве помолвки, – помедлив, он добавил: – Я собираюсь во дворец, ты можешь поехать со мной.

– Благодарю, я сейчас соберусь.

Уже за дверью Лоэзию опять охватила дрожь, и, прикрыв глаза, девушка легонько похлопала себя по щекам. Что ж, самое страшное позади. А если хайрен Узээриш останется равнодушен к ней, то, значит, на то воля судьбы. Как же вовремя она вспомнила о наследнике! Невольно Лоэзия даже возгордилась собственной находчивостью. И даже горечь от разрыва с хареном уже была не такой сильной.

Глава 4. Неправильная правильность

Майяри отложила мешок с артефактами, подтянула сползающие перчатки и взглянула на лежащий на коленях кристалл ложного облика. Она нашла целых два кристалла и опознала в них Воина и Оборотня. Видимо, харен просто запихнул их сюда, решив не оставлять для податия Иезара. Предусмотрительный какой... Девушку в очередной раз укусила вина, и она нервно почесала лоб. Перед внутренним взором невесть в какой раз предстал спокойный взгляд господина Ранхаша, и Майяри стыдливо отвернула голову, но от этого взгляда, существующего только в её воображении, было не так легко скрыться.

– Куда лезешь? – девушка недовольно щёлкнула по носу дракона, который засунул морду в мешок. – Нет там ничего съестного.

Зверь недовольно прищурился.

– Я тебя кормила!

Майяри действительно раскладывала свою ловушку, в которую приманила двух зайцев и одну лисичку, но, посмотрев на трапезу дракона, сложила её и отпустила зверя охотиться самостоятельно. Не мешало бы и самой поесть, но пока и аппетита особого не было, да и времени на охоту тоже не оставалось.

Дракон презрительно фыркнул и, отвернув башку, с удовольствием уставился на языки костра.

Майяри окинула взглядом светлеющее небо, на востоке робко алеющее восходящим солнцем, и досадливо поморщилась. Метель словно бы бежала от Жааниды следом за ней, вынуждая девушку спускаться на землю, чтобы хоть немного согреться, и улеглась лишь полчаса назад. За сутки Майяри замёрзла так сильно, что ей уже было плевать на погоню. Не помогали даже согревающие заклятия: ожесточившийся ветер словно наказывал её за нарушенное обещание, данное господину Шидаю.

Недовольно зашипев, девушка опёрлась на тёплый драконий бок, старательно выдворяя харена из головы. В её жизни было не так много людей, перед которыми бы она чувствовала вину. Она часто обманывала, умела виртуозно врать и недоговаривать – иначе бы не выжила – и очень-очень редко стыдилась этого. Во время жизни в общине, после смерти брата, стыд и вовсе не посещал её. Лишь однажды она хотела умереть из-за пожирающего её чувства вины: когда убили единственного хаги, решившего ей помочь. Он желал ей добра, а она даже отблагодарить не смогла, только смерть принесла. Очень страшно, когда кто-то умирает из-за тебя.

– Я поступила правильно, – уверенным голосом произнесла Майяри, и дракон удивлённо посмотрел на неё. – Что ты так на меня смотришь? Свои проблемы нужно решать самостоятельно. Что ты будешь делать, если кто-то, помогая тебе, пострадает? Извинишься? И какой толк от извинений? Жизнь они вернут? Раны излечат?

Зверь фыркнул, и Майяри почудилось, что в его глазах мелькнула издёвка. Боги, что она делает? Перед драконом оправдывается? Вскочив на ноги, девушка подбросила хворост в костёр и энергично замахала руками, пытаясь прогнать засевший в членах холод. Но не утихающее чувство вины продолжало терзать её.

– Ты Виидаша вспомни!

Дракон уставился на небо с таким видом, будто бы действительно пытался вспомнить Виидаша, которого он и знать-то не мог.

– Как он пострадал из-за моей же необдуманности!

Майяри раздражённо пнула ком снега, и тот, влетев в огонь, разъярённо зашипел. Дед всегда говорил, что она излишне импульсивна. Мол, именно поэтому каждый её побег заканчивался неудачей. И Майяри была готова признать его правоту, но лишь отчасти: порой её способность быстро принимать решение была очень кстати. К сожалению, не всегда.

– И не только из-за неё, – глухо призналась она. – Я же никогда не была с ним достаточно честной. Говорила себе, что оберегаю его, а сама всего лишь боялась. Не доверяла, что ли?

Плюхнувшись на снег, девушка устало потёрла лицо ладонями и призналась:

– Плохой я человек. Я даже не смогла признаться ему, что уже замужем.

Она умолкла, вспоминая собственную растерянность, когда Виидаш предложил ей стать его женой. Как же ей хотелось стать его женой. Очень сильно хотелось. Ведь она его так любила. Но, несмотря на любовь, признаться не смогла. Только уговорила подождать до окончания школы и ещё несколько месяцев до начала нового года. К тому моменту как раз исполнилось бы семь лет её браку, и он бы стал недействительным. Хаггаресский неконсумированный брак признавался законным в течение семи лет, после чего расторгался. Даже присутствия мужа и жены не требовалось, просто брачные заветы переставали действовать.

– Я хотела ему рассказать. Правда хотела, но оказалась такой трусихой, – Майяри опустила голову. – Боялась рассказывать о своём прошлом, а где-то и стыдилась. Да и опасалась. Нет, я доверяла Виидашу, но боялась, что он случайно может рассказать то, что рассказывать нельзя. Он же такой импульсивный... был, – помолчав, девушка добавила: – Я его совсем не знала. Даже догадавшись, что я хаги, он молчал. Может, ждал, пока я сама признаюсь, а я так и не призналась. И он же никому не сказал! Имею ли я право вообще злиться, что Виидаш выбрал другую? Я сама никогда не была с ним честной. Это то же самое, что предательство. Собралась замуж, будучи уже замужем... Как тебе?

По драконьей морде можно было решить, что не очень. Девушка тяжело вздохнула. Виидашу не повезло ни с ней, ни с Реной. Они обе оказались одинаковыми, обе обманывали его, обе скрывали правду. Может, именно поэтому ей так жалко Рену?

– Ненавижу свою судьбу. Мне кажется, что один раз схватившись за те лапы, – Майяри вспомнила ритуал обретения судьбы, – я теперь постоянно цепляюсь за неприятности. Хочу изменить судьбу, но ничего не получается. Может, я заслужила её? Была в прошлой жизни злодейкой? А что? Похоже. Я ведь плохой человек. Тело новое, а душа та же.

Помолчав, Майяри добавила:

– Но, может быть, я бы ему призналась, если бы всё не так сложилось. Набралась смелости и сказала...

Она запустила пальцы в волосы.

– Или всё же не сказала бы.

Она была так счастлива и так боялась потерять это счастье. Именно тогда Майяри впервые твёрдо поверила, что сможет изменить свою жизнь. Впервые полюбив, она просто не могла поверить, что это счастье возможно разрушить. Оказывается, можно, и для этого достаточно случайности и собственной глупости. А если бы не было этих случайности и глупости, то вполне возможно, что хватило бы и её вранья. Как же сложно поступить правильно, если не совсем понимаешь, что именно может считаться неправильным.

Со смерти брата и до её удачного побега прошло целых тринадцать лет. Тринадцать лет ненависти, боли и глухого отчаяния. Враньё и утайки были постоянными её спутниками. Они помогали ей выжить там, в общине, да и дед ценил эти качества, считая, что хорошему правителю без них никуда. Они же помогли ей сбежать в ночь после собственной свадьбы. Но в мире за пределами её «дома» нужно было учиться жить по-другому.

Для неё это было первым знакомством с внешним миром. С самого своего рождения и до двадцати трёх лет Майяри жила в пределах общины, изредка покидая её, чтобы побродить по округе. И всегда в сопровождении. Многочисленные побеги редко приводили к чужим поселениям, но и их Майяри избегала. Она знала внешний мир только по книгам и рассказам и, уже познакомившись с ним вживую, некоторое время не могла понять, нравится ли он ей. Но он принял девушку вполне благосклонно. Только вот она сама принесла в него дурные привычки из прошлого.

Надо было просто отказать Виидашу. Всё, что произошло, – наверняка наказание за её собственную нечестность. Будь она более честной и сильной, смогла бы отказать. Но ей захотелось быть счастливой, а счастье, оказывается, требует столько всего.

– Я нечестная, лицемерная и с дурным прошлым, – спокойно перечислила Майяри. – И как харен вообще мог влюбиться в такую, как я? Он же лучше всех меня знает, столько раз на вранье ловил. А может, господин Шидай и Викан пошутили надо мной?

Девушка аж похолодела от ужаса, хотя куда уж больше. Но они же не могли заранее знать, что её так испугало сразу после пробуждения. Майяри не очень чётко помнила произошедшее на крыше, но и не совсем уж плохо. Только всё равно с трудом верилось, что такой выдержанный оборотень, как господин Ранхаш, влюбился, да ещё и в неё. Он ведь такой... неприступный. Воспоминания опять обожгли губы, и Майяри невольно облизнулась.

– Нет, в этот раз я поступила правильно, – заявила девушка дракону.

Пусть сам побег был скорее импульсивным решением, но сейчас, немного успокоившись, Майяри уверилась, что сделала всё как надо. Проблем вокруг неё и без того много, а если они схлестнутся между собой, то это будет просто взрыв, и выживут только сильнейшие. И уж точно не харен.

– Господин Ранхаш – оборотень очень целеустремлённый и упрямый. Если он действительно... ну если он и правда... – она закусила губу. – Ну ты меня понял. Если это так, он же не остановится, верно? Он хотел докопаться до моего прошлого и раньше, даже когда мы были не особо знакомы. Думаешь, он остановится, если я попрошу? Нет, он же сам знает, что делать. Расскажу я ему о своём прошлом, и, как думаешь, что он сделает? Просто будет сидеть сложа руки? Ха! Он будет рубить корень зла. А ты знаешь, что представляют из себя сумеречники-хаги? Сумеречные хаги – сильнейшие среди хаги! Я одна могу разнести четверть Жааниды, а община способна снести подчистую всю столицу и всё вокруг неё на сотню вёрст! Они высокомерны и горды и никогда ничего не отдадут, если сами того не пожелают. Заставить их что-то отдать? Они никогда не позволят так унижить себя! Род Вотых способен с этим справиться?

Откровенно говоря, Майяри не понимала, почему с такой силой и презрительным отношением к власти хайнеса сумеречные хаги продолжали ютиться в горных общинах. Дед, когда она посмела дерзить и насмехаться по этому поводу, на неделю отправил её в пещеру Наказаний.

– А знаешь, на что способны сумеречные хагаресы, если на кону стоит существование целого клана? Я боюсь представлять, так как видела, какое знание им подвластно. Это страшно. Боги должны уничтожить и хаги, и хагаресов, ведь они могут погубить весь мир. А что будет делать харен? Искать встречи с ними?

Откровенно говоря, Майяри не представляла, что мог сделать влюблённый харен, и это слегка её пугало. И даже не слегка. Мотнув головой, девушка прогнала липкие страхи и опять забормотала:

– Господин Ранхаш в своём упрямстве точно доберётся до моей семейки. Если у него на меня не было бы каких-то притязаний, то ещё ничего. Члена семьи Вотый они бы убить, может, и не решились. Но если он захочет посягнуть на меня, то их ничего не остановит. Я ведь единственный потомок старейшины, у него больше никого нет. Ни детей, ни внуков, ни правнуков... Не гожусь, чтобы занять его место, так хоть наследника рожу!

Последняя фраза прозвучала зло. Майяри прищурилась, вспоминая, эти же слова, произнесённые дедом. О собственном браке она вспоминать не любила. Нет, до предложения Виидаша эта часть прошлого не вызывала у неё какой-то особой злобы. Ну просто ещё один ритуал, даже с ограниченным сроком действия. Её страстная неприязнь к мужу уж точно не могла сравниться с затмевающей всё ненавистью к деду. Своего телохранителя она и то не любила

сильнее. Но предложение Виидаша заставило её взглянуть на этот не скреплённый даже поцелуем брак по-другому.

Порой, словно пытаясь обмануть себя, Майяри шептала, что этот брак – слова, сила которых с каждым годом становится всё слабее. Действие ритуала прекратится, и всю её супружескую жизнь можно будет описать одной фразой: когда-то она стояла в центре брачной хаггаресской печати и потом несколько минут посидела с мужем в одной комнате. Но этот неуверенный шёпот не успокаивал её. Она смотрела вокруг и понимала, что здесь, в её новой жизни, нельзя обманывать тех, кого любишь. И терзалась тревогой из-за ритуала, который на семь лет привязал её к малознакомому хаггаресу.

Решение о браке принял дед. За тринадцать лет, прошедших после смерти Ёрдела, старейшина понял, что его внучка бесполезна. Мало того что она никогда бы не смогла достичь уровня своего брата ни в силе, ни в уме – правда, превосходила в хитрости и изворотливости, – так ещё и отличалась дичайшей строптивостью. За все эти годы он так и не смог привить ей свой взгляд на мир и свои ценности. Отдать власть в руки девчонке, которая не хочет принимать путь своего народа? Нет, он слишком долго правил и, конечно же, лучше всех знал, что нужно общине. Позволить разрушить плоды трудов своих упрямой внучке? Ни за что.

«Ты глупа и не в состоянии понять величие собственного народа и свою важную роль как его предводителя. Правителем ты быть не можешь, значит, послужишь иным способом».

С того разговора даже недели не прошло, как в общине появились хаггаресы. Дед не раскрывал истинных причин, по которым он решил сойтись с главными врагами хаги, вероятно, не доверял внучке. Но, узнав, что ей предстоит выйти замуж за главу одного из сумеречных кланов хаггаресов, Майяри едва не расхохоталась. Дед знал про печать Недотроги, не мог не знать. Майяри так часто бывала у лекарей, те бы давно донесли старейшине, что его внучка посмела испоганить своё тело. Поэтому она была уверена: в этом браке деду явно нужны не правнуки-хаггаресы.

Майяри поморщилась, вспоминая, с каким остервенением она пыталась понять, что же нужно старейшине от хаггаресов. Её интерес подогревала только месть. Она чувствовала, что вот он, шанс наконец-то достойно отомстить деду. Очень неприятно вспоминать, какой она была.

Но знакомство с будущим супругом сильно охладило её энтузиазм. Можно сказать, эта встреча привела её в чувство. Будущий муж навещал её почти каждый день до свадьбы, и именно благодаря ему она в подробностях узнала всё, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом ночи в супружеской спальне. Она до сих пор с омерзением вспоминала, как он прижимался к ней сзади и нашёптывал на ухо непристойности. Уже после побега, насмотревшись на влюблённые парочки, Майяри запоздало предположила, что будущий муж хотел воспламенить её, но она чувствовала лишь тошноту.

Что на самом деле нужно было деду, Майяри поняла лишь перед самой свадьбой.

Между ним и хаггаресом состоялся обмен, за который их могли бы убить их же сородичи. Причём каждый из них стремился обмануть другого. Как хотел обхитрить деда хаггарес, Майяри предполагала очень смутно. Со стороны же деда всё было ясно: он отдавал хаггаресу внучку с печатью Недотроги. Такая никогда бы не смогла родить детей, которые в будущем стали бы теми, кто соединил бы в себе умения хаги и знания хаггаресов: именно этого хотел её муж.

Но по итогу именно Майяри обманула всех: сбежала сама и стащила Книгу Знаний, до которой так хотел добраться дед.

– Это был самый глупый поступок, который я только совершала, желая насолить, – призналась дракону Майяри. – Оставила бы я эту книгу в покое, и тогда хаггареса можно было бы не бояться. Сбежавшую жену он бы искать не стал. Много чести за бабой бегать! Разорвал бы брак, и всё. Но я же говорю, плохой я человек. Отомстить хотелось! Хотелось, чтобы они

помучались от страха. За эту книгу другие хаггаресские кланы их просто в пыль разотрут! А сейчас я её и вернуть не могу. Она, – девушка усмехнулась и постучала пальцем по виску, – теперь вся здесь. Дед был бы доволен. Он ведь именно этого хотел, чтобы хаггаресские знания достались хаги. А тут ещё и харен... Нужна мне эта любовь...

Несмотря на жестокие, прямо-таки отвратительные слова, Майяри опять почувствовала сожаление и ощутила на себе спокойный взгляд харена, словно бы говорящий: «Госпожа Майяри, вы снова мне врётё».

– Не вру, – уверенно заявила девушка.

Глаза господина Ранхаша нехорошо прищурились.

– Меня ищут хаги, для которых я единственная наследница. Меня ищут хаггаресы, у которых я украла Книгу Знаний. Меня ищут заговорщики, которым нужны украденные из санаришской сокровищницы артефакты, и один из этих артефактов сидит во мне! А вы хотите встретиться со всеми ними и предъявить свои требования? Да они снесут вас вместе с половиной Салеи, чтобы хотя бы себя уберечь! Если вам хочется со всеми ними встретиться, то я этого совсем не хочу!

Майяри сердито тряхнула головой. И чего он у неё из головы не идёт? Он ей, конечно, нравится, но не настолько, чтобы влюбиться в него. Девушка вздрогнула, столкнувшись с ехиднейшим взглядом дракона. На мгновение ей даже показалось, что ящер её мысли прочитал.

– Привал закончился, – сердито буркнула она.

Дольше засиживаться было опасно. И хорошо бы определиться с целью пути. К границам, наверное, лучше не соваться. Майяри уже успела убедиться в широте связей харена: там её наверняка будут ждать. Нужно где-то пересидеть, переждать волну поисков... Взгляд сам устремился на юго-запад, и под ложечкой тоскливо засосало.

– Почему бы и нет?

Перед внутренним взором в очередной раз предстал укоряющий взор харена. Майяри застонала сквозь зубы.

– Вы моей совестью решили стать?!

Фыркнув, девушка тщательно забросала костёр снегом и, прицепив к седлу мешок, вскочила на драконью спину. Оглянувшись назад, Майяри ощутила уже знакомое напряжение, словно бы незримые тонкие корни обрывались. Такое уже было, когда она уходила с Гава-Бйских болот.

– Боги, харен! – девушка раздражённо хлопнула себя по лбу. – Уйдите уже из моей головы!

Как назло, в памяти тут же воскресли картины последней ночи в Жаанидые, и щёки девушки слегка порозовели.

– Ну целуетесь вы, конечно, очень хорошо, – вынужденно призналась Майяри воображаемому харену и свитом подняла дракона в воздух.

Ранхаш опять барахтался в болотной жиже, силясь подняться. Боль сковывала его тело, но где именно была рана, оборотень понять не мог. Мысли в голове витали бессмысленными обрывками, мир слегка кружился и плыл, а может, это плыли белёсые болотные испарения.

Хлюп. Оборотень с трудом повернул голову и уставился на тёмный силуэт, появившийся в тумане. Хлюп. Сердце загрохотало где-то в горле.

– Ты кто? – с трудом прохрипел Ранхаш.

Женщина подняла руку и, словно занавесь, отодвинула застилающий её лицо туман.

– Богиня!

Мужчина вынырнул из сна так стремительно, будто бы его вышвырнули оттуда, и, тяжело дыша, рывком сел на постели. Сердце грохотало в ушах, а перед глазами продолжала стоять улыбающаяся Майяри.

– Твою... – прошептал ошеломлённый Ранхаш и, беззвучно шевельнув губами, почти прорычал: – Богиня! Вот же... – он стиснул зубы, но всё же не удержался, – гадкая девчонка!

Глава 5. Везение

– Идиот! – цедил Ранхаш сквозь зубы, разъярённо осматриваясь и выскивая взглядом свою одежду.

Как же зол он был – на себя, Шидаю, Викана и Майяри, но больше всего на себя. Богиня... Мужчина раздражённо фыркнул. И почему только он не понял раньше, кто эта таинственная спасительница с болот? Сейчас ему казалось, что было столько подсказок.

Гава-Ыйские болота! Они приходили ему в голову, когда он пытался понять, где же после побега из Санариша скрывалась Майяри. Но он отбросил мысли о них, потому что на тот момент не знал об истинной силе девушки и не думал, что зеркальное письмо сможет работать на таком большом расстоянии от Санариша. Болота! В памяти вспыхнули мельчайшие оговорки девчонки, и Ранхаш ещё сильнее взбесился. Самодовольная ищейка, которой собственные успехи вскружили голову и отбили нюх!

– Ранхаш, не так быстро, – взмолился Шидай, по пятам следуя за сыном в гардеробную. – Ты провалялся в бреду три дня. Уже пятьдесят лет такого не случалось.

– Её нашли? – отрывисто спросил Ранхаш, натягивая рубашку.

– Нет, – поморщился лекарь. – ВIKAN, когда сунулся в сыск за драконом, чтобы сверху осмотреть город, узнал, что, оказывается, ещё ночью улетел и теперь должен вернуть взятого ящера. Похоже, эта поганка использовала его внешность, чтобы смыться. Я написал Шереху, Хешу, Ханешу и своим старым друзьям, они подняли кого могли. На границе все предупреждены, в ближайших заставах и городах тоже, и все ищут пропавшую дочь славного рода Даший. У Вотых, сам понимаешь, врагов немерено, как бы не решил кто помочь.

– Дракона уже нашли?

– В окрестных поселениях видели пролетающих ящеров, но все они оказались не теми.

Шидай смотрел, как Ранхаш одевается, но не пытался остановить его или хотя бы спросить, куда это он. И так было понятно. Сам Шидай уже подготовил походный мешок, зная, что сын не будет сидеть на месте. Вот только тот провалялся в лихорадке три дня и даже ещё толком не ел. Выпил чашу бульона, да и то, кажется, с водой перепутал.

– Ранхаш, давай ты сперва нормально поешь, и мы тогда отправимся на поиски. Иначе ты сляжешь раньше, чем найдёшь её.

– Я знаю, где её искать! – неожиданно рявкнул сын, и лекарь замер, удивлённо смотря на него. – Знаю! И я не знаю, что с делаю с ней, когда найду...

– Ранхаш! Ранхаш, стой! – Шидай бросился следом за хареном из комнаты.

– И как только у неё духа хватило молчать всё это время! – разгневанно шипел сын.

На лице Шидаю проступило растерянное и виноватое выражение. Как же Ранхаш расстроился, что теперь винит Майяри в том, что она не захотела принимать его чувства и сбежала.

– Молчала всё это время! Лечила мою ногу... Убил бы!

– Ранхаш... – обеспокоенно вскинулся Шидай.

– Себя бы убил! – не унимался сын.

Растерянный отец испуганно следил за ним. Как давно он последний раз видел на лице Ранхаша такую бурю чувств! И теперь всерьёз опасался, что тому опять станет плохо.

– Я мог бы догадаться... мог бы сообразить!

В мысли Шидаю закралось подозрение, что он чего-то не понимает.

– А где она? – осторожно уточнил лекарь.

– На Гава-Ыйских болотах! Или на пути к ним.

Ранхаш скатился по лестнице, оставив удивлённого Шидаю.

– Эй, подожди! С чего ты решил, что она направилась туда?

– Я вспомнил, кто меня спас тогда на болотах, – Ранхаш рывком сдёргнул с вешалки плащ. – Она мне приснилась. Это была Майяри! Это она нашла меня на болотах! И это она срастила мою ногу! Это была она! И она молчала всё это время! Ни разу не обмолвилась, что я обязан ей жизнью. Ни единого раза!

– Майяри?

Картина событий на болоте дополнилась новыми красками, и некоторые, казалось бы, неразрешимые вопросы обрели ответ. Майяри сильна и талантлива, она действительно могла бы в одиночку справиться с серьёзной раной. Только Шидай не был уверен, что девушка смогла бы сделать это достаточно быстро.

– Ты уверен? Тебе же это просто приснилось. Может, ты путаешь желаемое с реальностью?

Резко обернувшись, Ранхаш разъярённо уставился на отца. Жёлтые глаза пылали огнём.

– Я не путаю.

Добавить он ничего не успел: входная дверь резко распахнулась, и внутрь ворвался ВIKAN. Выглядел мужчина несколько потрёпанно, щёки покрывала щетина, а под глазами лежали тёмные круги.

– Дядя... – начал было он, но, увидев брата, осёкся и удивлённо распахнул глаза. – Очнулся? Ну и напугал ты нас всех!

– С дороги, – Ранхаш оттеснил его в сторону и вышел на улицу.

Его встретили яркие солнечные лучи, звонкая капель и сверкающие лужи на тропинке. Сугробы успели едва заметно просесть и приобрести дряхлый слежавшийся вид.

– Да куда ты бежишь? – ВIKAN нагнал его. – Я вообще-то с новостями о нашей беглянке. Хотел дяде доложить, но раз очнулся ты...

Ранхаш резко остановился, и брат едва не вошёл в его спину. В следующий миг ВIKAN схватили за грудки и рывком подтянули ближе.

– Где?

– Её заметили летящей в направлении Санариша. Появилась откуда ни возьмись над Хри-машами, и её увидели местный кузнец, его соседка и его жена, застукавшая их на самом горячем.

Ранхаш почти отбросил брата от себя. Значит, он прав: она направляется на Гава-Ыйские болота.

– Эй, дядя, куда это он? За ней? В таком состоянии? – ВIKAN недовольно оправил воротник.

– А ты бы на месте сидеть стал? – раздражённо отозвался Шидай.

– Тогда я с вами! – ВIKAN расплылся в широкой улыбке.

– Ты мне не нужен! – услышавший его Ранхаш резко обернулся и оскалился.

– А тебя никто спрашивать не будет, братец, – снисходительно отозвался ВIKAN. – Я и без тебя собирался за ней отправиться. Ты же изволил... болеть.

Шидай рассерженно зашипел.

– И вообще, поздно вато ты спохватился. В поисках уже вся семья участвует. Ну, кроме моей мамы.

Сложив руки на груди, Майяри прищурившись смотрела на нарезающего круги в небе дракона. Летел тот неровно – чувствовалось его раздражение, – а порой и вовсе возмущённо встряхивался всем телом, словно стремясь сбросить всадника. В лесу что-то хрустнуло, и Майяри насторожённо обернулась, но никого не увидела. Наверное, ветка под тяжёлым мокрым снегом сломалась. Прикрыв глаза от слепящего солнца, девушка опять уставилась на ящера. Тот покружил ещё немного и пошёл на посадку.

На снег он почти свалился и тут же возмущённо заверещал, прерываясь, только чтобы нашипеть на всадника. Лже-Майяри с невозмутимым лицом соскочила с его спины и села на подстилку у костра. Майяри одобрительно кивнула.

– Не злись, – девушка успокаивающе потрепала разгневанного зверя по шее. – Полетаете ещё немного, и вернёшься домой.

Ящер пригнул башку и утробно взрыкнул, не сводя с обманки плотоядного взгляда. Оборотень ему совсем не нравилась. Похоже, чуял фальшь, или же его пугала магия, из которой была соткана обманка. Майяри же обманка очень и очень устраивала. Пришлось немного её отремонтировать и заложить новые умения, такие, как полёт на драконе, знание основных команд, чтобы дальше Оборотень летела строго на юг и давала ящеру время на отдых и охоту. Ну и научила сидеть у костра. Дальше-то Майяри с ними не полетит: оставит за ними роль отвлечения погони на себя. Уведут ищеек подальше на юг, а там лже-Майяри исчезнет, и пусть преследователи прочёсывают южное направление сколько душе угодно. Майяри позволила вчера засечь их с драконом в небе, чтобы поисковые отряды начали стягиваться в одном направлении. До этого больше двух дней они летели под цветным щитом в виде тучи. Девушка так вымоталась, что теперь ей хотелось вырыть в снегу берлогу и залечь в спячку. Пожила под крылышком харена всего-то несколько месяцев, а как разнежилась...

Майяри взвалила мешок на плечо – внутри звякнули камни – и повернулась в сторону леса. Дракон тут же встрепенулся, и рассерженное урчание превратилось в жалобное. Сердце девушки тоскливо сжалось, и она виновато посмотрела на зверя.

– Скоро домой полетишь, – пообещала она и под несчастным взглядом ящера, оставляемого с обманкой, зашагала на юго-запад.

Драконов в сыске осталось всего три, а в ангарах городской стражи и военного гарнизона вообще ни одного. Ранхаш хотел было разъяриться, но Шидай успел сказать причину отсутствия ящеров: Майяри. И харен слегка успокоился. Драконы были не самые свежие, не самые быстрые и выносливые, но мужчина надеялся, что им удастся сменить их на одной из застав. Впрочем, вряд ли он единственный, кому понадобится сменить дракона.

Внизу стремительно скользили заснеженные поля и леса, залитые радостным весенним солнцем, но взгляд Ранхаш очень редко опускался туда. Он смотрел прямо перед собой, ощущая внутреннюю уверенность, что находится на верном пути. Справа, чуть впереди, летел ВIKAN, а позади, словно присматривая за молодёжью, следовал Шидай. Вдали чёрной точкой маячил в орлиной ипостаси Ирриван – один из многочисленных кузенов Ранхаша. Его позвал с собой ВIKAN, мол, орлиный взор единственного крылатого Вотого им очень пригодится. Сам Ирриван согласился без особого энтузиазма, скорее уже из долга перед семьёй, который обязывал помогать её членам.

Холодный ветер несколько охладил ярость Ранхаша, но раздражение всё ещё продолжало терзать его. Богиня с болот... беглая сумеречница... хаги... Кем она ещё может быть? Майяри будто бы вся состояла из тайн и недомолвок. Раньше это притягивало его внимание и слегка раздражало. Теперь же, когда он был в неё влюблён, ему хотелось растереть все эти тайны в пыль, чтобы перед ним осталась только Майяри. Такая, какая есть на самом деле. Почему-то казалось, что без своих недомолвок она станет куда беспомощнее и уязвимее и уже не будет так бегать.

Ранхаш стиснул зубы, ощущая, что его опять охватывает горечь. Нет, он был готов к тому, что его отвергнут. До поцелуя он был к этому готов. Но после... после он вдруг вознадеялся на счастье. Он захотел его и приготовился принять в свою жизнь. Но...

Свистнув, Ранхаш заставил дракона слегка отклониться к юго-западу и постарался полностью сосредоточиться на дороге и опять обрести внутреннее спокойствие. Дар, ведущий его

к цели, охотнее откликнулся на зов незамутнённого беспокойством разума. Ему нужно взять себя в руки и успокоиться.

Он ведь ещё не проиграл и у него есть все шансы всё же добыть для себя немного счастья.

На привал остановились только поздней ночью, и то потому, что драконы от усталости уже начали проваливаться вниз, а потом рывками подниматься. И то Ранхаш некоторое время ещё упрямылся и согласился прервать погоню только после того, как Шидай пригрозил запустить в него чем-нибудь усыпляющим. Например, мешочком с обморочным порошком. Услышавший угрозу Ирриван даже подлетел ближе на случай, если придётся ловить брата.

На земле Шидай лично сковал крылья всех драконов – чтоб не улетели – и спрятал ключи от цепей на груди. После чего улёгся у костра и почти сразу же провалился в сон. Ирриван, не оборачиваясь, забрался к нему под одеяло и вроде бы тоже задремал. Бодрствовать остались только Ранхаш и ВIKAN. Первый вообще спать не собирался и почти не мигая смотрел на пламя, а второй позёвывал, но по какой-то причине спать не торопился.

– Лёг бы, – посоветовал ВIKAN брату. – Поберётся бы после болезни. Дядя чуть с ума не сошёл, пока ты в бреду метался. Глаз за трое суток ни разу не сомкнул.

Глубоко внутри что-то отозвалось жалостью к Шидаю, но это жалящее чувство быстро утихло. Всё же Шидай был рядом, а Майяри – невесть где.

Склонив голову набок, ВIKAN с лёгкой усталой улыбкой – тенью его обычной усмешки – осмотрел брата. Ранхаш невольно отметил, что отблески костра окрасили серебристые локоны ВIKана в рыжий цвет. Он ему удивительно шёл: огненный, непредсказуемый, то греющий, то обжигающий... Вот ВIKAN бы Майяри, наверное, понравился. Не сразу, но со временем она привыкла бы к нему и полюбила. Ранхаш легко мог это представить. Может, оттого, что Виидаш – прежний Виидаш – бы чем-то похож на ВIKана. Вероятно, их роднило безрассудство.

– Знаешь, я завидую тебе, – неожиданно признался ВIKAN.

– Мне? – голос харена прозвучал тускло.

– Вот скажи, каково это – любить?

Вопрос брата был столь странным, что Ранхаш даже смог отвлечься от своих мрачных мыслей.

– Больно, да? – в голосе ВIKана словно бы мелькнули нотки зависти. – Всё тело, все мысли... всё рвёт от боли на части... Плохо?

Ранхаш непонимающе посмотрел на него.

– А чувства настолько яркие и ошеломляющие, что внешний мир исчезает? Расскажи мне, каково это – любить? Любить и терзаться, любить и надеяться на взаимность?

– Мне... сложно рассказать об этом.

– Вот как? – ВIKAN откинул голову назад, возведя взор на звёздное небо, и выдохнул облачко пара. – Завидую. Я никогда не любил. А ведь хотел.

Тряхнув головой, ВIKAN опять уставился на настороженно взирающего на него брата и усмехнулся.

– Ты меня всегда раздражал, – вдруг признался он. – Если честно, бесил невероятно. И до сих пор бесишь. Взял, сам все свои чувства похоронил и сделал свою жизнь скучной и безрадостной. Сам. Осознанно. Вот этим и бесишь, – взгляд ВIKана неприязненно потяжелел. – А я не хотел, но так получилось.

Повисло молчание. ВIKAN, видимо, не желал больше откровенничать перед братом, но тяжесть, которую он таскал в груди уже несколько лет, требовала, чтобы он хоть с кем-то поделился. Рассказал.

– У меня было так много женщин, сколько не было у тебя за твои почти два века жизни. Я купался в удовольствии, подчас в запретном удовольствии, и познал, наверное, все его грани. Но лет десять назад оно мне приелось. То, что раньше заставляло мою жизнь искриться,

померкло и стало... чем-то обыденным. Как походы по балам. Они вроде не каждый день, но со временем становятся скучны. А все вокруг, представляешь, влюбляются, – Викан хмыкнул, – страдают, плачут от неразделённой любви, сходят с ума, совершают странные, а иногда и страшные поступки, глупеют, чуть ли не горло себе режут, ревнуют, боятся, радуются... Столько всего с ними происходит! Смотришь, а жизнь у них просто искрится. Пусть от безнадеги они порой в петлю лезут, но, твою мать, их чувства раздирают! Их трясёт от эмоций!

Викан фыркнул и раздражённо добавил:

– А меня нет. Хотел в кого-нибудь влюбиться, но вот не получается. Думал, с Майяри выйдет... – он умолк и опять вскинул голову, выискивая глазами луну.

Её половинчатый диск почему-то был красно-жёлтого оттенка, словно бы языки костра отразились и в нём.

– Я тогда позабавиться решил. Ну, после того, как ты велел мне разгрести последствия с теми хаггаресскими браслетами. Думал, подшучу над малышкой-невестой, немного скуку развею. А она меня в окно вышвырнула, – глаза Викана взволнованно сверкнули, и Ранхаш впервые почувствовал, что брат может быть серьёзным соперником. Даже жуть обеспокоенно завозилась. – Такая яркая, сильная, упрямая, я бы сказал, негибкая. А во время боя, когда ты ещё вмешался, она почти пронзила моё сердце копьём. Ну, не в прямом смысле. Я был так взволнован, что даже понадеялся: вот она – девушка, которая возьмёт моё сердце. Просто посмотрит на него и хозяйственно приберёт к рукам. И ты знаешь, если бы у меня было чуть больше времени, то я бы, наверное, влюбился в неё. Но вот не успел, – брат неприязненно посмотрел на харена. – Хотя на какое-то мгновение я почувствовал, что она всё же моя. И если бы я влюбился, то ты бы уже сделать ничего не смог. Я бы не отступил, убил бы, если бы потребовалось, но не отдал бы. Да я уже почти ликовал, веря, что обязательно попаду под её чары. Я и так рядом с ней всегда ощущал искренние и сильные эмоции. Это ли не предвестники того, что моя мечта близка к исполнению? И сейчас я очень разочарован.

Ранхаш слушал и вспоминал, каким он был в возрасте Викана. Собственные чувства заставляли его страдать. Он устал от этой боли и сознательно от неё отказался. Видимо, был слишком юн, чтобы осознать: внутренние переживания приносят не только боль. У Викана же было наоборот: чувства приносили ему наслаждение, и, утратив способность воспринимать их с прежней яркостью, он стал несчастен и начал гоняться просто за острыми ощущениями, по своей молодости не понимая, что некоторая боль способна убить.

Оказывается, они одинаковые. Открытие было подобно потрясению. Они с Виканом одинаково хладнокровны. Только Ранхаш осознанно дошёл до этого, а Викан всё ещё цепляется за маску весельчака и балагура, хотя собственный смех уже не отзывается внутри весельем.

– Поэтому я желаю тебе, Ранхаш, немного помучиться, – Викан тяжело посмотрел на брата. – В наказание, что ты бездумно отпирался от того, что не досталось мне, хотя я очень хотел. Даже сообразив, что влюбился, ты ведь хотел отказаться от неё. Я так завидую, что не могу тебя простить.

Прошептав что-то ещё раздражённо себе под нос, Викан всё же забрался под одеяло и закрыл глаза.

– Ранхаш, если посмеешь смыться до нашего пробуждения, то всеми богами клянусь, что отобью у тебя Майяри, – пригрозил он напоследок. – Мы за эти трое суток ни разу не поспали. Майяри никуда не денется, мы обложили её со всех сторон. Она теперь на всю Салею знаменита, – и, душераздирающе зевнув, добавил: – Деда уже ждут её родственничков в гости, хотя ещё даже не знают, кто они. Всё образуется, так что тебе, наша снежная хайрени, печалиться не о чем.

Поворочавшись ещё немного, Викан затих и через несколько секунд засопел.

Странно, но после исповеди брата Ранхаш почувствовал себя спокойнее и с удивлением обнаружил, что всё это время стискивал кулаки. Подняв взгляд на небо, мужчина устался на

волчий месяц и на фоне его серебристо-белого диска представил обеспокоенное лицо Майяри: девушка напряжённо осматривалась, словно бы не зная, куда направиться. В груди всё ещё набухала и пульсировала боль, и Ранхаш, склонив голову набок, чуть удивлённо протянул:

– Мне... повезло?

Глава 6. Погоня за миражом

До Санариша отряд всадников добрался только к середине пятого дня. На ближайших заставах сменных драконов не оказалось – округу прочёсывали другие всадники в поисках той же Майяри, – и приходилось останавливаться, чтобы дать ящерам отдохнуть и поохотиться. Ранхаша выводила из себя каждая секунда промедления. У Майяри и так было три дня форы. То, что её начали искать уже через полчаса после побега, харен не учитывал: он-то её начал искать позже. Немного успокаивало только то, что девушка тоже не могла сменить дракона, значит, должна была опускаться на землю и ждать. Но успокаивало лишь немного.

Начальник заставы – хаварий Орлын – как раз обходил посты и, увидев опустившихся в центре двора драконов, направился к ним. В последнее время гостей было много, все искали пропавшую госпожу из рода Даший. Однако как ни старался Орлын, что это за род Даший, вспомнить не смог. Только вот странно было, что в поисках участвовали сами Вотые и их подчинённые. Вчера на заставу прилетел сам господин Вахеш. Сменив драконов и узнав последние новости о девушке, его отряд не мешкая продолжил путь. Уж не невеста ли сбежала от отпрыска славного рода?

Двое из всадников уже направлялись навстречу хаварию, а третий уселся на мокрую каменную площадку и заявил, что здесь и умрёт, после чего откинулся на спину и закрыл глаза. То, что отряд состоял из четырёх мужчин, начальник заставы понял чуть позже, когда сообразил, что приземлившийся у пылающего костра орёл ему не знаком. Дежурный привычным жестом накинул на плечи обернувшегося мужчины шерстяное одеяло и лишь после этого удивлённо присмотрелся к нему. Взор хавария опять переместился на приближающихся мужчин, и оборотень поприветствовал гостей кивком. И отметил, что один из них – и тот, что улёгся спать на мостовую, – очень уж походит на Вотого: изящно сложен, с серыми волосами и жёлтыми глазами. Может, был бы и красив, но после долгого полёта лицо его обветрилось, а глаза покраснели и выглядели воспалёнными, и хаварию показалось, что это от недосыпа.

Второй оборотень был куда выше и старше и выглядел немного бодрее. Он и начал разговор.

– Доброго дня, уважаемый! Можно ли у вас сменить драконов?

– А кем будете? – отозвался хаварий.

– Ох, совсем запамятовал... Шидай Даший.

Ого! Орлын с удивлением уставился на представителя ставшего в последние дни знаменитым рода.

– Это мой господин Ранхаш Вотый, а тот... Викан, живо встал! Твою застуженную задницу я лечить не буду! Это его брат Викан Вотый, а там Ирриван Вотый. Мы ищем мою пропавшую воспитанницу Майяри Даший.

– Сбежала? – мрачно поинтересовался хаварий, знаком подзывая к себе помощника, чтобы уточнить, что там с драконами.

– Ага, – господин Шидай поморщился. – Бедная девочка всё детство провела с очень плохими людьми и теперь боится даже тени. И одна тварь посмела подшутить, что, мол, я, старый развратник, взял её на воспитание, чтобы потом жениться. Ну куда мне в моём возрасте жениться, да ещё и на ребёнке?

Хаварий сочувствующе кивнул, но верить не поспешил. Что ж, теперь понятно, отчего так Вотые зашевелились: воспитанница слуги семьи. Господами Вотые были хорошими и своих подчинённых в беде не бросали. Тем и славно было жить у них под крылом.

Сменные драконы на заставе оказались. Господин Ранхаш сразу же оживился, глаза его заблестели, а вот его брат Викан застонал от отчаяния, видимо, надеясь на отдых.

– Не знаю уж, донесли ли вам последние новости о вашей воспитаннице, но её видели три дня назад недалеко от Прийша. Местный охотник задержался из-за метели в лесу и видел дракона, который выкапывал из сугробов захоронившуюся живность. На спине у него девушка сидела, хладнокровная такая госпожа. Со слов охотника, ни один мускул на её лице не дрогнул, когда она смотрела на трапезу зверя.

– Я же говорил, моя девочка долгое время росла среди плохих людей. Выдержка у неё что надо, – господин Шидай широко улыбнулся, но Орлын успел отметить в его глазах сомнение.

Допытываться, впрочем, он не стал, хотя язык чесался уточнить: его воспитанница случаем не Амайярида Мыйм, которая год ходила в подозреваемых в ограблении сокровищницы? Очень уж имя похожее. Но удержался.

Уточнив всё, что им нужно, Шидай и Ранхаш отошли к краю крепостной стены и прислонились к ней.

– Найдём, не переживай, – едва слышно прошептал лекарь, пытаясь в очередной раз подбодрить сына.

Ранхаш тряхнул головой и мрачно уставился перед собой. Он одновременно терзался страхом всё же упустить Майяри и уверенностью, что обязательно поймаёт девчонку. Только вот что с ней делать, когда она окажется в его руках? Не тащить же действительно силой под венец (после признания Шидая, за что именно он схлопотал по башке, и сын едва сдержался, чтобы не последовать примеру Майяри)?

На одном из вечерних привалов Ранхаш даже высказал свои опасения вслух. В другое время промолчал бы, но тревога не покидала его, спал он мало и соображал уже плохо. Хотелось уже какой-то ясности в мыслях.

– Как показывают свою любовь? – тихо спросил он отца.

Шидай чуть удивлённо взглянул на него и слегка нахмурился.

– По-разному. Здесь не всегда есть какой-то один правильный ответ. На самом деле лучше всего быть честным. Четно говорить о своих желаниях и чувствах.

– Это помогает?

– Не всегда, но когда между возлюбленными есть понимание, всё же легче.

– Я понял, – медленно кивнул Ранхаш, и Шидай встрепенулся.

– Только, Ранхаш, ты с честностью-то тоже будь аккуратен. Сам же видишь, какая Майяри пугливая птичка.

И эта пугливая птичка собралась на юг. Похоже, она хотела добраться до Давридания. Ранхаш даже немного растерялся. Почему-то он был уверен, что Майяри направится именно на Гава-Ыйские болота, и не подумал, что она вряд ли посчитает прежнее укрытие подходящим. И в прошлый раз её тоже поймали именно на юге.

Но всё же он сомневался, выбирая направление. Интуиция молчала.

Правда, если подумать, то что ей делать на болотах? В зловонных топях и в окружении опасных тварей. Разбойные шайки он разогнал, прибиться ей не к кому, выживать там одной в такое время года... И есть вероятность, что он, харен, её всё же вспомнит. Будет ли Майяри так рисковать?

Ранхаш уже ничего не мог предположить наверняка. Давриданское направление в целом выглядело интереснее. Другая страна, расположенная за Рирейскими горами, где Майяри никто не знает и не ищет, где и хаги-то малоизвестны. А можно отправиться и ещё дальше на юг, чтобы точно никто не нашёл. К тому же... Майяри приснилась ему в образе богини с болот, но вдруг это действительно просто игра его сознания?

И в то же время Майяри видели. Странно... Видели уже целых два раза.

Ранхаш нахмурился.

Майяри неспешно погладила то место, где у неё должна была быть борода, с умиротворением прислушиваясь к голосам и шуму. Застава жила своей жизнью и в данный момент очень насыщенной: с окрестных деревень приехали молодые парни, некоторые ещё совсем мальчишки, чтобы пройти воинскую подготовку и пойти на службу. У кого-то из них глаза так и горели азартом, уже, наверное, видели себя в своих мечтах героями и спасителями родины. Другие, наоборот, казались испуганными и обеспокоенно посматривали на запертые на ночь ворота. Третьи же были молчаливы и угрюмы и разговоров ни с кем не заводили. Даже провожающие новобранцев родственники вели себя по-разному.

Майяри были интересно наблюдать за этой небольшой толпой. В общине почти все вели себя одинаково. Детей воспитывали очень строго, и к началу взрослой жизни – а начиналась она рано – они уже знали, как нужно себя вести и чего от них ждут окружающие. Оборотни-охранники очень выделялись на фоне её сородичей, но даже они были похожи в своих поступках, только уже между собой. Госпожа Ярвидела была единственной, чьё поведение было непредсказуемым. Ну, Майяри тогда так считала. Сейчас-то, прожив в Салее более шести лет и познакомившись со столькими характерами, девушка понимала, что не такими уж и непредсказуемыми были поступки Благословлённой на Одиночество. Но это ничуть не умаляло её уважения к единственной женщине в общине, которая имела смелость смотреть мужчинам в глаза и не оказывать им раболепного почтения, которое они привыкли принимать от женщин.

Как-то один старик в общине назвал госпожу Ярвиделу крепкой и ядрёной, как самый трескучий мороз. Дедок процедил эти слова сквозь зубы и даже едва сдержался от плевка, но всё равно помимо презрения и злости в его голосе проскальзывало восхищение. Благословлённую богами не любили, но самих богов уважали, и Ярвиделу терпели, порой с перекошенными от ярости лицами терпели. И к дочерям своим учителем звали: всё лучше, чем мужику на обучение отдавать.

Помимо кинжалов госпожа Ярвидела владела копьём, превосходно стреляла из лука и могла даже голыми руками спустить вниз по склону, а там уж горы переломают кости обидчику. Оборотни-охранники неприкрыто восхищались ею, но лезть к женщине-хаги не рисковали. И не потому, что боялись мужчин-родственников. Отец госпожи Ярвиделы умер за сто лет до рождения Майяри. Они опасались саму женщину, воспитанную словно бы вопреки всем традициям.

Прекрасная, влекущая, полная достоинства и обладающая непревзойдённой выдержкой... Благословлённая на Одиночество будто бы была создана, чтобы мучить мужчин своей недосыгаемостью. В ранней юности, до Благословения, на госпожу Ярвиделу засматривался даже отец Майяри. Но дед не одобрил: род слабоват. Зато глава жреческого клана такую невесту приветить был бы рад, да вот отец госпожи Ярвиделы посчитал его племянника недостойным своей дочери. За что, как язвительно посмеивались, и поплатился. Оскорблённый жрец объявил его дочь Благословлённой на Одиночество.

Кто такая на самом деле Благословлённая на Одиночество, Майяри поняла только в двадцать лет, когда в общине появилась ещё одна девушка, получившая божественное благословение. У той умер отец, и она осталась совсем одна – страшнейшая участь для женщины. После благословения её переселили в отдельный дом на окраине общины, и прежние подруги перестали с ней общаться. Зато мужчины зачастили в гости ходить.

Мерзость.

Стало понятно, отчего так не любили госпожу Ярвиделу. Узвлённый отец не позволил унижить дочь и заботился о ней до самой своей смерти. А уже после того, как он ушёл, стало ясно, что Ярвидела не нуждается ни в чьей заботе. Она сама ходила по горам на охоту, сама чинила свой дом и никогда не принимала чужую помощь. Как же, вероятно, мужчины злились,

когда поняли, что эта женщина действительно обречена на одиночество. Гордая, сильная, смелая... Почему она не покинула общину?

Майяри тряхнула головой и опять обвела взглядом парней, сгрудившихся у подвешенного над огнём котлом. Чуть в стороне на мешках и постилках сидели их родственники, чаще отцы, братья или дяди, реже матери. Глядя на них и их отпрысков, можно было заметить много любопытного. Да вот хотя бы если посмотреть на того бравого оборотня, с гордостью рассказывающего собравшимся вокруг него новым товарищам, как он с дедом ходил на самого страшного зверя – медведя. А потом перевести взгляд на лица его отца и матери: грустные и полные тревоги.

А если посмотреть вон на того мрачного мальчика, наверное, едва дотягивающего до требуемых двадцати лет. Сидит в каком-то рванье, ни тёплой одежды, ни сапог. Да и провожающих поблизости не видно. Какой-нибудь бродяжка, решивший, что на воинской службе всяко сытнее будет. В первые годы после побега Майяри повидала множество таких парнишек. Большая часть из них вливалась в бандитские шайки – туда попасть особого труда не составляло, – кто-то умудрялся пробиться в ученики к ремесленникам, но тут уж дюжее старание требовалось, другие продолжали жизнь побирušек, и лишь единицам из них везло попасть куда-нибудь на воспитание.

Мысленно пожелав мальчишке удачи, Майяри продолжила осматриваться.

На заставу она проникла вместе с дозорным отрядом, возвращавшимся с задания. Управились быстро и вернуться решили через лес, чтобы поохотиться и привезти свежего мяса. Майяри потребовалось лишь скрыть запах – благо в этот раз у неё просто прорва амулетов – и в виде сугроба подобраться ближе к волокушам с добычей. Там она легла на ещё тёплую оленью тушу и сменила окрас цветного щита: олень враз слегка потолстел.

Оказавшись в крепости, Майяри подождала, пока охотники нахвалятся добычей, и, уловив момент, переместилась с волокуш к бочке, где и притаилась в ожидании ночи. Бродяжничая, она довольно часто проникала на заставы, чтобы разжиться едой, послушать, что творится в новом для неё мире, и посмотреть, как живут обычные оборотни. В этот раз на заставу её заманили голод и недомогание. Прошагав более суток на юго-запад, Майяри ощутила жар, а потом уже и сильную головную боль. Лекарства в мешке с артефактами не было, а камни, если это не специальные лечебные амулеты, от болезни помогали мало.

Но ночи ждать не пришлось. После полудня ворота распахнулись и внутрь повалил народ. Даже досадно стало. Вот знала бы, тогда бы не пришлось на туше убитого оленя кататься и слушать восхищения, какой зверь жирный! Хорониться у бочки смысла больше не было. Выискав в памяти образ безобидного старика, с которым Майяри как-то беседовала, будучи бродяжкой, девушка присоединилась к толпе. Внимания на неё никто и не обратил. Посчитали, наверное, одним из провожающих. А после чашки горячей каши, которую ей из уважения к почтенному возрасту поднёс один из оборотней, вроде как и жар отступил и стало значительно легче.

– Чего разнюнился, как девка?! – взбешённо прошипел кто-то рядом, и Майяри заинтересованно обернулась.

В сажени от неё стоял невысокий кряжистый оборотень с лысой головой и густой, завивающейся в кольца чёрной бородой. Сложив руки на груди, он с отвращением смотрел на понурившегося парнишку в коротком светлом овчинном тулупчике. Паренёк был довольно высок, но всё ещё по-подростковому нескладен и угловат. Веснушчатый, с растрёпанными пшеничными волосами и голубыми глазами.

– Да о такой жизни все мальчишки мечтают! – продолжал шипеть бородач. – Я тебя еле пропихнул сюда, спасибо старому другу, а то такого рохлю и брать-то не хотели.

– Дядя... – начал было парнишка, но его резко осадили.

– Смотришь, как бычок на закляние, у-у-у! – дядя замахнулся, чтобы отвесить оплеуху, но сплюнул и всё же опустил руку. – Через год сам меня благодарить будешь.

Мальчишка шмыгнул носом.

Майяри отвернулась, чувствуя, как внутри узлом завязывается злость. Это не её дело. Сами разберутся.

Заставив себя сосредоточиться на предстоящем дне, Майяри подумала, что ей всё же повезло. Завтра мальчишек-новобранцев должны были отправить на Ыйскую заставу для обучения. Кое-кто из родичей – те, кому домой ехать в ту же сторону, – отправится в путь вместе с ними. Почему бы и такому почтенному оборотню, как она сама, не проводить ещё немного внука? Тем более что Ыйская заставка стоит в каких-то двадцати верстах от Гава-Ыйских болот.

Благодушное настроение опять вернулось к ней – внутренний харен укоризненно посмотрел, немного подпортив прелесть момента, – и девушка опять огляделась. Пристальный взгляд одного из служивых заставил её напрячься, но она не отвернулась и, кивнув оборотню, одарила его отеческой улыбкой. Тот отчего-то смертельно побледнел и растерянно заморгал.

Глава 7. Дар харена – видеть истину

Обоз с новобранцами тянулся по всё сильнее расплзающейся дороге вторые сутки. Родственники-проводящие один за другим отсеивались, и Майяри тоже подумывала покинуть обоз: больно приметной становилась. Пока-то служивые к деду особо не цеплялись, с уважением к возрасту относились. Да и поди пойми, что он тут лишний: все мальчишки почтительно величали его дедушкой, глядишь, где-то среди них и настоящий внук есть. И боязно как-то подходить.

Майяри чувствовала лёгкий страх, витающий вокруг неё, но понять, с чем он связан, так и не смогла. Особенно шарахался тот служивый, что так усердно пялился на неё ещё на заставе. Может, добрый дед, личиной которого она воспользовалась, и не добрый вовсе?

К вечеру обоз покинули ещё трое сопровождающих, и Майяри решила, что и ей нужно утром уходить. С обозом ехать, конечно, удобнее. Ей, как оборотню пожилому, и место в телеге уступили. Три раза в день можно поесть горячей каши, да и кому придёт в голову искать её среди новобранцев-воjak? Внутренний харен недовольно заворчался.

Юные оборотни уже успели перезнакомиться между собой и разбиться на группки. Даже у мальчишки-бродяги, разжившегося казёнными тулупом и сапогами, появился товарищ – серьёзный молчаливый паренёк в добротной одежде. Оба оборотня молча сидели у костра и изредка перебрасывались между собой словами. Заставники одобрительно посматривали на них, и Майяри даже слышала, как кто-то из них сказал, что из парней могут выйти соглядатаи.

Остальные группы были побольше и заводили там, главным образом, парнишки, «жаждущие героической славы». Так их для себя определила Майяри. «Герои» порой цеплялись друг к другу, но до ссор и драк пока не дошло – заставники следили.

Были среди мальчишек и одиночки: с кем-то никто водиться не хотел, кто-то сам ни к кому ни шёл. Взять хотя бы парнишку, что рядом с ней сидел. Тот самый, с пшеничными волосами, которого дядя ругал. Дядя покинул заставу на следующее же утро, и племянник совсем раскис. Майяри никогда не видела, чтобы он плакал, но глаза у него постоянно были красными и опухшими. С плаксой никто иметь дела не хотел, да и ему окружающие были безразличны.

Заметив взгляд старика, мальчишка было отвернулся, а затем набычился и недовольно зыркнул в ответ. Дедушка лишь ласково улыбнулся, и парень стыдливо опустил голову.

– Не хочу я служить, – неожиданно даже для самого себя признался он. – Страшно и... и противно кого-то убивать.

– Вот как? – протянула Майяри, пытаясь вспомнить имя оборотня.

Вроде Лёшкой звали.

Паренёк осмелел. Пожилой оборотень не торопился его осуждать и строго поучать, что, мол, служба почётна для любого мужчины и ему стоит гордиться, что он станет настоящим защитником родины и, может, достойно погибнет в бою и останется в истории героем.

– Чем нехороша работа земледельца? – на его глазах сверкнули сдерживаемые слёзы. – Хлеб все едят.

– Пахарем хочешь быть? – старик спросил не сразу. Помолчал, словно обдумывая услышанное, и только потом изволил говорить.

– Нет, – щёки юнца порозовели, и он стыдливо опустил голову. – Кузнецом, как отец. Но дяде не по нраву это занятие. Вся жизнь папеньку попрекал за то, что тот серпы да плуги ковал. Вот из меня решил настоящего мужчину сделать. Неужто настоящий мужчина должен непременно воевать и убивать?

– Да кто ж знает? – пожилой оборотень вздохнул. – Сколько ни живи на свете, а все ответы не найти. Иногда кажется, что их и нет. Какой он – настоящий человек? По мне так настоящий человек тот, кто твёрдо идёт по намеченному пути, не слушая, что там другие болтают.

– А вы, дедушка, по вашему пути твёрдо шли? – парнишка уставился на старика затаив дыхание.

– Да нет, куда уж мне? Сложное это дело. Здесь устоишь, а там споткнёшься. Вроде иду-бреду... Может, и хватит до конца жизни прошагать.

– До конца жизни? – выпучил глаза мальчишка.

– А ты думал, год-два, и нужный путь сам под ноги ляжет? – дедушка улыбнулся и хитро прищурился. – Э-э, нет. Его порой своими рученьками надо прокладывать. Хочешь жить по-своему? Так придётся ой как потрудиться!

Парнишка опустил голову и глубоко задумался. Старик продолжал ласково улыбаться, а Майяри, скрытая его обликом, погрузилась в воспоминания. Мудрость, которую она высказала мальчишке, была заёмной. Когда-то она сама говорила с этим стариком, чьим лицом прикрывалась, но на его речи отреагировала иначе, чем юный оборотень. Слова доброго деда, не отказавшегося поговорить с бродяжкой, пока внуки чинили поломавшуюся телегу, убедили её, что если бороться, то жизнь сложится как надо. Бороться и выгрызть то, что ей нужно, Майяри умела.

Понимание, что не всегда и не всё можно выгрызть, пришло позднее. Когда её собственный путь начал пересекаться с чужими дорогами. Эти перекрёстки порой были такими хрупкими, что каждый надлом мог разрушить всё полотно дороги. Сколько раз за эти годы проложенный и свеженамеченный путь рассыпался в пыль или уходил в болото? Быть строителем своей собственной жизни очень сложно. Наверное, действительно проще ходить по уже испытанным дорогам, только вот судьба у неё такая, что и эти пути ей недоступны. Либо жить той жизнью, что определил для неё дед, либо самой строить.

Только вот у неё почему-то всё какая-то дрянь выходит.

Светловолосый паренёк сбежал той же ночью. Может, часовые его и поймали бы, но Майяри отвлекла их, зашевелив землю под кустами. Пока оборотни проверяли заснеженные заросли, парнишка канул в тьму, а «старик» спокойно забрался под его одеяло.

Утром добрый дедушка исчез. Его поискали – больше всех старался болтавший с ним накануне вечером светловолосый мальчишка, – да и тронулись в путь.

Только один из заставников продолжал обеспокоенно осматриваться и шептать раздражённому товарищу:

– Говорю тебе, знаю я этого деда. Знаю! Это дед Лирым из Отловиных брошек. Сам, на своих плечах года два назад нёс его на погребальный костёр. Мертвец это!

– Да когда ж ты угомонишься?! – вызверился друг, которому надоело слушать эти байки, и невольно с опаской осмотрелся.

– И куда только, поганка, заныкалась? – Викан с досадой взъерошил волосы и плюхнулся на лапник.

Ещё неделю назад прыткость Майяри его забавляла и даже приводила в восторг, но сейчас, после бесконечных и однообразных полётов над заснеженными лесами и полями, звериный азарт окончательно выветрился и выстудился. Дико хотелось завалиться в медвежью берлогу и проспать хотя бы до середины второго месяца весны. А одинокие чёрные точки уже вызывали зубовой скрежет: приходилось опускаться вниз и проверять, не Майяри ли это, хотя чутьё вопило, что так легко она не попадётся.

Посеревший и осунувшийся Ранхаш не спешил покидать седло, и Шидай настороженно посматривал на него, опасаясь, что сын поднимется в небо без него. Спал харен очень мало и

плохо, и другим нормально отдыхать не давал. Ирривану ещё везло: он мог поспать немного в птичьем облике, пристроившись на драконе позади всадника. А на замечание Шида, что отряду нужен отдых, Ранхаш ответил, что они могут вообще вернуться назад. Он их не звал.

Неделю, целую неделю они прочёсывали леса, но так и не нашли замеченную где-то здесь девушку. А сегодня утром, залетев на ближайшую заставу, чтобы сменить драконов, узнали, что девчонку видели за сотню вёрст от этих мест, чуть ли не у самых Рирейских гор. И как только ей удалось забраться так далеко? Десятки отрядов в воздухе и на земле рыскают туда-сюда в поисках её, но Майяри умудрилась избежать встречи со всеми. В другой ситуации Шидай бы даже возгордился, а сейчас только досада крепла.

– Ранхаш, спускайся. Надо отдохнуть. Завтра к горам лететь.

Харен мотнул головой и медленно спешился.

– Что такое? – лекарь с опаской взглянул на погружённого в глубокую задумчивость сына.

Ранхаш не ответил и опустил на лапник рядом с Виканом. Брат взглянул на него неприязненно, но гнать не стал. Пусть уж лучше сидит, где сидит, а то опять на дракона полезет и отдохнуть снова не выйдет.

– Майяри видели уже три раза, – глухо пробормотал харен, и отец с братом непонимающе посмотрели на него.

Вид у Ранхаша был несколько невменяемый от недосыпов, и порой казалось, что он бредит.

Сам он считал, что наконец смог вернуть прежнюю невозмутимость и рассудительность и начал слышать собственную интуицию.

Майяри видели три раза. Целых три раза. Почему?

Ранхаш не мог ответить на этот вопрос. Её не ограничивали хаггаресские браслеты, ей нет необходимости скрывать собственные силы – она и так себя раскрыла – и она забрала мешок с артефактами, содержимое которого Ранхаш знал до последнего камешка. Почему она позволила обнаружить себя целых три раза?

Майяри в спешке гораздо совершают ошибки и оставляют следы, но чтобы столь очевидно... Ранхаш закусил губу. И его совсем не тянуло к Рирейским горам. Даже представляя, что девушка на драконе переваливает за горную гряду и скрывается в другом государстве, он совершенно ничего не чувствовал.

– Обманку можно научить летать на драконе? – неожиданно спросил он.

– Да можно, наверное... – неохотно ответил Викан.

– В мешке были кристаллы ложного облика.

– Обманка бы столько не продержалась, – отрицательно мотнул головой брат. – В неё столько магии не вбухаешь... Эй, дядя, ты чего?

Оборотень с удивлением уставился на лекаря, который выронил котелок со снегом и ошеломлённо распахнул рот.

– Её обманки могут продержаться...

– Вот как? – Ранхаш устало потёр глаза.

Образ летящей за горы Майяри окончательно исчез из его воображения.

– Мы не полетим к Рирейским горам.

– Что? Отступить решил? – поинтересовался Викан.

– Она на Гава-Ыйских болотах.

Теперь харен был уверен в этом. Его даже кольнуло сожаление, что он позволил себя запутать и свернул с правильного пути.

– Дядя, кажется, ему пора нормально поспать.

К удивлению Викана, лекарь задумчиво закусил губу и посмотрел на северо-запад.

– Да что ей делать на болотах?

– Действительно, что? – в отличие от брата в голосе Ранхаша прозвучал интерес, а не недоумение.

– Ранхаш, приди в себя! Какие Гава-Ыйские болота? Мы её упустим, если полетим топи месить.

– Она там, – со странной уверенностью заявил харен.

– Да лети куда хочешь! – вспыхнул ВIKAN, которому совсем не хотелось спорить со свихнувшимся от усталости братом. Тут у самого-то голова уже кругом шла, а заснеженные верхушки деревьев не покидали его даже во снах. – Поймаю её без тебя. Только вот хрен я тебе потом её отдам!

– Хорошо, – покладисто согласился Ранхаш и, потеряв всякий интерес к разговору, уставился на костёр.

Внутри наконец-то появилось настоящее спокойствие, и мужчина ещё больше уверился, что вернулся на правильный путь.

Интуиция – дар сов – редко его обманывала.

Глава 8. Гава-Лиимские Сады. Сбежать нельзя

Майяри замерла, ожидая, когда часовой пройдёт мимо, и, дождавшись, неспешно поползла дальше. Как назло, ночь стояла ясная: и волчий месяц, и луна заливали светом льдисто-блестевшие сугробы. Корка под ногами хрустко ломалась, и если бы не приглушающий звук амулет, то на треск сбежались бы все часовые. Днём снег напитался влагой и сейчас, прихваченный ночным морозом, застыл, из-за чего и следы заметить было сложнее, а силами хаги сугробы не разгладишь. Это ж застывшая вода.

Обернувшись ещё раз на пылающие костры, девушка продолжила свой путь, держа направление на запад.

За неделю пути в составе обоза здоровье её более-менее пришло в норму, девушка ото-спалась и даже отъелась. К Лешке, личину которого она позаимствовала, никто особо не лез, разговорами и поручениями не донимал, и путешествие вышло довольно ненапряжным. До Ыйской крепости ещё оставалось около трёх дней пути, но Майяри подумала и решила, что можно покинуть обоз и здесь. Двигались они всё равно вдоль болот на расстоянии двадцати-двадцати пяти саженей от них. Если идти отсюда строго на запад, то выйти Майяри должна была почти к самому Каменному Порогу, к восточной его оконечности. Там она бывала нечасто и тропки плохо знала, но зимой топь всё же подмерзала и ходить там было уже не так опасно. Небось вспомнит дорогу.

Чтобы отойти от места привала на триста саженей, девушке понадобился почти час. Остановившись перед обледенелыми кустами, Майяри обернулась к обозу и, пожелав удачи юным оборотням, уже смелее двинулась дальше.

Болота ждали её.

Утром в обозе поднялась паника: пропал один из новобранцев – светловолосый тихий паренёк по имени Лешка. Новобранцы, большая часть из которых раньше никогда не была так близко к Гава-Ыйским болотам, вечерами травили у костра страшноватые байки и всю ночь после тряслись от страха. И теперь побелевшие товарищи с ужасом перешёптывались, пытаются убедить друг друга, что Лешку утащили болотные твари. Распробуют и за ними придут.

Заставники, более опытные и менее суеверные, мрачно выискивали следы, предполагая, что мальчишка просто стухнул и сбежал. К тому всё и шло, на заставу-то он пришёл не по своей воле. Только вот они осмотрели всё на версту вокруг, а следов не нашли. Будто по воздуху улетел, да он вроде бы и не из птиц был.

Всё же суеверный ужас пробрал и их. Один из служивых не преминул напомнить историю, которой уже замучил всех товарищей.

– А я говорил! – голос его нещадно дрожал. – Старик тот мертвецом был. Я всех в отряде опросил, никто его не знает! Мертвец то был, как есть мертвец! Я ж сам его на своих плечах на погребение отнёс. А теперь Лешка пропал, а он тут единственный, кто со стариком болтал. Вот тот его с собой и увёл!

– Да ну тебя! – раздосадовано плевались товарищи и украдкой чертили на лбах охранные знаки.

Майяри добралась до болот к утру. Испарения всё ещё жутковато голубели, но в солнечных лучах постепенно превращались в белёсое облако. Тянуло влажной стынью, и девушка невольно задержала дыхание, ощутив уже подзабытую вонь. Помедлив на невидимой границе между топями и внешним миром, Майяри всё же шагнула в завихряющийся туман и будто бы оказалась в другой реальности.

Снега здесь не было. Он не залёживался в топях, а испарения съедали и то, что не сливалось с грязью. Только вода схватывалась ледяной корочкой да расползающаяся земля проминалась с похрупыванием. Без снежной шубы, укутывающей землю, и в окружении влажного тумана казалось, что на болотах куда холоднее, чем на большой земле.

Девушка ненадолго остановилась, осматриваясь и прислушиваясь. Царила зловещая тишина, словно бы она ступила в давно умерший мир, где не осталось ничего живого. Большинство болотных тварей завалились в спячку ещё в первый месяц зимы. Бодрствовали только те, что жили за Каменным Порогом. Девушка осторожно пошла вперёд, пытаясь вспомнить дорогу. Память просыпалась медленно, а сама Майяри всё ещё не верила, что опять оказалась здесь. В груди робко разрасталось ласковое тепло, а уголки губ неуверенно дрожали.

В тумане появился знакомый силуэт исполина-бахвина, и Майяри замерла перед деревом, с жадностью осматривая голые ветви. Главное дерево болот будто бы тоже дремало, но ток могучей жизни продолжал змеиться по его коре бледно-голубыми линиями, и ощущение, что она гуляет по кладбищу, покинуло девушку. Воображение скользнуло под землю и по длинным корням бахвина расползлось по всему болоту, словно бы заглядывая вглубь топи. Красочно представились запутанная сеть корней других деревьев, лёжки спящих животных, свернувшиеся клубками бахвинные паразиты и яркие огненные шары вододышки, прятавшейся на зиму под землю.

Неожиданно ледок под стопой треснул, и нога по колено ухнула в холодную воду.

– Ух-х-х! – зашипела девушка и прочувственно добавила: – Болота!

Вот и первые объятия после долгой разлуки.

Тепло охватило всё тело, и Майяри радостно улыбнулась. Наверное, что-то такое чувствовали её однокурсники, восклицая после возвращения с практики «Наконец-то я дома!». Дорога вмиг вспомнилась, и девушка уверенно зашагала вперёд, хлюпая сапогом.

С Бешкой она столкнулась почти у самой деревни. Не отличавшийся слабым зрением мужик приметил Майяри ещё издали и, недолго постояв в ошеломлении, бросился ей навстречу.

– Майяри, дивонька, возвратилась!

– Я... – начала было девушка, но Бешка крепко прижал её к груди, и Майяри уткнулась в пропахший потом и дымом тулуп.

И говорить расхотелось. Зато захотелось расплакаться и пожаловаться на все невзгоды, а затем получить дружескую оплеуху, выговор за дурость и, в конце концов, сочувствие и утешение.

– Насовсем?

– Не знаю, – с трудом просипела девушка: горло спазм перехватил.

– Да чего уж мотаться-то? Пошли-пошли. Чего это у тебя тама булькает? Замочилась? Бегём в деревню!

Приобняв Майяри за талию, радостный мужик потащил её в сторону домов, на ходу описывая ей, где она будет жить дальше.

– В твою прежнюю избёнку не пустим, – непреклонно заявил он. – Там мерзлота, да и утварь с припасами мы вынесли. Чего уж добру пропадать? Поживёшь до тепла у Рыжжи, она и ейный сердешный, если не запамятовала, к домишке своему пристрой сделали, места теперя много. К себе бы позвал, но у меня ж без женского присмотра детишки совсем разбаловались. Сладу с ними нет! Замучат! А как топи размёрзнут, мы тебе в деревне отдельный домишко сладим. Глядишь, сердешного себе присмотришь и мыкаться перестанешь.

Майяри шмыгнула носом и кивнула. Сейчас жизнь на болотах виделась ей таким оплотом спокойствия и безопасности. Почему не остаться тут жить? Видимо, только опороченным садам было под силу справиться с её судьбой.

Взгляд её скользил по слегка припорошенной снегом земле – здесь он ещё задерживался, – по ярко-красным и жёлтым кронам деревьев, не сбросивших листву на зиму, и задержался на высокой бревенчатой стене, окружающей деревню. Воздух сотряс злобный рык, но девушка даже не вздрогнула.

– Эй, Рыжжа! – почти на самое ухо завопил Бешка и замахал рукой.

Майяри обернулась и увидела женщину, выходящую из леса в сопровождении сердешного. Глаза Рыжжи изумлённо распахнулись, и она, охнув, бегом бросилась к ним.

– Майяри, да как же ты...

Сердце в груди сжалось, и девушка, не выдержав, горько расплакалась.

– Ох, горюшко ты наше! – подбежавшая женщина крепко прижала её к пышной груди и ласково похлопала по спине. – Ну и не реви, не реви. Щас до дому дойдём, и я тебе горячим взваром из абдарики напою. Ох, а похудела-то, осунулась... Ну-ну, поплачь ещё чуток.

Вцепившись в женщину, Майяри разревелась пуще прежнего, ощущая, как со слезами уходят её страхи, переживания и сомнения. На какое-то мгновение даже почудилось, что теперь-то всё станет хорошо.

Волосы на затылке ласково шевельнул ветер, и почему-то вспомнилось робкое, утешающее поглаживание харена.

Чтобы добраться до болот, потребовалось двое суток. Викан, несмотря на угрозу, к Рирейским горам не полетел, но на брата смотрел очень неодобрительно. В мыслях он уже окончательно попрощался с Майяри и пожелал глупой девчонке удачи на новом месте, вслух же продолжал ворчать. Шидай мрачно посматривал на него, но одёргивать не спешил: не очень-то он верил, что Майяри могла оказаться той самой богиней с болот. Но и в том, что она полетела к Рирейским горам, он тоже сомневался.

Драконов пришлось оставить в ближайшем поселении и идти дальше пешком. К топям ни один ящер не отваживался приблизиться. Улетали прочь с таким ужасом, словно бы на месте болот сидела огромная тварь и языком, как лягушка мух, затягивала всех пролетающих мимо драконов в пасть.

– Ну и как здесь кого-то искать? – Викан недовольно осмотрел белое молоко тумана и шевельнул ноздрями. – Ни вида, ни запаха!

Болотная вонь действительно затмевала всё.

Сверху раздался негодующий птичий крик: Ирриван тоже ничего не видел.

– Главное, чтобы нас никто не нашёл, – Шидай мрачно осмотрелся.

Ранхаш первым ступил на хрустящую ледком грязь и уверенно пошёл вперёд. Викану и Шидаю только и оставалось последовать за ним.

– Жутковатое место, – не удержался Викан.

Для чуткого слуха оборотней на болотах было не так уж и тихо. Где-то часто-часто хрустел ледок, будто кто-то бежал по нему, булькала и журчала вода и что-то хлюпало. Порой в разрывах тумана мелькали серое небо и бесшумно скользящий по нему орёл.

Через четверть часа мужчины наткнулись на первое исполинное дерево, и Викан по самый пояс ухнул в яму с ледяной водой. Пока Шидай помогал тихо матерящемуся оборотню выбраться, Ранхаш ушёл вперёд почти на пятьдесят саженей. Внутреннее чутьё вело его не хуже обоняния, и харен был уверен, что Майяри где-то впереди.

Вопреки опасениям Шидаю, местные обитатели не спешили оттрапезничать ими. Между древесными корнями текли исходящие паром ручьи, разливающиеся зеркальной гладью по топям. Где дорога, и Тёмным не понять! Но Ранхаш умудрялся находить путь, порой по самый пояс погружаясь в воду.

В небе, где-то над туманом, раздался орлиный клёкот: Ирриван что-то увидел. И почти в тот же миг мужчины рассмотрели впереди что-то серое. Хлябь под ногами стала плотнее, а ещё через пару минут ВIKAN и вовсе ударил ногу о камень.

– Ого! – Шидай удивлённо уставился на каменную гряду, вынырнувшую из пелены испарений.

Ранхаш досадливо прикусил губу. Он чувствовал, что Майяри где-то там, по другую сторону выросшего препятствия.

– Что-то мне это не нравится... – ВIKAN ощутил беспокойство.

Болота сами по себе навевали жуть, но сейчас оборотня посетил самый настоящий страх, а может, просто предчувствие надвигающейся опасности. Шидаю тоже стало неуютно, но он вскинул голову вверх и знаками показал Ирривану, чтобы он посмотрел, можно ли как-то преодолеть каменную стену. Орёл вернулся через четверть часа и заложил в небе петлю.

Нет, обойти не выйдет.

– Я полезу, – решил Ранхаш, но Шидай схватил его за локоть.

– Подожди, пусть Ирриван сперва посмотрит, что там за ней.

С Ирриваном творилось что-то странное. Он вроде бы хотел перелететь через гряду, но у самого её края разворачивался и летел назад. Полёт его становился всё более неровным, нервным, птица явно злилась, но почему-то миновать препятствие не могла. Вскоре Ранхаш потерял остатки терпения и хотел уже полезть наверх, но в этот момент орёл с отчаянным воплем, словно на смерть летел, в очередной раз бросился за край гряды.

– Что-то его долго нет, – заметил через некоторое время нервничающий ВIKAN.

Сверху упал камешек, и над краем свесилась голова брата.

– Лезьте наверх! – крикнул он. – Если страшно станет, всё равно лезьте! Тут какая-то хрень вроде ментального барьера!

Чтобы забраться наверх, понадобилось более часа. Обледенелый склон был слишком крут, а камень – твёрд. Когти почти не помогали, но зато помог Ирриван, орлом спустившийся к ВIKANу и забравший у него верёвку. Длины её на весь склон не хватило, но зато последнюю треть пути, самую сложную, мужчины преодолели без проблем и оказались на плоской вершине.

– Как-то чудно... – ВIKAN огляделся, рассматривая занесённый снегом лес. – Я эту гряду раньше никогда не видел, хотя она издали должна быть заметна.

– На другой край пройди, – посоветовал голый Ирриван. – Там вид ещё более чудный.

Мужчины по сугробам поспешили в указанном направлении и поражённо замерли, во все глаза рассматривая открывшийся яркий, красно-жёлтый пейзаж.

– Мы куда попали? – ошеломлённо выдохнул ВIKAN.

– Вы ещё это не видели.

Ирриван протянул руку над плечом брата и указал на северо-восток. Там за высоким бревенчатым забором плыл дымок, тянущийся из печных труб деревянных домишек.

– Похоже, не всех бандитов мы разогнали, – протянул Шидай.

– Куды собралась?! – Рыжжа перехватила Майяри у самых ворот. – А ты чё смотришь?! – напустилась уже на брата женщина. – Она всю ночь горячкой маялась! Совсем разумение потерял? Куды тащишь?

– Я и не тащил! – оскорблённо выпучил глаза Бешка. – Божеские следы на стенах хочешь посмотреть. У-у, дурная баба!

– Кто тут дурная баба?! – Рыжжа отпихнула Майяри и с угрозой наступила на брата.

– Так вот она ж! – Бешка ткнул пальцем в бледную Майяри. – Я уж говорил ей, шоб в избе сидела!

– Да я недалеко, – попыталась встрять в разговор Майяри. – До своей избы и обратно. Взгляну, что там с ней...

– И смотреть нечаво! – категорично заявила Рыжжа. – Возвертайся в избу.

– Но мне б заняться чем-нибудь...

– Я тебе дитё дала для присмотру, вот им и займися! А то знаю я тебя! Чуть глаз прикроешь, и нет тебя. Ищи потом свищи по всем садам!

– Что, Майяри? Не пуцают? – остановившийся у ворот Тошкан добродушно подмигнул девушке. – И правильно. Зверь к концу холодов совсем злющий стал. Слышь?

По лесу прокатился тоскливый вопль. В нём было столько печали, что захотелось найти терзающегося зверя и бросить на его пути что-нибудь съестное.

– Совсем оглодали, бедняги, – сочувственно пробасил Тошкан. – Ужо к самым воротам подходят. О, затрещали-затрещали!

Головы повернулись в сторону захрустевшего ветками леса. Майяри вздрогнула от овладевшей ею боязливой оторопи и всё же решила, что можно посидеть с ребёнком.

– В прошлую-то зиму они хоть окраинными приبلудами закусывали, – Бешка почесал бороду, – а теперя и этих нет.

Приبلудами гавалиимцы называли селившихся в болотах разбойников.

– Теперя есть, – Тошкан нахмурился. – Снова собираться начали. В прошлое двоелуние с двумя столкнулся. Как вопили...

– Тьху ты! – досадливо сплюнул Бешка. – Опять посева жрать будут!

– Эт там Вишка с сыновьями, что ли? – Рыжжа подслеповато прищурилась, пытаясь рассмотреть мужчин, чьи силуэты были видны среди кустов.

– Рановато... – чуть удивлённо протянул Бешка.

– Мож, не нашли? – предположил Тошкан.

– Не нашли? А что искали? – заинтересовалась Майяри.

– Да к Бороху ходили, – ответил Бешка. – Тама у нас зимнеложик вызревает. В этот раз их очередь на созрев выводить.

Майяри так и не поняла, что должен был сделать Вишка с сыновьями, но понятливо кивнула.

– Так, неча кости морозить! В избу давай, – строго велела Рыжжа, и девушка покорно развернулась к воротам.

Громкий птичий крик заставил её вздрогнуть и резко обернуться. Над лесом кружила огромная хищная птица – нечастый гость в этих местах. Испарения и Каменный Порог обычно отпугивали пернатых.

– Ох ты, ох ты! – по лицу Бешки расползлась восторженная улыбка. – Ты смотри каков!

Майяри поёжилась и поспешила отвести взгляд. Если раньше она просто не любила и боялась хищных птиц, то теперь один взгляд на них пробуждал воспоминания о жизни, из которой она сбежала. Запахнув тулуп, девушка мазнула взглядом по лесу и повернулась к воротам.

И в ту же секунду развернулась обратно и отшатнулась, столкнувшись с пронзительным взглядом харена.

Сердце испуганно закатилось, и Майяри взмахнула руками, пытаясь устоять на внезапно ослабевших ногах.

– Майяри...

От тихого проникновенного голоса по телу прошёл озноб. Господин Ранхаш склонил голову набок, и в его глазах мелькнуло что-то безумное и торжествующее.

– Боги... – в ужасе прошептала девушка.

Ей конец!

Уголки губ харена слегка приподнялись то ли в улыбке, то ли в оскале, и мужчина выдохнул:

– От меня нельзя убежать.

1

¹ Художник Ирина Толочко (псевдоним tsigr).

Глава 9. Сердешность

Ликование было столь велико, что затмило все мысли. Нашёл! Поймал! Захотелось расхохотаться от облегчения, но Ранхаш как замороженный продолжал разглядывать перепуганную девушку, смотрящую на него широко распахнутыми глазами. Мужчина почувствовал, как вокруг расплзается тёмное облако жути.

Жуть была счастлива.

«Мы поймали её! Её не успели забрать у нас!»

Её нужно схватить. Ранхаш не знал, что сделает с Майяри после того, как она окажется в его руках, но почему-то был уверен, что обязательно разберётся.

Но здравый смысл всё же шевельнулся, и харен остался стоять на месте. Не нужно её пугать. Хотя если бы Майяри была не так сильна, то он бы с удовольствием её напугал.

– Ранхаш, спокойнее-спокойнее, – сквозь зубы протянул Шидай, напряжённо осматривая нахмурившихся гавалиимцев.

Тех появление незнакомцев несколько озадачило. Разбойники с окраин иногда за Порог забредали, но всё ж нечасто: боги отваживали. Но и те, что забредали, так близко не подходили. Да и как-то не были пришедшие похожи на окраинных приبلуд. Чем-то неуловимо отличались.

– Чевой-то мне этот знакомцем кажется... – Тошкан задумчиво прищурился на не сводящего глаз с Майяри харена.

Сама Майяри с большим трудом слотнула и попыталась унять нервную дрожь. Первым её желанием было броситься наутёк. Инстинкт самосохранения горячо шептал, что прямо сейчас наступит её конец. Харен её убьёт, сожрёт... Такой же неконтролируемый страх Майяри испытывала, столкнувшись с болотными тварями.

Бежать-бежать-бежать! Пока есть силы, и пока зверь ещё в отдалении...

Сжав кулаки, девушка заставила себя остаться на месте. Некуда бежать и харен не дикий зверь. И вообще они оба очень рассудительные, а господин Ранхаш ещё и очень хладнокровный. Они смогут поговорить...

Но, боги, как же страшно!

Одеревеневшие от ужаса ноги подвели девушку, и она слегка покачнулась. Пристально следящий за ней Ранхаш решил, что она хочет сбежать, и шагнул вперёд. Это и стало последней каплей в чаше выдержки Майяри. Паника окатила её волной, смыв все разумные мысли, и девушка, развернувшись, бросилась бежать.

Ранхаш тут же сорвался с места следом за ней.

– Ранхаш, стой! – столько и успел рывкнуть Шидай. – Ты же её пугаешь!

– Дядя, у нас тут проблемы, – одёрнул его Викан.

Майяри неслась в сторону леса что есть сил, стремясь вперёд подобно стреле. Она всегда бегала хорошо, но сейчас страх путал ей ноги. Раздававшийся позади лёгкий хруст как кнут подгонял её вперёд. В лес она влетела, даже не вспомнив о голодных тварях, и, не разбирая дороги, бросилась через кусты.

Ранхаш с неумолимой лёгкостью нагонял беглянку. Разум затуманивал азарт зверя, бегущего по следу добычи, и на губах играла предвкушающая улыбка. Перепуганная добыча металась среди кустов, перескакивала через поваленные стволы и вырытые кем-то ямы. Харен преодолевал все препятствия играючи, и волк уже предвкушающе облизывался.

Бегала Майяри действительно хорошо. Если бы не путающий мысли страх, то харену, возможно, пришлось бы побегать за ней чуть дольше. Но перескакивая через поваленный ствол, девушка недостаточно высоко подняла ногу и, зацепившись стопой за обломанный сук, полетела наземь. Рассадила о примороженную землю ладони, едва уберегла лицо, но тут же при-

поднялась на локтях. Правда, встать и не успела. Её накрыла тень, и в ту же секунду беззвучно перескочивший через бревно харен приземлился прямо на её юбку.

В следующий миг Майяри рывком перевернули на спину, и над ней навис тяжело дышащий оборотень. Глаза его торжествующе сверкнули, и жаркое дыхание коснулось лица девушки.

– Попалась, – выдохнул харен, склоняясь ещё ниже.

У Майяри и так сердце было готово выскочить из груди, а когда господин Ранхаш ещё и облизнул пересохшие губы, у неё и вовсе в глазах потемнело, и она зажмурилась, ожидая чего-то ужасного.

Ранхаш ненадолго замер, с жадностью рассматривая сжавшуюся под ним девушку. От неё пахло страхом и... свежей зеленью. Губы сами расплзлись в улыбке, и мужчина, прикрыв глаза, склонил голову и прижался носом к шее Майяри, прямо к испуганной бьющейся жилке.

– Страшно? – тихо-тихо просил он. Девушка только вздрогнула. – Бойся, заслужила своей жестокостью.

– Я... – Майяри разомкнула губы и тут же распахнула глаза, почувствовав, как левая рука харена ложится на её бедро. И задохнулась, столкнувшись с жёлтыми глазами.

В них больше не отражалась привычная холодность. Вокруг расширившихся зрачков плескалась лава. Девушка не почувствовала момент, когда мужчина отстранился от её шеи, ей продолжало казаться, что его дыхание обжигает кожу. Взгляд харена задумчиво скользнул по лицу Майяри, и оборотень, чуть склонив голову набок, коснулся губами кончика её носа. Нос был холодным, а губы – горячими и слегка шершавыми. Девушка едва уловимо вздрогнула, ощущая, как замершее сердце скатывается в желудок, губы её задрожали, и Ранхаш заинтересованно посмотрел на них.

Он помнил, каково это – целовать Майяри. Настоящую, живую Майяри. И понял, что знает, что сделать с пойманной девушкой.

Сердце едва не разорвалось, когда харен поцеловал её. Сейчас, когда голову туманил страх, а не вино, всё казалось ярче, и лёгкое, едва уловимое соприкосновение губ вышвырнуло Майяри из реальности. Мир сузился до размеров её собственного тела. Каждое прикосновение харена отзывалось необычайной остротой, его пальцы будто бы гладили её по обнажённой коже. Девушка дёрнулась, попыталась вырваться из липких нитей дурмана, но Ранхаш обхватил её лицо ладонями и поцеловал её уже по-настоящему. Жёстче. Не пробуя, а наслаждаясь в полной мере. Раскрывая безвольные губы и проникая языком в глубину рта. Горячая волна возбуждения наконец-то согрела замёрзшее тело, и Ранхаш накрыл девушку собой, щедро делясь разгорающимся жаром.

В чувство его привёл голодный рык, донёсшийся откуда-то из глубины леса. Оторвавшись от губ Майяри, мужчина обвёл кусты пронзительным взглядом и сел, зажав бёдра девушки между колен. Майяри продолжала лежать и смотреть на него затуманенным взором. Ранхаш поймал себя на мысли, что сейчас она нравится ему ещё больше: такая одурманенная и замороженная. Соблазненная. Он бы полюбовался на неё ещё немного, но разум потребовал как можно быстрее убираться из опасного леса. И, решительно подняв девушку на руки и крепко прижав её к груди, Ранхаш потащил свою добычу к деревне.

Уже на выходе из леса он понял, что забыл не только про опасность болот, но и про странных их жителей.

– Вона он!

Бородатый мужик с трёхпалой лапой вместо одной ноги ткнул в его сторону топором, и Ранхаш остановился. Викан и Шидай, встав спиной к спине, настороженно осматривали подтягивающихся жителей деревни. Ладно бы они просто поглазеть вышли, так они тащили с собой топоры, дубины и что-то похожее на вилы.

– А ну возвертай девку, чудь окраинная!

«Чудь окраинная» угрожающе склонила голову и, оскалившись, ещё крепче прижала девушку к груди.

– Ранхаш, лучше отдай, – напряжённо попросил Шидай, не отрывая глаз от гавалиимцев. – Похоже, это никакие не бандиты. Майяри тут никуда не денется. Давай успокоим этих господ, а потом ты будешь решать все свои недоразумения с ней.

– Ишь чаво удумали! Баб наших красть! – разъярённо гаркнул широкоплечий мужик, в облике которого на первый взгляд ничего необычного не было. Ну, кроме очень увесистой кувалды: местный кузнец никуда без неё не выходил.

Набежавшая толпа возмущённо заголосила. Ранхаш даже захотел отступить в лес, но не бросать же Шидаю с Виканом. Хотя обеспокоенная жуть предлагала именно это. Мол, эти прохиндеи всё равно выкрутятся.

– Да какая она ваша?! – возмутился ВIKAN.

– Наша! – выпучив глаза и угрожающе выпятив грудь, Рыжжа наступила на оборотня, но тот не стушевался.

– Уважаемая, да она уже полгода наша!

– Чаво?! – женщина сперва нахмурилась, но потом всё же разобрала, что это ей там сказал этот хлюпик с рожей как у самой богини, и рявкнула в ответ: – От своих не бегут! К своим возвращаются! Вы кто таки будете?

– Чаво с них спрашивать?! – горячился Бешка. – Давай, мужики, выпнем их с болот!

– Почтенные, давайте не будем торопиться, – Шидай миролюбиво улыбнулся и выставил раскрытые ладони перед собой. – Я приношу извинения за поведение моего сына, но, будьте уверены, мы пришли без злого умысла.

– Да прибуды всегда одно и то же бают, – сморщился Тошкан.

– А чё бают-то? – спросил кто-то.

Речь чужаков была не очень понятна для слуха гавалиимцев, но Бешка, Тошкан и Рыжжа, больше других общавшиеся с Майяри, незваных гостей худо-бедно понимали.

– А кем будете? – Рыжжа строго посмотрела на лекаря.

– Опекаю я её.

По озадаченному виду женщины Шидай сообразил, что его не поняли, и добавил:

– Присматриваю, чтобы беды с ней не случилось. Вот это мой племянник, – лекарь кивнул на Викана, осмотрелся в поисках Ирривана, не нашёл и взглянул на мрачного Ранхаша, явно готового бороться за своё до конца: – А это мой сын. Почтенная, – Шидай обратился к Рыжже, определив в ней негласного главу деревеньки, – отнесите с пониманием. Мой мальчик влюблён первый раз в жизни.

– Чаво он? – не понял Бешка.

Рыжжа тоже нахмурилась.

– Да возлюбленная она его, – раздражённо объяснил ВIKAN, но непонимание на лицах не развеял. – Невеста? Жена?

– Чёт знакомое... – задумчиво протянул Бешка.

Раздосадованный ВIKAN всё же попытался разъяснить.

– Та, с кем его судьба связана? Его вторая половинка? Супруга? Баба, которая его с ума сводит?

На лицах некоторых мужиков появилось неуверенное понимание.

Шидай не вмешивался. Оценивающе осмотрев жителей и прислушавшись к их тихим разговорам, лекарь чуть удивлённо приподнял брови и уверенно сказал:

– Видите ли, Майяри легла в сердце моего сына.

– Сердешные?! – ахнула Рыжжа, и деревенские как один взглянули на замершего Ранхаша.

Повисло недолгое молчание. И почему-то в этом молчании было что-то осуждающее. Рыжжа смерила тяжёлым взглядом девушку на руках Ранхаша, побагровела и как рявкнула:

– Ты, дурна девка, почто сердешного мучишь?!

Майяри моргнула, но в себя не пришла и посмотрела на женщину невидящим взглядом.

Шидай, чуя успех, поспешил его закрепить:

– Недомолвка между ними вышла, и эта жестокая девчонка сбежала от моего сына. А у него ж сердце за неё болит.

Рыжжа угрожающе упёрла руки в бока и мрачно уставилась на Майяри.

– Да ты им, шо, веришь? – Бешка возмущённо посмотрел на сестру. – Так, мож, он ей в сердце не залёг? Уволочёт силой девку... Грех это, если насильно чужое сердешко берёшь!

– Да разве похоже, что он насильно берёт?! – обиделся за брата Викан. Для семьи Вотых обвинение в изнасиловании женщины было сродни смертельному оскорблению.

– А ты вообще кто? – выступил вперёд Тошкан. – Мужик али девка?

– Да если и девка, так что? – Викана не так просто было смутить.

Толпа опять всколыхнулась возмущёнными малопонятными криками, и кольцо вокруг оборотней слегка сузилось. Ирриван, видимо, решил, что пора что-то сделать, и камнем рухнул с неба. Деревенские слегка расступились, но больше от неожиданности, чем от страха, и с удивлением уставились на раскрытившегося орла. Тот угрожающе заклекотал, но Викан беспардонно запихнул его ногой за спину.

– А это мой второй племянник, – поспешил представить Шидай.

Местные даже подивиться не успели, как раздался хруст и тело птицы начало меняться. Это зрелище так ошеломило гавалиимцев, что в воздухе повисла звонкая тишина. А когда Ирриван решительно поднялся на ноги и выступил из-за спины брата, угрожающе сложив руки на груди, у некоторых баб дубины и вилы из рук попадали.

Бешка, выпучив глаза, осмотрел голого оборотня и, задержавшись взглядом ниже его пояса, возмущённо закричал:

– Да он тут хвастаться удумал!

Мужики опять зароптали, но Рыжжа быстро пресекла волнение.

– Так, расходьтесь все! Неча разлад устраивать. Лиша, этих себе в избу возьми, – женщина указала когтистым пальцем на Викана и Ирривана. – Этому одёжу справить какую-нить надо.

– Одёжа есть, – Викан не глядя впечатал походный мешок брату прямо в пах, и тот негодуя зашипел.

– Баб Рьяка, приютите этого? – Рыжжа ткнула в Шидая, и старенькая женщина с выцветшими красными глазами согласно кивнула. – А ету парочку к тебе, Бешк, отрядим. Ты дитёв ко мне спровадь, штоб эти дурни промеж собой всё решили.

Бешка недовольно посмотрел на напряжённого Ранхаша, но спорить с сестрой не стал.

– Топай за мной, сердешко.

Ранхаш неуверенно шагнул вперёд.

Глава 10. Сумасшествие харена

Мужики, недовольно ворча, разошлись, бабы бросились по домам – надо же приветить неожиданных гостей, – и остались только ребятишки да девушки, с интересом посматривающие на Ирривана, всё ещё не натянувшего штаны, но с таким достоинством прикрывавшего пах, что никто бы и не подумал улыбнуться.

– А с тобой мне разговор говаривать хочется, – Рыжжа мрачно уставилась на Шидаю.

– С удовольствием, почтенная. Ранхаш, не натвори дел, пока меня нет.

Уходящий за Бешкой харен лишь плечом дёрнул.

Ранхаша не отпускало напряжение. Он всё ждал, что вот сейчас на него набросятся и вырвут из его рук Майяри, или же что она сама придёт в себя и решит освободиться. Но деревенские не подходили, хоть и посматривали с угрозой, а Майяри продолжала тяжело дышать и цепляться пальцами за его одежду.

– Жди, – велел Бешка и первым вошёл в дом.

Через несколько минут на улицу выметнулась хохочущая стайка детей, и Ранхаш невольно задержал взгляд на хромающем мальчике, точнее на его трёхпалой чешуйчатой лапе.

– Заходи, – пригласил хозяин в дом.

Внутри было темно и царил беспорядок. Запалив лучину, Бешка смущённо осмотрел разбросанные по полу деревянные игрушки, одежду и сухую траву.

– Опять засушку распотрошили, – проворчал мужик и махнул рукой на дальнюю дверь. – Туды иди. Я щас чем укрыться приволоку и горячевые камни.

Ранхаш подозрительно осмотрелся, но всё-таки пошёл, куда указали.

Комната оказалась холодной и совершенно пустой, что было даже странно: у хозяина же такая орава детей. Окон не имелось, и гость со своей ношей погрузился в темноту. Майяри, слегка придя в себя, обеспокоенно завозилась, и Ранхаш прижал её к груди чуть крепче. Дверь опять распахнулась, и внутрь вошёл Бешка с зажжённой лучиной и бадейкой, полной горячительных камней. Оставив всё на полу, мужик ушёл и вернулся с охапкой жестковатых, но толстых одеял, сильно пахнущих травами и немного болотом.

– Я, исли ишо, в избе, – Бешка с угрозой посмотрел на гостя. – Разговор говаривай, но боле ничаво.

И захлопнул дверь.

Ранхаш растерянно осмотрелся, подумал и устало опустил на пол рядом со стеной, устроив Майяри на коленях.

Волк внутри удовлетворённо ворчал и пощёлкивал зубами. Наконец-то изворотливая добыча в их лапах. И уж лучше теперь не позволять этой самке отходить далеко. Харен не пытался, как это было раньше, отстраниться от мыслей зверя: ему нравилась его поддержка. Прижавшись носом к голове девушки, мужчина с блаженством вдохнул её запах и, поморщившись, запустил пальцы ей под воротник.

Прикосновение к ключицам наконец-то привело Майяри в чувство, и, вздрогнув, девушка подняла голову с плеча мужчины и испуганно посмотрела на него. Тот когтем надорвал верёвочку амулета и вытянул замотанный в тряпицу камень наружу. И тут же сдавил его в пальцах. Камень мгновенно раскрошился, и его треск окончательно привёл девушку в себя, и она испуганно скатилась с колен оборотня.

Ранхаш не стал её удерживать, только пристально смотрел слегка светящимися в темноте глазами, оценивая каждое движение. Многодневная усталость всё-таки одержала верх и навалилась на плечи: теперь он просто следил за нервными, затравленными движениями девушки и отчего-то тихо злорадствовал. Может, его радовало, что наступила её очередь переживать и бояться?

То, что ей никуда из этой комнаты не деться, Майяри поняла сразу. Дрожащий свет лучины едва разгонял темноту, но всё же расслабленную фигуру харена она различала. Мужчину сидел на полу, привалившись спиной к стене и вытянув одну ногу. На колене второй лежала рука, и взгляд девушки задержался на тускло блестящих когтях. Воображение услужливо нарисовало картину, где в её плоть впиваются звериные зубы и когти. Такое нередко бывало, когда её ловили охранники-оборотни при побегах из общины. Но болезненная картинка быстро стёрлась, и ей на смену пришла другая, от которой по телу побежали полчища мурашек: эти самые когти медленно гладили её лицо и опускались ниже. Майяри сглотнула ставшую вязкой слюну.

– Бежать бесполезно, – устало прошептал харен. – Поймаю.

Хотелось бы ей сказать, что она понимает это, но вопреки всем доводам разума – сбежать не получится! – господин Ранхаш пугал её, как дикий зверь. Дёрнись, и он сожрёт тебя! Или... Руки и ноги ослабли, и Майяри едва ли не на пол легла. Сердце глухо бухнуло в груди. Губы мучительно закололо. Или... или не сожрёт.

– Что это? – харен склонил голову набок, глаза его загадочно, немного жутковато блеснули, а коса медленно сползла по груди. – Ваш запах... позеленел.

Позеленел? Майяри поёжилась и непонимающе уставилась на мужчину. Сейчас перед ней был не тот харен, к которому она привыкла, и этот знакомый и в то же время незнакомый мужчина настораживал её.

– Вы пахнете раскалённой степью. Такой одуряющий запах земли и травы можно почувствовать летом в самую жару. Но сейчас в вашей степи наступила весна... Говорят, – по губам господина Ранхаша скользнула едва уловимая улыбка, – весной появляется особое волнение.

Неясный намёк смутил и ещё больше напугал Майяри, и мысли смешались сильнее.

– Я нравлюсь вам? – прямо спросил господин Ранхаш.

Майяри даже отшатнулась, распахивая рот от изумления.

– Нет... – выдохнула она.

– Тогда почему вы сбежали? – мужчина откинул голову назад, затылком упираясь в стену, и тускло светящиеся глаза наполовину прикрылись веками. – Я очень хочу понять, что же вас так напугало. И я сомневаюсь, что это мои чувства. Вы жестоки в достаточной мере, чтобы спокойно отвергнуть кого-то. Может, наши поцелуи? Или то, как вы сами отреагировали на нашу близость?

Щёки Майяри опалил жар, и она порадовалась, что темно.

– Но вы не отличаетесь болезненной стыдливостью, – продолжил свои спокойные рассуждения господин Ранхаш. – Так отчего вы сбежали, даже не поговорив со мной?

– А вы... вы бы отпустили меня после разговора? – голос почти не слушался девушку.

– Зачем мне вас отпускать? – свет, падающий от лучины, посеребрил слегка приподнявшиеся брови.

– Вот потому и не поговорила.

Майяри глубоко вздохнула, села на пятки, упёрлась руками в колени и, обретя какое-то подобие уверенности, уже твёрже взглянула на харена. Но её твёрдость почти сразу дала трещину, стоило ей столкнуться с ореолом едва осязаемого безумия, что окружало мужчину. И всё же она нашла в себе смелость заговорить:

– К вашей разумности сложно взывать. Вы готовы слушать и прислушиваться, только если вам не предлагают отойти в сторону. Я могу сказать, почему решила, что находиться рядом с вами опасно, но смогу ли я дозваться до вас? – девушка с сомнением прищурилась.

– Опасность? – шёпот прошелестел по комнате так зловеще, что на какое-то мгновение Майяри остро пожалела о своих словах. – Вам не нужно бояться, пока вы рядом со мной, – в голосе харена прозвучал лёгкий холод. – Я всё ещё недостоин вашего доверия?

– Меньше всего я боюсь за себя, – жёстко отрезала Майяри. – Вы почти ничего не знаете обо мне и о моём прошлом. Ни-че-го! Но почему-то всё равно решили обратить свою благосклонность на меня. Я... я надеялась, что вы будете слишком горды, чтобы искать меня и... – закончить духа не хватило. Интуиция и так нашёптывала ей, что она уже перешла границу.

– Гордость? – удивлённо протянул харен и вдруг разъярённо зашипел: – Я потерял разум и сошёл с ума! О какой гордости ты вообще вспоминаешь?!

Майяри испуганно вжала голову в плечи, и Ранхаш, стиснув зубы, заставил себя успокоиться. Злость накатила на него неожиданно, даже дыхание в груди спёрло.

– Моя вина, что вы до сих пор не представляете, какая я на самом деле проблема, – торопливо зашептала девчонка. Ранхаш даже поразился её смелости: трясётся, но продолжает что-то лепетать. – Долгое время я не доверяла вам... всем не доверяла. А узнав вас лучше, поняла, что вам точно не стоит знать всего. Вы же из тех, кто бросится решать даже такую проблему, как я, а мне бы не хотелось, чтобы вы, или господин Шидай, или ваша семья пострадали. Я... привыкла к вам.

– Значит, я нравлюсь вам, – сделал неожиданный вывод Ранхаш, и злость отступила.

– Что? Да я не об этом! – возмутилась девушка. Жутковатый взгляд мужчины заставил её судорожно вздохнуть, и возмущение мгновенно улеглось. – Я не это пытаюсь донести до вас. Совсем не это... – запнувшись, она умолкла и, помешкав, всё же спросила: – Вы знаете, что у хаги есть своя правящая семья?

– Слышал что-то такое.

Слышал... Ну да, Вотые многое слышат. Майяри переплела дрожащие пальцы и продолжила:

– Когда-то у детей земли была своя страна. Небольшая, затерянная во Многоимённых землях почти у самого берега Восточного моря. А потом на берег выбрались островные жители и начали их вытеснять. Чужаки владели водой, а хаги бессильны перед ней, да ещё и слабы физически. Их страна перестала существовать, и дети земли откочевали на запад и, опасаясь преследования, расселились по хорошо спрятанным общинам. Правящая семья осела в Сумеречных горах, и её члены основали свои общины.

– Поссорились? – прочитал невысказанное господин Ранхаш.

– Да, – закусил губу Майяри: пронизательность харена её порой ужасала. – Я так поняла, что главная ветвь погибла и начались споры среди других ветвей, кто более достоин занять опустевший трон. Я... я наследница одной из них.

В голове зазвучал голос деда:

«Мы наиболее близки к своим предкам. Тысячелетиями мы поддерживали чистоту своей крови и холили силу в наших потомках. Остальные же – жалкие вырожденцы, недостойные того, чтобы даже думать о власти».

– Единственная наследница, – совсем тихо добавила девушка. – Мне никогда не позволят смешать свою кровь с... оборотнем. Я чистокровная хаги, все мои предки были сильнейшими из сильнейших. Таких, как я, мало. Меня никогда не отдадут вам. А остаться незаметной и продолжить прятаться, – Майяри иронично хмыкнула, – уже не получится. Я была слишком неосторожна. Если бы я могла остаться к вам равнодушной, то всё было бы проще. Могущественные поклонники из знатных семей, пусть они и не хаги, только добавили бы мне цены как женщине и дали возможность моей семье гордиться мной. Но вы же не остановитесь, харен. Вы всегда идёте к цели, – девушка невесело рассмеялась. – Вы опасны для моей семьи, так как можете украсть меня.

– Значит, вы считаете, что у меня есть шанс завоевать вас? – вкрадчиво поинтересовался Ранхаш.

– Что? – удивилась Майяри.

– Если бы могла остаться равнодушной... можете украсть меня... Вы говорите так, словно у меня есть все шансы.

Девушка растерянно моргнула.

– Я... я не об этом говорила! – возмутилась она.

Дверь распахнулась, и внутрь заглянул грозно нахмурившийся Бешка. Оценив расслабленную позу оборотня и расстояние между ним и девушкой, мужик опять скрылся.

– Вы меня не слышите! – рассерженно прошипела Майяри. – У меня шлейф проблем до самых небес! – и, отчаявшись уже впечатлить харена, выпалила: – За мной даже хагаресы охотятся! Я украла у них книгу Знаний! Вы знаете, что это такое? За неё они убьют любого не посвящённого, а если другие хагаресы узнают, при каких обстоятельствах книга была украдена, то один клан рискует исчезнуть!

– Вот как? – почти спокойно протянул Ранхаш. – Рад, что хотя бы об этом вы сказали сами. Иначе, боюсь, мне пришлось бы долго доискиваться правды.

– Господин Ранхаш, – Майяри застонала и закрыла лицо руками, – вы понимаете, что в скором времени в Жаанидый могут нагрянуть и хаги, и хагаресы? Я очень сильно раскрыла себя...

– Вы молодец, – в спокойном голосе явно послышалась издёвка.

– Вы не хотите меня слушать! – отчаялась девушка.

– Хочу, – не согласился с ней Ранхаш, – очень хочу. Знаете, что я только что услышал?

Майяри с опаской взглянула на него и замерла, обнаружив, что мужчина улыбается.

– Я вам нравлюсь, – выдохнул оборотень. – И вы боитесь за меня.

– Это не то, о чём вы думаете, – с трудом выдавила девушка. – Вы мне просто нравитесь, я вас уважаю и не хочу доставлять проблем вам и вашим близким...

– Значит, вы можете меня полюбить, – оборотень не спрашивал, утверждал.

– Да о чём вы вообще...

– Я полюбил вас так неожиданно для себя.

Майяри замерла. Признание из уст самого господина Ранхаша ошеломило её. Вроде бы и Викан, и господин Шидай уже говорили ей о его чувствах, но когда он произнёс это сам, в груди почему-то стало больно, а язык словно бы отнялся.

– Не мог поверить, что способен чувствовать что-то подобное.

– Может, вы ошиблись... – едва слышно предположила девушка и тут же умолкла.

– Не ошибся, – харен качнул головой и осмотрел её от головы до колен и опять уставился в глаза. – Первый раз в жизни я влюблён. И, госпожа Майяри, мне больно и страшно.

Глаза Майяри расширились от ужаса, а под коленями будто пол разверзся, и она ухнула в пропасть. Больно? Страшно?

– Страшно, что вы никогда не ответите мне взаимностью. Страшно и больно от мысли, что я никогда не получу то счастье, которого успел коснуться, целуя вас на крыше. Я ещё никогда не хотел ничего так сильно, как вашей взаимности. Я хочу получить то счастье, что есть в вас.

– Во мне нет счастья... – губы разлепились с большим трудом.

– Есть, – уверенно отозвался харен. – Но ещё больше я боюсь, что вы исчезнете. Поэтому я ненавижу всё, что может вам угрожать. Вы сбежали, чтобы уберечь меня от встречи с вашими врагами? Даже если вы сейчас откажетесь уйти со мной, а принуждать я не буду, я всё равно их найду. Найду, потому что хочу, чтобы вы жили легко и счастливо. Я буду специально искать встречи с ними. Но, госпожа Майяри, – Ранхаш подался вперёд, – вас не будет рядом. Я буду искать встречи с хаги и хагаресами, которых вы так боитесь, и рядом не будет никого, кто смог бы защитить меня от их могущества.

На несколько секунд Майяри просто оторопела, а затем, вскочив, разъярённо вскрикнула:

– Вы... Это угроза?!

– Што тута у вас? – заглянувший Бешка окинул их строгим взглядом и, погрозив пальцем, опять вышел.

– Я бы не посмел угрожать вам, – смиренно отозвался харен, прикрывая ресницами глаза. – Вы бы сами смогли остаться в стороне, если бы кто-то посмел угрожать вашим друзьям? Майяри растерялась.

– А ведь им бы вряд ли понравилось, реши вы подвергнуть свою жизнь опасности. Но вы ведь их... любите. А я люблю вас.

– Да за что?! – с отчаянием спросила девушка.

В этот раз Бешка лишь слегка приоткрыл дверь и опять её закрыл.

Харен взглянул на неё исподлобья и недовольно шевельнул ноздрями.

– Прозвучало так, словно я вас незаслуженно наказал.

– Вы меня незаслуженно полюбили! Харен, я вам постоянно врала, умалчивала, недоговаривала, доставила множество проблем... Ну как меня можно было полюбить? Подумайте, может вы...

– Я не ошибся, – голос мужчины прозвучал сухо. – Ваши враньё, умалчивания и проблемы – скорлупа! – нос его сморщился в лёгком презрении. – Убери их, и станет очевидно, что вы просто перепуганный дикий зверёныш, который даже не знает, как вести себя в мире, в котором живёт.

– Я не перепуганная, – попробовала возмутиться девушка. – Я...

– Вы прекрасны, госпожа Майяри.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что у девушки перехватило дыхание и опустились руки.

– Вы сильны духом, решительны, у вас есть свои принципы, и вы очень добры... Но иногда и очень жестоки, – помолчав, харен добавил: – Сам не могу понять, что же происходит со мной. Я никогда не понимал этого странного чувства. Но оно у меня теперь есть.

– Но я...

– Я не хочу слышать сейчас, что вы ко мне чувствуете, – перебил её Ранхаш. – Вы соврёте. В целом я услышал уже достаточно, хотя мне хотелось бы знать чуть больше о ваших врагах, но сойдёт и то, что вы уже сказали. Главное я уже понял: у меня есть шанс.

– Я не могу дать то, чего у меня нет.

Вот же упрямый! Майяри в отчаянии закусила губу.

– Не переживайте, я не буду вас ни к чему принуждать. Вы сами вольны любить меня или не любить. Но, – харен в очередной раз улыбнулся, и сердечко Майяри закатилось, – я буду счастлив, если вы полностью доверите себя мне.

Связь с миром потерялась окончательно. Страх, чувство вины и стыда, растерянность, смущающее волнение и, наверное, возбуждение разрушили все бастионы выдержки и разумности, которыми так гордилась Майяри, и она вдруг подумала, как прекрасно было бы отдать всю себя вместе с её жалкой судьбой и неприятным прошлым господину Ранхашу. Внутренний харен поддержал её: он бы смог о ней позаботиться. А если бы господин Ранхаш стал её... мужем? Кровь с грохотом ударила в уши.

– У вас степь расцвела, – чуть насмешливо произнёс Ранхаш, и девушка, испуганно вскинувшись, отшатнулась.

У него действительно были все шансы. Майяри сглотнула. Она со всей очевидностью осознала, что шансов, по-видимому, нет у неё.

– Вы можете отказаться возвращаться со мной, – глаза оборотня так сверкнули, что аж дух перехватило, – но помните: я найду каждого вашего врага, и они перестанут отравлять вашу жизнь.

Или же харен перестанет волновать её. Боги, он ведь действительно сделает то, о чём говорит!

– Я совсем вас запугал, простите меня, – особого раскаяния в голосе мужчины не было. – В последние дни я очень плохо спал, переживал, и меня мучили страх и боль. Сейчас мне сложно держать себя в руках. К тому же я чувствую себя сумасшедшим, – господин Ранхаш подался вперёд и упёрся руками в пол, – всё же в вас влюбился. Но мне есть за что и поблагодарить вас.

Мужчина медленно и неотвратно на четвереньках направился к ней, и Майяри, напуганная его жутким взглядом, перекатилась с пяток на ягодицы. Подобравшись совсем близко, Ранхаш выдохнул прямо ей в лицо:

– Я бы хотел поблагодарить одну богиню. Богиню с болот.

В тусклом свете влажно блеснули зубы, и девушка, сдавленно пискнув, упала на спину. Харен тут же навис над ней, и кончик его косы, мазнув Майяри по лицу, бухнулся на пол рядом с её ухом.

– Большое, – вкрадчиво прошептал мужчина, – спасибо.

И оскалился.

– То, что ты посмела скрыть это, разозлило меня даже сильнее побега. И осмелилась же...

– И как бы я сказала?! – перетрусившая девушка взъерошилась и огрызнулась. – При первой встрече? Мол, я спасла вашу ногу, будьте любезны отплатить мне добром и поверить, что я не грабила сокровищницу?

– Позже, – протянул Ранхаш, склоняясь к её лицу.

Майяри запаниковала.

– У нас с вами были натянутые отношения! Мне не хотелось сближаться с вами таким неестественным образом... ой!

Харен уткнулся носом в её шею и удовлетворённо выдохнул. Майяри вздрогнула, когда его руки проползли под её спину и крепко притиснули к мужчине.

– Я так устал, но, боюсь, мне не удастся уснуть по-другому. Полежите немного так.

В комнате воцарилась тишина.

Через пару минут вконец обескураженная девушка осторожно ошупала тяжелеющего мужчину и обеспокоенно прошептала:

– Харен... Господин Ранхаш... Эй, вы же не собираетесь спать на мне? Господин?!

Глава 11. Сватанье

С улицы доносились радостные визги выпровоженной из избы детворы, и хмурый напряжённый Шидай прислушивался к ним с некоторым недоумением. Кто бы мог подумать, что в глубине болот вовсе не болота и даже кто-то живёт? Да ещё и кто-то столь странный... Нет, слухи-то ходили, но уж больно они на сказки были похожи. Глаза лекаря прошлись по широкой спине хозяйки, которая гремела утварью на полке, и задержались на кисти одной из рук. Вместо кожи ту покрывала зеленоватая чешуя, а пальцы украшали мощные жёлтые когти.

Оборотень сразу понял, что живущие здесь нелюди никакие не разбойники. Поговору. Бандиты прятаться на болотах начали каких-то пятьсот лет назад – раньше испарения ядовитее были, – за это время язык не успел бы измениться так сильно. Какие-то слова были похожи на южносалеиские, какие-то – на северосалеиские, а некоторые чем-то напоминали речь замийцев. Шидай в молодости успел хорошо повидать мир и пару раз сталкивался с этой скрытной расой на севере Нордаса, но большая их часть жила ещё дальше, предпочитая холод жару. Только вот местные жители мало походили на высоких гибких замийцев, кожу которых покрывали узоры из чешуек, волосы имели все оттенки тёмно-зелёного, а в глазах было что-то змеиное.

Женщина наконец отыскала в плетёном коробе резную деревянную чашу и, зачерпнув ею какое-то варево из дымящегося котелка, решительно поставила угощение перед гостем. Шидай украдкой принюхался, с опасением смотря на зеленовато-жёлтое питьё. Запах напоминал о фруктах и каких-то лекарственных травах. Осторожно пригубив напиток под испытующим взглядом хозяйки, оборотень, уже не скрываясь, ещё раз принюхался к чаше. Вкус у питья оказался кисленьким, бодряще травяным и самую малость горьковатым.

– Что это? – полюбопытствовал он.

– Отвар из абдарики мeste с конашёнкой и упусником.

Понял Шидай только «отвар» и «meste» и предположил, что остальное – местные растения. И следующий глоток сделал уже смелее.

– Вкусно, – похвалил он и, заметив непонимание женщины, повторил то же, но уже на замийском.

Лицо хозяйки чуточку просветлело, и она соизволила сесть напротив гостя.

– Ну, видать, не из татей, – проворчала она. – У тех умений к разговариванию нет. Да и, гляжу, летá ты ужó нажил, разумение какое-никакое имеешь. Сказывай уж, чево вам надо от нашенской девки?

– Боги с вами, почтенная, – неспешно начал Шидай, внимательно следя за лицом женщины. – Мы думали, что она нашенская.

– Да какая она вашенская?! – возмутилась хозяйка. – Усе прошлые холода, мерзлость перед ними, слякоть после них и благодать после с нами прожила. Чаво ж вы тогда-тось не исщали?

– Знакомства не имели. Встретились мы с ней в мерзлость пред этими холодами, – Шидай постепенно перенимал местный говор: всё же хорошо иметь большой жизненный опыт. – На нашенской стороне её за тать принимали.

– Нашу Майяри?! – разгневалась женщина.

– Оболгали, – поспешил успокоить её Шидай. – По малости лет Майяри сама правду донести не сумела. Сынишка мой её под свой пригляд взял, чтоб... шоб обиды чинить не смели. Мужик он суровый, уважением пользуется и со страхом почитается. Да вот сердце его к Майяри склонилось. А ранее за ним никогда такого не было, по неопытности не сумел донести до неё свои мысли. Напугал.

– Не по сердцу пришёлси? – нахмурилась женщина.

– Да я-то думал, что по сердцу... – Шидай напустил в голос растерянности. – Она ж к нему и с лаской, и с заботой... И злилась, когда он по опасным местам шастался. Ужо порадовался, что внучатки пойдут... – оборотень тоскливо вздохнул. – Сын чуть разум не потерял, когда она убежала. Татей же вокруг тьма! Обидит же кто...

Задумчиво поджав губы, хозяйка подозрительно взглянула на печально прихлёбывающего питьё гостя и поинтересовалась:

– Звать-то тебя как?

– Шидай, госпожа.

– А меня Рыжжа. Так чавой твоему сыну от Майяри нужнò? Коли сбёгла, значица не по нраву.

– Так сердце у него от печали рвётся! От горя хоть зверью в пасть бросайся, – на глазах Шидаея блеснули скупые слёзы, и Рыжжа, ахнув, прижала когтистую ладонь к груди. – Если уж не по сердцу, так пусть хоть дозволит присмотр над ней устроить. Ему всё легче будет, коли знать будет, что у ней всё мирно и ладно. А там, может, и приглянется, и сердцем на него посмотрит.

Суровая Рыжжа по характеру своему женщиной была добрейшей, и страдания незадачливого мужика вызвали у неё неподдельное сочувствие. Припомнила она и, как ей сейчас казалось, затравленный взгляд оборотня, и то, как за Майяри цеплялся, да и как сама Майяри цеплялась за него... И на внешность он как-то трогательнее стал: измученный, осунувшийся, худоватый... Сразу видно – страдалец! Волос тока у него странный, словно летами он уже очень стар.

– А шо у твоего сына с хозяйством?

Шидай приободрился, безошибочно учуяв изменившийся настрой хозяйки. Раз уж про хозяйство речь пошла, значит, к жениху готовы присмотреться.

– Изба-то есть?

– Есть, да не одна.

– Да зачем-то ему больше одной? – поразила Рыжжа.

– По служению своему сын мой по разным местечкам ходить должен, татей гонять и наказывать за зло их.

Рыжжа почтительно охнула. За зло болота наказывают, а на той стороне есть и нелюди, способные на такое богоподобное деяние! Ах, Майяри, ах, приманница! От какого мужика нос воротит!

– Чтоб не проситься каждый раз на постой, он отстроил себе дома в разных местах.

– Силён, – уважительно качнула головой женщина.

Ишо и рукастый!

Шидай польщённо улыбнулся. На самом деле дома Ранхаш купил, но лекарь не был уверен, что женщина поймёт смысл слова «купить».

– А землю он содержит? Што у него вырастает?

– Сам не растит ничего, почтенная, – признался Шидай, – но землю содержит. По служению своему пригляда должного уделить не может. Другие смотрят за его землёй, растят, что хотят, а он с ними в благодарность делится тем, что ему за служение дают.

Рыжжа нахмурилась. Таки хозяйство большое, без сердешной тут и не управиться. Деток нужно много, не одному ж ребятёнку такую прорву заботы по смерти передавать? Тока вот управится ли Майяри? Она ж худюшая, как и почти вся болотная живность! Благо если двух ребетят народит.

– Хорош мужик, – признала она. – Девка у нас тоже неплоха, вот тока тоща и заразительна. Вся хворь к ней лезет!

– Так мы потому и заботу о ней взяли, – обрадовался Шидай. – Я ж... – он запнулся, пытаясь подобрать подходящее слово, и всё же сказал: – ...лекарь.

К его удивлению, Рыжжа его поняла и уважительно ахнула:

– Как Майяри?!

– Майяри? – удивился Шидай.

– Так уж она тоже лекарка, – последнее слово было произнесено на чистейшем южно-лейском.

Лекарка... Шидай как-то не очень верил, что Майяри могла в одиночку срastить такую жуткую рану, что получил Ранхаш на болотах, и теперь понимал, что, похоже, зря. Девчонка была гораздо удивлять.

– Нам она в том не признавалась, – честно ответил Шидай. – Я б научил её всему, что умею.

Теперь-то Рыжжа окончательно уверилась, что к Майяри обратилось сердце хорошего мужика. Справедливый как болота, хозяйственный, рукастый, за благо девки радуется больше, чем за своё. А родитель у него какой! Сразу видать, что разумение у мужика огромное, сердце ласковое (как за сына-то болеет), и ишо боги наградили умением тела живые латать. А выгладит-то как! Кожа гладенькая, ни одной чешуечки – доброта вся на теле видна! С нею родился, с нею и прожил.

– Ну, я погляжу, и впрямь с намерениями пришли, – протянула Рыжжа. – Коли Майяри решится уйти – тянуть назад не будем. Мож, – она хитро посмотрела на приободрившегося Шидая, – где и подмогём. Младые на неразумения горазды, особливо когда до сердешности доходит.

– Боги наградили вас большой разумностью, – Шидай широко улыбнулся, и щёки женщины налились густой краснотой.

Дверь в сенях грохотнула, и внутрь решительно вошёл бородатый мужик с чешуйчатой лапой вместо ноги. Добравшись до котелка, он зачерпнул отвар стоящей рядом глиняной чашкой и, напившись, с жаром выдохнул:

– Вот глупая мотехвостка! И почём бёгла от мужика, ежли сейчас сама на него липнет?

– Ты по что это? – прищурилась Рыжжа.

– Да по Майяри! Глянул я к ним, а этот прямо на ней и уснул. Да в одеже, в одеже уснул! – поспешил уточнить мужик, пока сестра не запустила в него посудой за недогляд. – Видать, умаялся с пути. Я его стащить думал, так она: «Не надо. Пуцай спит». И руками его обвила. Тьху! Что ж бабы за дурной народ такой?! То не по сердцу, то от сердца не оторвёшь! Мука с вами одна!

Глава 12. Утро в саду

Ночь в деревеньке прошла спокойно, гости не чудили, как опасались самые подозрительные из жителей, и ответственно проспали всю ночь, утро и соизволили открыть глаза только ближе к полудню. Их не трогали, позволяя отоспаться с дороги. А уж после пробуждения господин Шидай, которого Бешка обозвал «старшим», направил «племяшей» в помощь местным, а сам утопал куда-то с бабкой Рьякой.

Всё это Майяри рассказал Бешка, неодобрительно на неё посматривая. Та безошибочно почувствовала, что отношение мужика к гостям изменилось и изменилось не в её пользу. Но ничуть не удивилась: если господин Ранхаш всё это время спал рядом с ней (точнее, на ней), то хитрый и коварный господин Шидай пророком бродил где-то по деревне.

Сама она вместе с хареном проспала весь вчерашний день – дорога и ей далась тяжело – и проснулась только поздно вечером. В доме Бешки было непривычно тихо, обычно-то дети всё вверх дном переворачивали, а спину и затылок ломило от неудобного положения. За всё это время харен даже не подумал сменить позу, и вся шея зудела из-за исцарапанной её щетины. Да ещё и в тулупе было дико неудобно, но хоть спина не замёрзла.

Кое-как выбравшись из-под мужчины, Майяри отправилась обустроить нормальное место для сна. Нормальное в понимании гавалиимцев. Те избы дровами не отапливали. Дерево было ценно и шло только на приготовление пищи. И то не всегда. В остальных случаях использовали горячие камни, которые в болотах находились во множестве. Их прятали в специальных местах под полом, чтобы прогревать избы, либо же под лежанками. Сама Майяри первые месяцы жизни на болотах жгла найденный хворост в очаге, чтобы согреться, даже не подозревая, что совершает чуть ли не святотатство.

Отыскав в полу поднимающуюся крышку, девушка разложила под ней горячие камни, потом сверху настелила одеяла и осторожно позвала харена. Тот проснулся сразу, раздражённо уставился на свои пустые руки и молча пошёл на зов. Майяри помогла ему снять сапоги и плащ – утомлённый оборотень казался ей совершенно разбитым и больным, не помочь ему было бы кощунством – и свернула из одного одеяла подушку помягче. Зря только старалась: не успела она пискнуть, как харен опять подгрёб её к себе и, забросив ногу на её бедро, прижался щекой к виску девушки. И мгновенно уснул. Как Майяри себя костерила, что не додумалась снять тулуп, прежде чем будить оборотня. А ближе к утру начала остро сожалеть, что не сообразила дойти до отхожего места. После этого терпения её хватило только на полчаса, и, змеем вывернувшись из объятий мужчины, Майяри подложила вместо себя тулуп и опрометью бросилась к одинокому деревянному строению во дворе.

Потом уже походила по дому, поговорила с Бешкой и помогла мужику по хозяйству. Господин Ранхаш продолжал спать, крепко прижимая к себе пахнущий Майяри тулуп, и девушка вышла посидеть на крыльце. Погода сегодня занялась замечательная, на небе не было ни облачка, солнце уже с рассвета начало сеять вокруг тепло, и намёрзший за ночь ледок быстро растаял и ручьями потянулся на юг, в сторону Каменного Порога и болот. От земли поднимался холодноватый туман, но Майяри даже не подумала вернуться в избу хотя бы за одеялом и тревожно щурилась: пыталась решить, что делать с угрозой харена, и боялась встречи с господином Шидаем.

Через час, когда девушка совсем уже истерзалась, дверь за её спиной скрипнула и на ступеньку рядом с её бедром опустилась нога харена. Не успела Майяри опомниться, как вторая нога оказалась рядом с другим её бедром, и оборотень уселся за её спиной и, притянув к себе, уткнулся лицом в плечо девушки. И опять заснул. Вышедший следом Бешка с ворчанием набросил на них одеяло и пошёл хлопотать по хозяйству дальше.

– Тяжко тебе? – с ехидством спросил Викан, опираясь на топор.

Майяри угрюмо проворчала что-то неопределённое и перевела взгляд на незнакомого ей Вотого. Она успела узнать, что зовут его Ирриван, но этим их знакомство и ограничилось. Сам мужчина больше внимания на неё не обращал, зато девушка от скуки осмотрела его всего и пришла к выводу, что выглядит он нетипично для представителя семейства Вотых. Глядя на него, можно и не заподозрить его в родстве со славным родом. Роста он был среднего, но вот фигура у него была крепкая, без гибкого изящества, как у того же Викана. С Вотыми его, наверное, роднил только цвет волос – серебристый. Черты лица хищные, резковатые, нос формой напоминал ястребиный клюв – у Майяри нехорошо засосало под ложечкой, – а глаза были светло-серыми, почти прозрачными, отчего его взгляд казался несколько пугающим.

Оборотни кололи дрова. Рыжжа почесала голову, думая, что бы такого поручить гостям, которые и знать ничего не знали о жизни в садах, и отправила колоть сташённые к её избе брёвна. Местные мужики успели разделать их на чурбаки, но вот дальше работа застопорилась: природа начала пробуждаться и сады потребовали внимания.

Колка дров превратилась в настоящее представление. Полюбоваться на гостей сбежались девки со всей деревни. Майяри тоже отметила, что мужчины в закатанных до локтя рубашках были чудо как хороши за работой. И каждый по-своему. Хихикающие девушки разбились на две группы и из-за заборчика разглядывали мужчин. Среди поклонниц Викана в основном были молоденькие девчонки, которые по юности лет всё ещё любили мужиков глазами. Прекрасный гость казался им младшим братом самой богини: этаким шалопаем, с которым всегда весело. Викан подмигивал им и широко улыбался, отчего девчонки не переставая хихикали.

Среди поклонниц Ирривана девки были постарше и похозяйственнее. Суровый оборотень, молча делающий свою работу, радовал их до смущённого писка. Всем был пригож. Да ещё имел всё самое важное... хи-хи-хи... для мужика в достатке. Даже в излишке. И плавающим по воздуху зверем оборачивался. Ирриван на них внимания не обращал, словно томно вздыхающих девок и вовсе не существовало. Смотрел он только на маленькую девочку, которая каждый раз, как оборотень раскалывал очередной чурбак, подтаскивала новый и отходила в сторону, с самым серьёзным видом наблюдая за мужчиной. Тот не прогнал её сразу, наверное, от удивления, а потом как-то привык, да и место для наблюдений девчонка всегда выбирала такое, чтобы уж точно поленом не зашибло.

Девчонку звали Яйликой. Майяри всегда очень нравился этот серьёзный неулыбчивый ребёнок. Точного её возраста девушка не знала, но предполагала, что той не больше десяти лет. Яйлика была известна почти во всех гавалиимских деревнях тем, что родилась с чешуйками на теле. Такое бывало и раньше, но нечасто, и садовники, передавшие истории прошлого исключительно устно, не были уверены, что действительно бывало. Поахав над ребёнком, местные со свойственным им добродушием решили, что боги уже при рождении отняли у девочки всё её зло, не дав болотам возможности выгрызть его зубами. Наверное, в прошлой жизни новорождённая сотворила что-то очень хорошее.

На взгляд Майяри Яйлика была очень красивой девочкой. Ладненькая такая, аккуратненькая, как куколка. И личико такое небольшое, с белой нежной кожей и яркими, сурово сжатыми губками. Вот только по скулам, начиная от самого носа, к ушам тянулась россыпь перламутрово блестящих чешуек, перемежающаяся с выцветшими за зиму веснушками. А большие глаза имели глубокий тёмно-зелёный цвет и узкий, возбуждённо подрагивающий зрачок. Чешуйки также блестели на дланях девочки и украшали её локотки, колени, рассыпались по позвоночнику и густо покрывали верхнюю часть ягодиц. Это Майяри уже знала, так как ей довелось лечить малышку от «застудной» болезни. Мать Яйлики, орлицей выющаяся над каждым из своих девяти детей, тогда всех знающих нелюдей просила посмотреть на дочь. Да и тёмно-русые волосы девочки, казалось, имели зеленоватый оттенок, как слегка зазеленившийся древесный ствол.

Ирриван в очередной раз поднял над головой топор – как красиво напряглись его руки и спина под рубашкой! – и под восхищённое аханье опустил его на чурбак. Тот разлетелся на две части. Яйлика подождала, пока оборотень разделается с этими двумя частями, и подтащила следующий. Подозрительно перехватив ношу девочки, Ирриван взвесил её на руке и решительно отпихнул помощницу коленом в сторону.

– Не мешай.

Та растерянно и обеспокоенно затопталась на месте, попыталась пройти к сваленным в одну кучу чурбакам с другой стороны, но недовольный взгляд оборотня отпугнул её. Но Яйлика была девочкой упорной и через пару минут уже собирала разбросанные поленья.

– Стоять, – Ирриван грозно посмотрел на потянувшуюся к третьему полену девчонку. – Хватит, неси.

Та перевела непонимающий взгляд на Майяри, и девушка указала на поленицу. Яйлика тут же припустила к ней.

Когда на улицу вышла Рыжжа, гора чурбаков превратилась в мелкую кучку, а у стены дома опасно кренилась набок поленица.

– Умаялись? – с добродушной улыбкой спросила женщина. – Ну, девки, кто смелый?

Она показала поднос, на котором стояли два кувшина и ломтями лежали куски мяса и что-то похожее на хлеб. Майяри узнала выпечку из вездесущей абдарики и поняла, что тоже проголодалась. Девушки смущённо зашушукались, захихикали, пихая друг друга в сторону Рыжжи, но всех опередила Яйлика. Подойдя к женщине, девочка требовательно протянула вверх ручки, и Рыжжа отдала ей поднос под добродушное подшучивание поклонниц Ирривана.

– Да наша Яйлика мужика себе приглядела.

– Да не по размеру мужик-то...

Грянул хохот, и Рыжжа строго цыкнула на охальниц.

Девочка сперва подошла к лучащемуся улыбкой Викану, выставила на чурбак перед ним кувшин и мясо с выпечкой и, неодобрительно зыркнув на ехидно щурящегося оборотня, поторопилась к утирающему пот Ирривану. Тот принял поднос, без всякого сомнения запустил зубы в незнакомое мясо и отхлебнул ещё тёплый пряный отвар. Яйлика же уселась напротив на полено и во все глаза уставилась на мужчину. Ирриван не обращал на неё внимания, но потом начал задерживать взгляд и, в конце концов, задумчиво осмотрел её и полез в карман.

К удивлению Майяри, он вытащил оттуда горсть каких-то орехов и протянул их девочке. Но не успела та подставить ладошки, как от ворот прокатился строгий оклик:

– Не смей давать орехи!

Девушка вздрогнула и пугливо попыталась заползти под харена, узнав господина Шидаю. Ирриван без вопросов под разочарованным взглядом малышки спрятал орехи в карман и, подумав, запустил руку в другой. И достал уже горсть сушёных фруктов. Их и сыпал в подставленные ладошки. Яйлика сперва принялась к ним, потом осторожно лизнула и только после этого зубами прихватила один ломтик и вдумчиво его прожевала. И просияла. Личико её покраснело, даже показалось, что чешуйки порозовели.

Нервноичающая Майяри уже не отрываясь смотрела на приближающегося господина Шидаю. Шёл тот в компании бабки Рьяки, и та посматривала на оборотня очень и очень благодушно. Остановившись у калитки, лекарь сложил руки на груди и хоть и сдержанно, но всё равно разъярённо прошипел:

– Выпорол бы, если бы не подозревал, что пользы от этого никакой не будет!

Майяри нервно натянула угол одеяла на самый нос.

– С Ранхашем боишься разговаривать, так хоть со мной бы поговорила! Ты знаешь вообще, что было после твоего побега? Ранхаш так расстроился, что в обморок грохнулся.

Майяри неверяще уставилась на лекаря. Да быть такого не может! Чтобы харен да в обморок...

– А ведь обещала не бросать нас!

– Не надо меня стыдить, – огрызнулась девушка. – Я так поступила, потому что за вас же и боялась.

– За себя мы сами побоимся! А вот из-за тебя чуть с ума не сошли! Ломанула невесть куда! Одна! На драконе! Больная! Да ещё и в такой холод! Мозги у тебя явно не отросли!

Майяри попробовала взлелеять внутри обиду и, разъярившись, как-нибудь отпереться от обвинений, но взлелеялась вина, и она опустила взгляд.

– Благо хоть твоего маленького разума хватило, чтобы к хорошим нелюдям податься!

– Да бабы дурной народ! – вторил ему вышедший на крылечко Бешка. – Шо ты на неё рычишь? Разума у неё не прибавится.

Теперь Майяри чувствовала себя не просто виноватой, а виноватой дурой. Но ведь она всё правильно делала, она заботилась, переживала за их жизни!

Обида всё равно не появилась.

– Майяри, плюнь на них, – весело посоветовал Викан. Он уже сидел в окружении осмелевших девок и радостно с ними перешучивался. Те его не понимали, но хохотали. – Выбери меня в сердешные.

– Мозги сперва отрасти! – Бешка строго зыркнул на балагура.

Господин Ранхаш обеспокоенно завозился, но не проснулся. Шидай внимательно осмотрел сына и строго взглянул на Майяри.

– Обратно поедешь? – прямо спросил он.

– Я думаю, – уклончиво ответила девушка.

– Я начинаю бояться, когда ты думаешь.

– Майяри, возвращайся со мной, – не отступал Викан.

– Ты рожу сперва мужескую возымей! – Бешка даже вперёд выступил, закрывая собой Майяри.

– Да зачем мне мужеская рожка? – ничуть не обиделся Викан. – Тут красавицы говорят, что я как сама богиня. Вот отращу облако волос, как у неё, и совсем не отличить будет.

– Ах ты охальник! – возмутился Бешка.

– Викан! – сквозь зубы процедил Шидай и погрозил «племяннику» кулаком.

Но тот сам почему-то вздрогнул и резко обернулся. Лицо его удивлённо вытянулось, и мужчина растерянно заморгал. Только что ему показалось, что кто-то отвесил ему подзатыльник, а затем и вовсе добродушно потрепал по волосам.

Господин Ранхаш зашевелился, и Майяри повернула голову, чтобы взглянуть на него. И замерла, столкнувшись с жёлтыми глазами. Харен сонно осмотрел её лицо, слегка подался вперёд и, поцеловав её в губы, с удовлетворённым вздохом опять уткнулся в узкое плечо. Майяри оторопела, а девки захихикали и зашущукались.

– Смотри-смотри, Майярин сердешный!

– Болезный какой-то...

– Зато сурьёзный. Слышала, хозяйство у него бошущее. Изб целых три! И он зло из душ изымает, как сами болота!

– А тятенька, тятенька у него лекарка, как Майяри!

– Ишо нос воротит? Гордаявая...

Майяри мрачно уставилась на торжествующего и злорадствующего господина Шидаю.

– Эй, Шидай-госпожа, откушать не желаете? – окликнула лекаря Рыжжа.

Лицо того обескураженно вытянулось, и Майяри прыснула от смеха.

– Можно просто Шидай... – оборотень запнулся, подумал и решил не добавлять «уважаемая».

Глава 13. Решение

Господина Ранхаша всё же разбудили.

– Давай, сын, приходи в себя, – Шидай, присев перед Майяри на корточки, добродушно подёргал спящего оборотня за косу. – Спать хорошо, но есть тоже нужно.

Тот поморщился, ещё сильнее навалился на девушку – спина ныла уже просто безбожно, – но глаза всё же открыл.

Стол накрыли в доме Бешки, но вот съестное на него тащили со всей деревни. В избе стоял весёлый гвалт, и Майяри, которую вместе с сонным хареном посадили во главе стола, всё больше и больше подозрительно щурилась. Очень уж нарастающий шум напоминал ей праздничный. Только вот что праздновать собирались?

Уже сытый ВIKAN, расположившись в углу избы с девками, продолжал веселиться в тёплой компании, а вот Ирриван от приглашения к столу отказываться не стал и теперь молча и серьёзно наворачивал кашу из абдарики с мясом. Малышка Яйлика сидела рядом с ним и, глядя на оборотня, тоже с аппетитом уписывала еду. Харен сперва вроде бы за угощение принялся без энтузиазма, но потом разохотился, сонная хмарь с него слетела, и мужчина уже с жадностью набросился на мясо под растроганным взглядом Рыжжи. Майяри даже позавидовала: она-то, помнится, к местному мясу без всякого доверия отнеслась.

– Ну давай крепенького за хорошость, – Бешка из глиняного кувшинчика, только-только принесённого из погребка, налил себе и господину Шидаю что-то желтоватое.

Рыжжа сперва вроде зыркнула неодобрительно, но потом смягчилась. Мол, можно. И Майяри окончательно убедилась, что тут явно готовятся что-то праздновать. И она даже заподозрила что. Но не обиделась, только помрачнела и тяжело посмотрела на господина Шидаю.

Лекарь пригубил «крепенькое» с осторожностью, удивлённо приподнял брови и сделал уже хороший глоток. Дверь хлопнула, внутрь заглянул Тошкан со своей сердешной. Сердешная сразу направилась к Рыжже, а мужик с интересом повёл носом и плюхнулся на лавку рядом с Бешкой. Тот с готовностью подвинул к нему стакан.

– Ох, Майяри, так это ж тот молодчик, которому ты ногу-то залечивала! – Тошкан, озарённый внезапным воспоминанием, с удивлением уставился на осунувшегося харена.

Взгляды всех тут же переместились на мрачную Майяри. Только садовники смотрели с удивлением, а взгляды господина Шидаю и господина Ранхаша казались одинаково неодобрительными.

– Ну он, – нехотя подтвердила Майяри, тывая в кашу ложкой.

– Так это ж самих богов провиденье! – охнул Тошкан. – А ты ишо лечить его не хотела.

Тут уж неодобрительный взгляд лекаря стал возмущённым.

– Что вы на меня так смотрите? Да, не хотела. Потому и рассказывать не стала, – мрачно буркнула девушка. – Тошкана благодарить надо. Если бы не он – прошла бы мимо. Тут он главный спаситель, я так... орудие в его руках.

– Да ты не слушай её, – мужик хохотнул и подмигнул харену. – Майяри – девка добрая, просто кочевряжистая. Пройшла бы мимо, а потом с руганью возвраталась бы и без моих понуканий!

Голос садовника был полон твёрдой уверенности, но вот сама Майяри её не разделяла. Она уже не раз проходила мимо чужих страданий. Если не видела глаз страдающего. Старалась не вмешиваться в чужие судьбы, но вот плохо у неё получалось.

И всё же хорошо, что она тогда поддалась на уговоры Тошкана и пошла посмотреть, что же произошло на болотах. Глаза её столкнулись с пристальным взглядом харена, но девушка не отвела взор. Мир стал бы хуже, если бы господин Ранхаш умер.

Поспешно запихнув в рот последнюю ложку каши, Майяри поднялась из-за стола.

– Я пойду на крылечко.

Харен тут же встал.

– Ты-то куда? – Рыжжа строго посмотрела на гостя. – Ешь уж, никуда она не денется.

– Ты уже не переживай, – поддержал сестру слегка захмелевший и ещё более подобревший Бешка. – За воротами селашники ходят, сердешатся, а Майяри их дюже опасаются.

Девушка даже вздрогнула, припомнив костлявую, будто бы высушенную тварь. Любопытства на то, как она «сердешится», ей точно не хотелось.

– Я присмотрю за ней, – со своего места поднялся Ирриван, и харен очень и очень неохотно опустил обратно.

Погодка совсем распалась, и от земли уже сильнее тянулась дымка испаряющихся холодов. Из-за того, что снега на болотной земле не задерживались, весна приходила в эти места рано. Холод продолжал висеть в воздухе, но от самой земли шло тепло, будто в её глубине тихо побулькивал котёл. Сидеть на крылечке с Майяри оборотень не стал и вместе со следующей за ним по пятам Яйликой отправился к оставшейся куче чурбаков. Девушка даже вздохнула от облегчения: сидеть под строгим взором незнакомого мужика ей не хотелось. Дверь за спиной опять хлопнула, и на ступеньки рядом опустился улыбающийся ВIKAN.

– Ух, весна! – оборотень глубоко вдохнул и слегка поморщился от ощутимой и здесь болотной вони. – Странное местечко. Кто бы мог подумать, что здесь вообще кто-то постоянно живёт. Да ещё и... – ВIKAN запнулся, сиюсь подобрать подходящее определение, – с таким странным взглядом на мир.

Добродушие жителей и их особое отношение к злу бросалось в глаза так же сильно, как и необыкновенная внешность. Для мира за пределами болот доброта гавалиимцев казалась сопряжённой с наивностью: так искренне верить, что болота обязательно накажут за зло и что после «наказания» уже ничего злого в тебе не останется и ты обречён быть добрым...

– Это особый мир, – отозвалась Майяри.

– И значимое место для тебя? – прищурился ВIKAN. – Даже удивлён, что тебе есть куда вернуться. Ты уж извини, – оборотень усмехнулся, – но ты мне всегда казалась одинокой волчицей, которой никто и не нужен.

– И поэтому ты решил привязаться ко мне с помолвкой? – чуть-чуть повеселела Майяри. – Ну, был уверен, что я точно не соглашусь и ты останешься свободным.

ВIKAN закусил губу и отвёл взгляд.

– Ну да, – не стал спорить он, только вот Майяри почему-то посетило ощущение, что ей соврали.

Допытываться, впрочем, она не стала и тоскливо взглянула на взявшегося за топор Ирривана. По деревне прокатился треск расколотого чурбака.

– Наш единственный птиц, – решил представить брата ВIKAN. – В тётушку Клеклэа пошёл, она из орлиного клана. Из предгорий Сумеречных гор, кстати.

Разговор не вязался. У Майяри совершенно не было настроения болтать, а ВIKAN в кои-то веки не мог найти тему для беседы.

– Милое местечко, – тоскливо выдавил он.

– Боюсь, если о нём узнают, то оно исчезнет, – голос девушки дрогнул.

Для неё мир гавалиимцев был особенно ценен. Она родилась и выросла в общине, где высшими моральными качествами считались выдержанность и готовность пожертвовать всем – даже пойти против своей совести – ради «семьи». Может быть, за стенами домов, в кругу самых-самых близких были и другие отношения. Об этом Майяри не знала, но она помнила доброту брата. Она сама была почти такой же, как и все в общине, разница состояла только в том, что она ненавидела тех, с кем жила, и в противовес им старалась быть другой. Но в действительности была такой же.

Более шести лет назад с гор спустилась обозлённая, всего боящаяся девушка. Только через два года она с опаской, но всё же начала принимать новые реалии жизни, в которых существовали люди, дающие добро просто так. Последующие годы обучения в школе смягчили её ещё больше. Но только жизнь на болотах показала ей, какой может быть настоящая доброта: когда никто не ищет у тебя недостатков, а имеющиеся пытаются оправдать.

Майяри не верила, что гавалиимцы смогут сохранить себя в большом мире. Их слишком мало, чтобы они могли защититься.

– Если кто-то узнает о существовании этого места, то больные, любопытные и жадные до наживы потянутся сюда, – прошептала Майяри. – Сейчас его защищают только боги и болота.

Викан удивлённо посмотрел на неё.

– Ты веришь, что боги защищают это место?

– Верю, – просто ответила девушка. – Но от пороков и злобы внешнего мира не защитят и они. Сады разорят раньше, чем они станут прежними.

– Сады?

– Ты не знаешь? – Майяри взглянула на слегка обескураженного Викана. – Есть же легенда про Гава-Лиимские сады.

– Вот легенды меня интересуют меньше всего, – весело улыбнулся парень. – А ты ещё и в легенды, оказывается, веришь?

– Раньше не верила, – девушка опять перевела взгляд на Ирривана. – Но теперь верю. Здесь во многое начинаешь верить. Согласно легендам, раньше на этом месте были прекрасные Гава-Лиимские сады. В эпоху Древних войн какой-то злой бог проклял их, затопил, населил страшными монстрами. Другие боги, создатели садов, смогли спасти эту землю и часть садовников. Это их потомки, – Майяри кивнула подбородком на деревню. – Многие тысячи лет они занимаются своей работой и восстанавливают сады. Как видишь, вполне успешно.

– Гава-Лиимские сады? – крылечко скрипнуло, и Майяри вздрогнула.

Сзади подошёл господин Шидай и с интересом посмотрел на девушку. Та ответила испуганным взглядом: лекаря она всё ещё боялась. Не верила, что так легко отделалась.

– Похоже на правду, – задумчиво протянул оборотень. – По крайней мере, многое объясняет.

– Ты о чём, дядя? – удивился Викан.

– Посмотри на девочку, – Шидай кивнул на Яйлику, которая, пыхтя, перетаскивала наколотые дрова к поленнице. – Согласно тем же легендам, боги Лавридая и Куадар собрали в своих садах представителей многих рас. Вроде бы даже боги, чьих созданий они посчитали непригодными для работы, обиделись на них. Возможно, среди собранных здесь народов были и замийцы.

Страх на лице Майяри сменился интересом.

– Они малочисленны, осторожны и предпочитают северные холода. Кто-то считает их разумными родственниками драконов, – лекарь хмыкнул. – Очень они уж горячи. И невероятно живучи. И кровь у них сильная. Только вот запомните, что какие-то виды орехов для них ядовиты. Я уж не помню какие. Убить не убьют, но массу неприятных моментов доставят, так что орехами не угощать, – строго посмотрев на Викана и Майяри, господин Шидай опять взглянул на Яйлику. – Вероятно, местные жители – потомки перемешавшихся между собой рас. Поэтому и выглядят так странно.

– Ну не только поэтому. Вам ещё не рассказывали, как болота выедают зло? – Майяри вопросительно приподняла брови.

– М-м-м?

– Чешуйчатая нога Бешки ему не родная. Родную какая-то тварь откусила. Эту же взяли от одного местного зверя и прирастили.

– Майяри, ты мне сейчас за ту шутку с жрецом отомстить решила? – Шидай ласково прищурился.

– О чём вы? Я не шучу. На руке Рыжжи кусок шкуры той же твари, у Тошкана вся спина чешуйчатая... Здесь опасно, травмы, можно сказать, неизбежны, так что почти у всех есть заёмные час...

– Да быть того не может! – Шидай возмущённо посмотрел на девушку.

– Не верите мне, спросите у Бешки, – та ничуть не обиделась. – Между прочим, мазь, которой я ногу харена мазала после лечения, – тоже местное изобретение.

Более ничего не спрашивая, лекарь заскочил в дом.

– Ты серьёзно? – ВIKAN обескураженно взглянул на Майяри.

Та кивнула.

– И именно поэтому лучше никому не знать о существовании этого места. Как я уже сказала, сюда потянутся больные, любопытные и жадные до наживы. Садовников просто сомнут, сады затопчут, растения начнут вывозить, чтобы выращивать их на большой земле. Только вот свою лечебную силу травы и деревья тянут из здешней земли. Все местные чудеса скрыты в ней.

– Да шо я тебе сказываю? – на крыльцо вышли Бешка и потрясённый господин Шидай. – Хошь, утром дойдём до соседской деревушки? Тама мой знакомец новой рукой обзавёлся. А што до настоек и помазанок, то пошли в погребок, я тебе их покажу.

Мужчины спустились с крылечка и зашагали в сторону дома Рыжжи.

– Господина Шидаю ждёт потрясение, – Майяри даже слегка улыбнулась.

Из подгребка донёлся вопль то ли восхищения, то ли ужаса.

– Так ты собираешься возвращаться? – полюбопытствовал ВIKAN.

– Я пока думаю.

– Думаешь? – мужчина нехорошо прищурился. – Майяри, ты знаешь, Вотые очень упорные и не любят упускать то, что принадлежит им.

– А я уже вашей семье принадлежу? – вяло удивилась девушка.

– Увы-увы, – с притворным сочувствием выдохнул ВIKAN. – Как насчёт сделки? Ты возвращаешься с нами, а мы молчим о том, что увидели здесь.

К его удивлению, Майяри даже не подумала возмутиться. Только без особого интереса уточнила:

– Угрожаешь?

– Угрожаю. Торжественно клянусь, что всё разболтаю!

– Не разболтаешь, – уверенно протянула девушка.

– Ты мне не веришь? Или... это угроза?

– Успокойся, харен мне уже пригрозил.

– Чем?! – поразился оборотень.

Майяри не ответила, только губу прикусила.

– Видать, плохо пригрозил, раз до сих пор думаешь. А, Ранхаш?

Вздвогнув, девушка развернулась и столкнулась с взглядом харена. Мужчина стоял, опёршись спиной на косяк, и пристально смотрел на неё. Майяри не выдержала и отвела взгляд.

– Мы ж всё равно утащим, – белозубо улыбнулся ВIKAN.

– Господин Ранхаш сказал, что я сама вольна решать, – мрачно отозвалась девушка.

– Ну так это он сказал, – провокационно протянул оборотень. – Эй, Ирриван! Справимся с Майяри?

Брат опустил топор и, обернувшись, хмуро посмотрел на напрягшуюся девушку.

– В бессознательном состоянии дотащим, – вынес вердикт он.

Майяри испуганно взглянула на харена, и тот спокойно, излишне спокойно – нет бы суровым взглядом охолонуть заигравшихся родственников! – заверил её:

– Будет так, как вы захотите.

– Ранхаша тоже дотащим, – предугадал вопрос Викана Ирриван.

Но Майяри уже успокоилась. Ну относительно. Пристальный взгляд господина Ранхаша продолжал жечь спину.

Ирриван присел на последний чурбачок и, смахнув пот со лба, окинул взглядом деревню. Его не удивляли ни само поселение, ни его странные жители... Его словно бы вообще ничего не удивляло. Но Майяри оборотень казался несколько недовольным, будто он находился не там, где хотел, и занимался не тем, чем хотел. Взгляд мужчины привлекла Яйлика, подошедшая слишком близко, и Ирриван недовольно посмотрел на ребёнка. Та вздрогнула, будто он поймал её на чём-то плохом, замялась, но всё же робко протянула ладошку и положила её на грудь оборотня. На левую её сторону.

Майяри сперва не поверила своим глазам, а затем расхохоталась в голос.

– Ах, бесстыдная!

Яйлика испуганно отпрянула и круглыми глазами уставилась на свою мать, появившуюся невесть откуда.

– Да шо ж ты утворила?! А ну подь сюды! – женщина за руку оттащила дочь от непонимающе намурившегося оборотня и заискивающе извинилась: – Ты уж прости неразумную, – и уже дочери: – Бегом в избу!

Девочка обиженно посмотрела на мать, но перечить не посмела.

– Эй, Майяри, это что было? – Викан дёрнул девушку за рукав.

– А это, – Майяри утёрла заслезившийся глаз, – твоего брата в сердешные позвали.

– Ай да Ирриван! Везде успел. Лучшую невесту себе отхватил!

Запрокинув голову, Викан издевательски расхохотался.

Ирриван нехорошо прищурился и опять взялся за топор.

Исследование погребка затянулось аж до самого вечера, и на улицу Бешка и господин Шидай вышли уже изрядно весёлые и хорошо пьяные. И, обнявшись, начали на всю деревню горланить песни: лекарь – салеийские и все сплошь похабные, а садовник – местные и исключительно «сердешные». Униматься и расцепляться пьяницы не хотели. Песнопения закончились, только когда Рыжжа потеряла терпение и хворостиной разогнала певунов по разным домам: брата в его собственную избу, а гостя к бабке Рьяке.

Викана и Ирривана прекрасно заняли местные девки и парни, и Майяри до сих пор слышала хохот молодёжи. Сама она, конечно, к ним не присоединилась. Не до веселья было, да и харен за ней хвостом ходил. С объятиями и поцелуями больше не лез, но смотрел так, что Майяри было ничуть не легче. Хорошо, что хоть сейчас ушёл: Рыжжа решила, что ещё одну ночь «сердешным» вместе проводить никак нельзя.

– Догляд за вами нужен, а мне не до того.

И отправила харена ночевать вместе с братьями, а Майяри к себе забрала.

Изба ходуном ходила от детского визга: в соседней комнате сердешный Рыжжи – молчаливый и крайне серьёзный мужик – играл со своими детишками и детьми Бешки. Майяри помогала женщине, старательно намывая в бадье грязные горшки.

– Так шо ты там порешила по сердешному? – неожиданно спросила Рыжжа.

Девушка едва удержала выскользнувший из рук мокрый горшок и аккуратно опустила его в воду.

– Ничего, – честно призналась она.

– Не по сердцу?

Майяри могла бы сказать, что да, не по сердцу, но почему-то не смогла. Вроде и не соврала бы, а язык всё равно не повернулся. Всё же харен трогал сердце. Не так, как возлюбленный, нет. Ну, кажется, нет...

Рыжжа истолковала молчание по-своему, но замечание всё же попало в точку.

– Страшишься? Да ты не убойся! Мужик у тебя по справедливости, как болота. Майяри аж слюной поперхнулась от такого заявления.

– Коли не сложится, пойдёте своими путями.

Подавив вздох, девушка не стала говорить Рыжке, что во внешнем мире всё несколько сложнее. Там браки заключаются и расторгаются не так легко, как у гавалиимцев. Захотели в избе вместе жить, невзгоды и радости делить да детей растить – положите руки на груди друг друга и всё. Не прижились – плюнули да разбежались. Правда, местные браки были покрепче союзов, заключённых по самым сложным обрядам, и держались они исключительно на привязанности сердешных друг к другу. Вон Бешка. Овдовел, а до сих пор по бабе своей тоскует и другую хозяйку не ищет. Сам детишек растит, ну ещё Рыжка помогает, и умудряется новых «плодить». Помнится, Майяри голову сломала, пытаясь разгадать фразу мужика, которую тот сказал в отношении своего младшего сына: «А этот уже после смерти моей сердешной народился». Как народился, от кого народился? То, что мальчишку бросили на болотах разбойники, а Бешка вытащил его из пасти местной твари, она узнала уже позднее.

– Ну шо ты тоскливишься? – Рыжка жалостливо погладила Майяри по голове. – Пригож мужик?

– Пригож, – согласилась с ней Майяри.

– Приятственен?

– Приятственен.

– Добр?

– Очень, – тяжело вздохнула девушка.

– Дитятков от него хочешь?

Майяри глубоко задумалась. К детям она относилась с опаской и весьма плохо представляла себя матерью. Править целой расой и вести народ к счастливому будущему её учили, а быть матерью – нет. У неё даже достойного примера в детстве перед глазами не было. Ну какая из неё мать?

– Даже не знаю, – с сомнением протянула Майяри.

– А ты сердешного как дитёночка увидь. Неужто приголубить не хочется?

Перед глазами мгновенно предстал маленький харен. Недовольный, мрачный и с испуганным взглядом. Где-то на фоне почти неуловимо обозначился силуэт госпожи Менвиа, и Майяри стало очень и очень жалко мальчика.

– Ну мимо бы я пройти не смогла, – честно призналась она.

– Во! – наставительно протянула Рыжка. – Вот народятся у него ребетятки, а пригляду за ними не будет. Неужто сердешко за них не болит?

Сперва Майяри послушно представила ораву сероволосых малышей с печальными испуганными глазами, а затем возмущённо посмотрела на женщину. Она тут вообще-то терзается, вернуться или не вернуться ей вместе с хареном в Жаанидый, а не выйти за него замуж или не выйти!

– Да ты погодь-то с плеч сбрасывать, – Рыжка лукаво улыбнулась. – К разумению прислушайся, – и постучала девушку когтем по груди.

Та с запозданием припомнила, что разумение, по мнению гавалиимцев, обитало не в голове. Но её «разумение» лишь бестолково металось и ничего дельного не подсказывало.

Домыв горшки, Майяри вышла из избы, чтобы немного отдохнуть от шума и всё же попытаться принять решение. Улица встретила её темнотой, поднимающейся от земли голубоватой дымкой и ярким светом звёзд и светил. От деревьев шло слабое голубое, оранжево-красное и жёлтое сияние, а меж их корней подмерзали синеватые лужи. По деревне всё ещё разносились весёлые голоса и смех молодёжи. Мечущаяся душа почувствовала долгожданное умиротворение, и Майяри наконец-то смогла признаться себе, что у неё не хватит духа позволить харену в

одинокую противостоять её семье. Похоже, пришло время опробовать зубы, что она вырастила за эти шесть с половиной лет.

– И что он во мне нашёл? – спросила девушка у волчьего месяца.

– Всё, – раздался позади ответ.

Девушка резко обернулась и уставилась на господина Ранхаша. Он сидел на крыльчке. Как она вообще умудрилась проскочить мимо и не заметить его?

– Что вы здесь делаете? – поражённо выдохнула она.

Отвечать оборотень не стал. Но Майяри и так знала ответ.

Стережёт.

В бледном свете волчьего месяца харен как никогда был похож на духа, только на этот раз на загадочного духа болот. Так же, как и болота ночью, он словно сиял. Слабо светились его глаза, серебрились будто инеем покрытые волосы... Сглотнув, девушка отвела взгляд и тихо произнесла:

– Идите спать. Я больше не буду бегать. И... я вернусь с вами.

Харен даже не пошевелился, его волнение выдали только сверкнувшие глаза.

– Не переживайте, на болотах я не смогу обхитрить вас своей силой, – Майяри немного покривила душой, всё же в этот раз у неё были ещё и артефакты. – Здесь я могу только лечить.

– Спасибо, – тихо выдохнул оборотень.

– Не надо благодарить меня. И идите спать.

Девушка прошмыгнула мимо мужчины и опять юркнула в избу. И уже там с сомнением посмотрела на дверь. Уйдёт ли?

Через полчаса Рыжжа грозными окликалами разогнала бунтующих детей спать, и Майяри тоже легла. В окружении ворочающейся и шушукающей ребятни уснуть было сложновато, зато они прекрасно отвлекали от всех посторонних мыслей. Девушка невольно начала прислушиваться к их болтовне, с досадой отметила, что даже малышня обсуждает её «сердешного», и немного расслабилась, когда тихая, но горячая беседа свернула на решительную Яйлику.

Дверь скрипнула, и до слуха Майяри донёлся недовольный голос Рыжжи.

– Эк, окаянный, ты чево тута расселся?

Ответом было молчание.

– Ну што с тобой поделаешь, горемыка? Топай в избу, а то околеешь за ночь.

И Майяри, и ребятня живо взволновались.

– Ложся сюда, – Рыжжа бросила на пол ещё одно одеяло, и Майяри с замиранием сердца уставилась на харена.

Тот покладисто растянулся на предложенном месте, и Рыжжа, добродушно ворча что-то про «дурных младых», затушила лучину и, скрипя половицами, ушла к сердешному. Детские шепотки всколыхнулись с новой силой, и ребятня любопытно заговорила.

Майяри столкнулась со светящимся взглядом и уже больше не смогла отвести глаз.

Глава 14. Прощание с болотами

На следующее утро гости уверовали в существование богов: Викан проснулся с густейшими и прекраснейшими локонами, отросшими до самой задницы. Сбылась мечта! Теперь со спины он был похож если не саму богиню, то на очень привлекательную девушку точно. Да и с лица тоже, если взгляд ниже подбородка не опускать: он додумался прошлым вечером побриться.

Местные ухохатывались над ним вовсю, братья и господин Шидай ошеломлённо хлопали глазами, а Майяри же сдержанно хмыкала.

– Эт тебе ишо повезло, шо сама Всеблагая наказание отрядила, – Бешка сочувствующе похлопал обескураженного оборотня по плечу. – Всеблагой бы по воздуху восвоеси отпнул.

Пришёл в себя наказанный, правда, весьма быстро и начал деловито уточнять, как долго ему так ходить и можно ли умиловать Всеблагую. На первый вопрос ему ничего ответить не смогли – точнее, ответили, но по-разному и с разной степенью ехидства, – а по второму засыпали советами. Но добавили, что наказан он «мелостно²», а то значит, что богиня была склонна веселиться, а не мстить. Так что, может, ему до конца жизни придётся быть за «младшого брата Всеблагой».

Отросшие волосы Викан непочтительно отрезал по плечи и сжёг. Перед богиней же показательно извинился, встав посреди деревни на колени и жалостливо воззвал к её милосердию. К полудню волосы отросли до середины спины, и оборотень, сообразив, что стоило быть искреннее, извинился ещё раз. Но, похоже, богиня не усмотрела в его сердце раскаяния, и к вечеру волосы опять отросли. В этот раз Викан их резать не стал, подумав, что, может, они до пояса-то отрастут и более не удлинятся. Надежды его не оправдались.

– Ну и что мне с ними делать? – в отчаянии спросил оборотень, выходя утром на крылечко и держа в охапке серебристые волосы.

Стоило ему разжать руки, и длинные локоны укрыли его плащом и ещё на локоть устелили землю вокруг. Смеялся даже серьёзный Ирриван.

Извиняться перед богиней Викан больше не стал, опять обрехал волосы и почти четверть часа проходил с задорно торчащим ёжиком, потом плавно перешедшим в «кудрятую шёрстку». А отрезанное отдал на потеху девкам, которые пообещали напести из подарка платков в память о младшем брате богини.

Всего гости пробыли в деревеньке три дня и на четвёртый собрались домой. Время они провели с пользой. Господин Шидай всё же сходил с Бешкой в соседнюю деревню и посмотрел, как идёт приживление руки у знакомого садовника. Лекарь был очень впечатлён. А по пути они ещё столкнулись с парочкой местных тварей, и от того оборотень впечатлился ещё больше. Но в особый восторг его привели местные лекарства, растения и даже земля. Майяри показалось, что господин Шидай вообще забыл, зачем они притащились на болота.

Викана и Ирривана водили посмотреть на «заснувшие» болотные полянки и даже лес. Болота сейчас были безопаснее леса – зверьё-то в спячке, – поэтому самым большим впечатлением для мужчин была вододышка, огненными клубочками спрятавшаяся под землёй. Делянка исходила паром, побулькивала грязью и иногда плевалась кипятком. Водивший их на прогулку Тошкан вволю нажаловался на «приблуд окраинных», повадившихся разорять посевы, и с нежным ворчанием нахваливал местных обитателей. «Они ж страхом маются и голодом».

А харен не отходил от Майяри. Он всегда держался немного в отдалении, в сажнях двух, но смотрел пристально и не отводил взгляда, даже если Майяри сердито блестела глазами. Но больше не лез с объятиями и поцелуями. Девушку это одновременно радовало и расстраивало.

² Мелостно – от «мелочно», но по смыслу ближе к «несильно», «самую малость», «несерьёзно».

Всё же целуется господин Ранхаш чудо как хорошо! Но воспоминания об удовольствии Майяри мужественно задавливала.

Увы, но деревенские прониклись к гостям таким расположением, что на Майяри то и дело посматривали с укором. Но и с пониманием тоже: всё ж по молодости все были горазды чудить да нервы сердешным попусту трепать.

Сборы вечером накануне отъезда неожиданно затянулись. Ни у гостей, ни у Майяри вещей-то особо и не было. Но не могли ж гавалиимцы свою девку отпустить с пустыми руками. Надо ж иметь хоть что-то, чтобы зад прикрыть. Господин Шидай ехидно назвал натащенные вещи «приданным». Самого его одарили ещё богаче. Лекарь уезжал с внушительным мешком лекарств, засушек из местных растений, и Бешка ему даже подsunул пару глиняных бутылей крепенького. Последнее прямо-таки растрогало оборотня, и подарок он принял с особой бережностью. Выпивка садовников вообще произвела на господина Шидая особое впечатление, он-то не ожидал, что она будет хоть малость хороша, но, как поняла Майяри, вино из абдарики сумело сместить с пьедестала обожаемую лекарем дику.

Легли уже все далеко за полночь, а встали, едва солнце успело выпростать первые лучи из-за горизонта. Майяри поняла, что ей не хочется уезжать, сразу же, как открыла глаза. Она не успела соскучиться по внешнему миру. Душа и сердце продолжали тревожно метаться, но и не уехать она тоже не могла: решение было принято – надо присмотреть за хареном.

Рыжжа ещё не пришла будить их, когда Майяри осторожно поднялась и, набросив на плечи тулуп, выскользнула из дома. Харен, конечно, тут же сел на своей постели, но девушка не стала смотреть, пойдёт ли он за ней. Напоследок она хотела испросить совета, да не у местных.

– Ты чаво? – удивился Бешка, когда девушка вошла в его избу.

– Мне бы... мне бы со Всеблагими поговорить, – проямлила та.

– А-а-а, – понятливо протянул мужик и махнул рукой в сторону пустой комнаты. – Ну так иди. Всеблагая тучочки где-то ходила. Видать, любопытны вы ей.

Майяри прошмыгнула в тёмную комнату, подумала, не рискнуть ли запалить светляк, и всё же не осмелилась. С молитвами к богам она обращалась в глубоком детстве, и с тех пор ни разу не взывала к ним. Но тревога так разрослась, что девушка просто хотела услышать или увидеть какой-то знак от того, кто может взглянуть на будущее. Боги же на это способны?

Опустившись на пол, девушка в нерешительности замерла и в кои-то веки пожалела, что Бешка совсем не похож на жрецов, виденных ею ранее: те бы воззвали к богам, а садовник считает, что у Всеблагих проблем с «ухами» нет. Майяри даже, помнится, не сразу догадалась, что Бешка местный жрец. Здесь его называли болтающим с богами. Так-то гавалиимцы верили, что все могут говорить с богами, но у некоторых это получалось лучше других. Даже храм здесь был странный. Вот эта самая пустая комната, точнее, комната для бесед. Деревенские приходили сюда, когда им хотелось испросить совета у богов, также сюда приводили тех, у кого возникали разногласия, чтобы они разрешили спор под присмотром божеским, или отправляли на ночлег незнакомцев, чтобы Всеблагие приглядели за ними и зло творить не позволили. Бешка, правда, тоже приглядывал, а то вдруг боги не досмотрят.

– Есть тут кто-нибудь? – шёпотом спросила Майяри, чувствуя себя немного глупо.

За стеной, в избе, заскрипели половицы и Бешка тихо-тихо заговорил с вошедшим хареном.

– Мне бы... спросить, – девушка глубоко вздохнула и сцепила пальцы между собой. – Харену и господину Шидаю со мной будет безопаснее или без меня? Я... то есть харен... – Майяри запнулась, проморгалась и уже увереннее выдала: – Он самоуверенный упёртый идиот и действительно может схлестнуться с моим дедом. Мне в самом деле можно вернуться с ним или придумать, как зачистить ему память, и сбежать?

По комнате прокатился тяжёлый удручённый вздох, и девушка испуганно вздрогнула. Может, показалось? На болотах её воображение часто шалило: уж больно много опасностей

было, и страх подстёгивал фантазии. Но более никаких звуков или видений не последовало. Майяри выждала пару минут и осторожно уточнила:

– Так что нас с хареном ждёт?

Ответа не последовало.

Девушка выждала ещё четверть часа и, чувствуя себя ужасно глупо, встала и вышла из комнаты. И столкнулась с горячими глазами харена. Нет, когда они казались холодными, определённо было спокойнее.

– Ну шо, полегчало? – полюбопытствовал Бешка.

Майяри неопределённо пожала плечами, но поблагодарила и следом за господином Ранхашем направилась на выход.

Солнечный свет успел разлиться розоватым молоком по восточной части неба, и деревня начала просыпаться. Верхняя ступенька неожиданно хрустнула под ногой Майяри, и девушка, испуганно охнув, завалилась вперёд. Харен едва успел развернуться и поймать её. В воздухе зазвенел тихий задорный смех.

– Ох, баловница, – вышедший за гостями Бешка широко улыбнулся.

Майяри не сразу поняла, что имел в виду садовник, а потом сообразила, что упирается ладонью в грудь харена. В левую половину. И испуганно отдернула руку. По губам оборотня скользнула почти незаметная улыбка, и он отпустил её.

И это ответ?! Девушка едва удержалась от негодующего фыркня. Одно слово – боги!

Проводить гостей вызвались Бешка и Тошкан. Рыжжа вволю намяла бока Майяри, трогательно прощаясь с ней, а затем так же обмяла и оборотней. Особенно досталось Викану: к мужчине, отмеченному вниманием богов, местные относились теперь, как к своему. Причёска его в этот раз радовала взгляд неровно обрезанными и торчащими в разные стороны прядями, а копна волос опять была пожертвована девкам. Девки с ехидством смотрели на строгого Ирривана и с притворной жалостью вздыхали, что невеста не вышла его проводить. Маменька, мол, не пустила.

– Эк у вас тут всё прекрасно! – Шидай с одобрением осмотрел стены хода, в который они зашли, чтобы миновать Порог.

– А мы поверху лезли, едва не убились, – поделился Викан.

– Так Майяри тожа по первой, пока нашенской не стала, через Порожек хдила, – ответил Тошкан. – Пока кость ножную не сломала.

– Ну эта всегда приключения на свою задницу найдёт, – неодобрительно проворчал лекарь.

– Зато как ладно мы с ней большеголовики собирали, – с удовольствием протянул Тошкан. – Ты уж береги её, – велел он Ранхашу. – В хозяйстве она пригодна мало, но богами одарена щедро. Остальному ж сам научишь, коли на руки способный.

Викан почему-то фыркнул и поспешил отвести лукаво сверкнувшие глаза. Шидай одарил его недобрым взглядом, предполагая, куда могла завести «племянника» его распушенная фантазия.

Болота встретили путников зловещей тишиной, бульканьем и журчанием. Туман, поплотневший под солнечным светом до молочной пелены, влажной стынью пробирался под одежду и заставлял зябко ёжиться. Садовники тихо просвещали любопытного господина Шидаю, рассказывая ему, где и что у них растёт, и вполглаза присматривали за молодёжью, чтобы в топь кто не нырнул. Майяри уже один раз провалилась левой ногой в яму, но харен выволок её раньше, чем она успела провалиться до середины голени и нахлебаться сапогом ледяной воды. Вытащил, тут же отпустил и отошёл под неодобрительными взглядами братьев.

– Я б на его месте Майяри бы к себе привязал, – поделился с Ирриваном Викан.

Ирриван же своими мыслями делиться не стал, но вид у него был такой, словно он не одобряет обоих братьев.

Туман слегка рассеялся, и впереди нарисовались знакомые очертания селейских лесов. Сердце в груди ёкнуло, и Майяри споткнулась.

– Ну, вам далее, – махнул рукой Бешка. – Вы уж памяти о нас не теряйте, заходите в гости, коли недалече будете. Эй, Майяри, иди сюда, я обомну тебя.

Девушка покорно, сиюсь сдержатъ подступившие слёзы, позволила обнять себя и Бешке, и Тошкану.

– Ты ужо сердешного своего не мучь, – строго пробасил Тошкан.

– И не кочервяжся, – сурово погрозил пальцем Бешка. – Норов свой придержи и побольше разуменье слушай, – мужик постучал девушку по груди.

Та кивнула, чувствуя, как спазм сжимает горло.

– И захаживай к нам почаще, – велел напоследок садовник.

И Майяри ощутила, что кое-что изменилось с тех пор, когда она покидала болота в первый раз. Тогда она уходила с мыслью, что больше никогда не увидит эти места. Теперь же в груди поселилась надежда, что ей ещё случится погреться в доброте гавалиимцев.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями, и гости шагнули из тумана в большой мир. Белёная пелена всколыхнулась, выпуская их, и Майяри почувствовала, словно бы её погладили по голове. Рядом с недоумением оглянулся Викан, которому показалось, что кто-то дёрнул его за волосы, но за спиной ничего, кроме тумана, не было. Даже силуэты садовников уже различить нельзя было.

– Ну, до встречи, – Шидай улыбнулся и помахал болотам на прощание.

Ощутив прикосновение, Майяри вздрогнула и обнаружила, что держащийся в стороне харен вдруг приблизился и взял её за руку. Пальцы их переплелись, и мужчина уверенно потянул недоумевающую девушку за собой.

– Ой, а я-то думал, что ты теперь так и будешь круги около неё наматывать, – Викан насмешливо сморщил нос. – Прости, брат. Не сообразил, что ты её спугнуть боялся.

– Тебя сейчас я спугну, – с угрозой протянул Шидай и показал негоднику кулак.

– Вот никто меня не любит! – в голосе оборотня прозвучали показательно трагические нотки. – И чем я вас всех так раздражаю, а, Ирриван?

– Хватит стоять, – отозвался тот и шагнул следом за Майяри и Ранхашем, – сестричка.

Шидай весело фыркнул и ехидно взглянул на многообещающе прищурившегося Викана.

Глава 15. Виртуозный взломщик

Проникнуть в дом было совсем несложно. Ёрдел просто увязался за слугой, возвращавшимся с рынка, и спокойно прошёл внутрь. Испускающий едва уловимый дым светильник-артефакт, переделанный из тифриты, надёжно скрывал его от посторонних ушей, глаз и нюха, и снующие вокруг слуги Ёрдела ничуть не беспокоили. Больше его беспокоило... нет, скорее раздражало, что он не знал, куда идти дальше и как должно выглядеть искомое. Да и в целом его слегка, самую малость раздражало задание.

Сам виноват, что поступился своими принципами. Он уже определил для себя, что задания, связанные с поиском кого-то или чего-то неопределённого, брать не будет, но вот отловить хаги... Ёрдел не без причины считал, что представители его собственной расы не заслуживают сочувствия. Не то чтобы он ненавидел их... Хотя, наверное, всё же ненавидел, просто без страсти, как остальные. И вот, переступив через свои принципы, он столкнулся с сестрой, которую и не думал когда-либо увидеть. А теперь вот вынужден искать непонятно что.

Но самое главное он всё же уже сделал: нашёл дом. Сложно искать что-то, если ты не знаешь, на какой стороне света находится искомое, и если ты забыл амулет – определитель направления в лесу. Ёрдел пришёл в город ещё утром, заглянул в знакомую таверну, вызнал у хозяина, где находится дом рода Бодый, кое-как определил, в какой стороне северо-восток, и к вечеру всё же добрался до места.

Наверное, нужные бумаги хранятся в кабинете хозяина дома. Сарен, как успел узнать Ёрдел, здоровый мужчина, поэтому вряд ли он обитает на первом этаже. Может, второй? Или третий? Вероятнее всего, второй. Он как бы защищён сверху и снизу другими этажами. Хотя сам Ёрдел выбрал бы крышу: на неё незамеченным пробраться сложнее.

Кабинет действительно оказался на втором этаже. Замок послушно щёлкнул, отпираясь, стоило тёмному прикоснуться к двери, и опять клацнул, когда мужчина зашёл внутрь и закрыл её. В воздух всплыл прозрачно-белый светляк, и Ёрдел осмотрелся. Схрон или стол? Он всё же сделал выбор в пользу схрона и, отодвинув в сторону картину, его закрывающую, открыл тайник с той же лёгкостью, что и дверь. Ровное белое сияние залило две глубокие полки, заставленные аккуратными стопками бумаг, перевязанными конвертами, кошельками с деньгами и драгоценными камнями. Ёрдел протянул было руку к бумагам, но замер и прислушался.

Его тонкий слух улавливал все звуки в доме, но их было так много и они казались такими суетливыми, что сливались в неприятный гул. Из-за этого тёмный не сразу понял, что что-то изменилось. Напрягся он только тогда, когда услышал шаги в коридоре. Подумав, мужчина закрыл схрон, вернул картину на место и отошёл к окну. Светильничек он подвесил к поясу, чтобы не мешал, и приготовился ждать. Светляк исчез за секунду до того, как распахнулась дверь.

Осветительные шары под потолком тут же вспыхнули, и внутрь вошёл изрядно раздражённый оборотень, выражением лица очень живо напомнивший Ёрделу деда. Следом за мужчиной зашёл ребёнок, очень красивая девочка.

– Ты мало стараешься! – ядовито процедил оборотень – Ёрдел заподозрил, что это сам сарен. – и плюхнул на стол бювар³. – Разве можно привлечь внимание хайрена такими жалкими потугами?!

– Вы предлагаете мне позабыть о приличиях? – голос девочки прозвучал холодно, но Ёрдел чувствовал её страх. – Мужчин привлекают навязчивые женщины?

³ Бювар – папка для хранения почтовой бумаги, конвертов и корреспонденции. Бювары бывают настольные и дорожные.

Сарен ненадолго умолк, гневно раздувая ноздри. Но справедливость замечания он, похоже, отметил.

– Есть и другие способы!

– Простите, отец, я пока неопытна, но я постараюсь присмотреться к придворным женщинам и перенять что-то от них.

– Очень надеюсь на это. Иначе мне придётся пожалеть, что я позволил тебе расторгнуть помолвку с Ранхашем Вотым.

Ёрдел слегка заинтересовался. Ранхаша Вотого он уже знал. Именно так звали оборотня, в доме которого жила сестра. Правда, она сбежала... какое-то количество дней назад. Ёрдел попробовал было последовать за ней, но за пределами знакомого леса запутался, заблудился и, к своей досаде, вышел к Жаанидыю. Очень жаль. А ведь он так и не смог определиться со своим отношением к сестре.

Отстранившись от стены, тёмный подошёл к столу и, встав рядом с сареном, начал с интересом просматривать бумаги, которые тот выложил из бювара. От ряби букв уже привычно заняла голова, но на глаза почти тут же попало «Арванское городище по...», и Ёрдел заскользил взглядом по написанному. Похоже, это то, что нужно, но это всего лишь часть целого. Где же остальное?

– Помни, Лоэзия, твоя обязанность перед семьёй – удачно выйти замуж! – строго возвестил сарен. – Это твой долг!

Столь знакомые слова отвлекли Ёрдела, и он опять взглянул на девочку. И зачем детям в таком раннем возрасте вступать в брак? Может, это удел всех красивых детей? Его сестра тоже была красивой, и старейшина очень рано начал говорить о её будущем замужестве. Ёрдел не понимал этого тогда и до сих пор не понимал. На его взгляд, дочери сарена ещё полагалось пить молоко и лазить исключительно по пологим склонам. Но её отец, по-видимому, опасался, что с возрастом красота девочки исчезнет и она никого не привлечёт.

Ёрделу дочь сарена напоминала драгоценную игрушечку, такую серебристую и блестящую. Волосы и глаза её имели серый цвет, но цвет этот не был похож на ртуть или то же серебро. Он был ближе к сероватой прозрачности горного хрусталя, но тёмному больше пришлось по душе другое сравнение: прозрачные воды ручья, сбегающего по серому каменистому склону. Девочка тут же из драгоценной игрушечки превратилась в прелестное создание природы. Отдавать такую красоту мужчине расточительно. Ёрдел помнил, как быстро увядала свежая прелесть женщин после замужества. Не лучше ли сперва вдоволь налюбоваться прекрасным, прежде чем отдать девушку мужу, рядом с которым она преждевременно увянет?

Сарен вновь привлёк его внимание. Опустившись на корточки, мужчина нажатием открыл невидимый ранее ящичек и достал из него чёрную коробочку. Ёрдел понял, что в ней, ещё до того, как она была открыта. На бархатной подушечке лежал рубин сочно-алого цвета размером с голубиное яичко. Взгляд тёмного зацепился за вырезанные на его поверхности символы, и мужчина даже ощутил лёгкое волнение, которое посещало его всегда, когда он сталкивался с неизвестными артефактами. Сарен провёл камнем над бумагой, и от неё отделилась полупрозрачная картинка написанного и втянулась в рубин.

Такие артефакты Ёрдел ранее никогда не видел. Хранить написанное в камне... Не очень надёжно, но бумага ещё ненадёжнее и портится она быстрее. Что ж, видимо, он нашёл то, что ему нужно.

Тёмный терпеливо дождался, пока сарен проведёт камнем над всеми бумагами и вернёт артефакт на подушечку.

– Завтра опять поедешь со мной, – не глядя на дочь, сказал оборотень, аккуратно складывая бумаги. – На наше счастье, хайрен пока не очень заинтересован в браке, иначе бы его давно прибрала к рукам какая-нибудь смекалистая девка наподобие его мачехи.

– Тогда, может, мне сблизиться с хайнеси? – предложила дочь.

Сарен замер.

– Да, наверное, это было бы разумно. Тем более после рождения близнецов отношения между ней и хайреном наладились.

Ёрдел посторонился, пропуская сарена к схрону. Взять камень сейчас или подождать, пока его опять спрячут, и забрать уже из тайника?

– Ах, совсем забыл! – раздражённо поморщился сарен и круто развернулся к столу.

И врзался в Ёрдела. Не ожидавший столкновения оборотень слепо зашарил свободной рукой и перевернул висящий на поясе хаги светильник. На пол шлёпнулся горящий уголёк, на который сарен тут же и наступил. И замер, ошеломлённо уставившись на невесть откуда появившегося мужчину с капюшоном на голове.

Ёрдел взглянул на размазанное по полу жирное пятно сажи, осознавая, что другой вечный уголёк ему здесь не найти.

– Кто... ты? – севшим голосом спросил сарен.

Незнакомец возник перед ним так внезапно, что суеверное воображение тут же подкинуло мысль о Тёмном духе. Не успел сарен задавить глупый страх, как «дух» повернул голову и в свете блеснула голубая кожа.

– Охрана! – оглушающе взвизгнул оборотень, и дом мгновенно наполнился топотом.

Досадно.

Ёрдел спокойно потянул руку к камню.

Сарен оказался всё же не из робких. Заметив, на что нацепился незнакомец, оборотень дико взревел и, толчком в грудь отбросив тёмного к стене, схватил рубин и швырнул его в обомлевшую дочь.

– Унеси его, живо!

Лоэзия бухнулась на колени, послушно потянула руку к камню и замерла, с ужасом уставившись на приподнявшегося незнакомца. Капюшон с его головы слетел, и девушка увидела такое знакомое и в то же время жуткое лицо. В свете искристо блеснули голубоватые полосы и пятно на лбу, но девушку привели в оторопь не они, а глаза мужчины. Спокойные, тёмно-карие, такие же, как у Майяри, и совершенно другие. Тёмный моргнул, и Лоэзия испуганно отпрянула. В радужке левого глаза клином сверкнуло что-то похожее на голубой осколок.

Дверь шарахнулась о стену, и внутрь ворвался Мариш. В то же мгновение стёкла в окнах с оглушающим звоном вылетели, и в кабинет запрыгнули охранники.

– Защищать госпожу! – мгновенно сориентировался дворецкий.

Оборотни тенями скользнули к поднявшемуся хаги, но не успели преодолеть и половины пути, как их расшвыряло к стенам. Сарен вместе со столом с воплем отлетел к книжному шкафу, а Мариша едва не вымело в коридор. Перепуганная Лоэзия зажала уши руками.

– Не дайте ему забрать камень! – вопил придавленный сарен.

– Госпожа, быстро ко мне! – Мариш отчаянно пытался прорваться через невидимую стену.

От этого ора в ушах дико звенело. Приподняв брови, Ёрдел заставил оборотней распластаться по полу и захлебнуться своими воплями. И едва не подпустил к себе незамеченного противника. Проворный и гибкий Юдриш проскользнул в кабинет, пинком отправил в тёмного стул, чисто интуитивно уклонился от направленного на него всплеска сил и бросился к Лоэзии, ловко уклоняясь от всех невидимых атак хаги.

Стул Ёрдел смял ещё в полёте, а юркий противник даже вызвал его интерес. Впрочем, он вышвырнул его в окно широкой волной сил, когда тому оставалось каких-то полсажени до камня.

– Юдриш! – испуганно взвизгнула Лоэзия.

Тёмный взглянул на кроваво блестящий рубин, и тот взмыл в воздух.

Тонкие девичьи пальцы успели перехватить камень.

– Брось его, глупая девчонка! – зарычал Мариш, чуть ли не зубами впивавшийся в пол в попытках добраться до перепуганной девушки.

– Не смей отдавать! – прохрипел полузадушенный столом сарен.

Страх был таким сильным, что Лоэзия никак не могла осознать, что происходящее вокруг – реальность. Прижав камень к груди, девушка вскочила и метнулась к двери, но тут же налетела на стену. Стена оказалась мягкой и пружинистой. Ёрдел не хотел калечить ребёнка.

Девочку.

Красивую девочку.

Красивую, как и его сестра.

– Брось! Брось камень! Брось его! – требовал Мариш.

– Не смей...

Отшатнувшись к окну, Лоэзия в ужасе уставилась на приближающегося хаги.

Зарычав, Мариш впился когтями в пол. Доска под его пальцами проломилась, и тёмный, наступивший на неё, пошатнулся. Лоэзия опять бросилась к двери, но снова упёрлась в стену и упала на пол.

– Возьми, что хочешь! Девочку только не тронь! – перешёл на мольбы Мариш. – Не трогай!

Ёрдел понял, что поторопился, решив, что эта малышка – дочь сарена.

Тело девчонки судорожно дёрнулось, и она разразилась надсадным кашлем.

– Госпожа! – доски под Маришем захрустели с утроенной силой.

Тёмный присел рядом с девушкой на корточки и, не торопясь отбирать у неё камень, осмотрел её тонкую спину, струящиеся локоны и опять пришёл к выводу, что это очень красивая девочка. Почему она так кашляет? Он всё же перестарался?

Лоэзия перевернулась набок и с ужасом уставилась на сидящего рядом хаги. Взгляд того скользнул по её пустым ладоням, и мужчина, нахмурившись, будто бы к чему-то прислушался. И, обескураженно моргнув, уставился на её живот.

– Идиотка, ты что сотворила?! – взвыл Мариш.

Лоэзия сама не понимала, зачем проглотила камень, но осознание того, что она поступила совсем не правильно, уже накрывало её. Тёмный потянул руку к её животу, и девушка сжалась, представляя, что сейчас он вырвет камень из неё вместе с желудком. Но её резко вздёрнули на ноги, а затем и забросили на плечо.

– Стой, мы отдадим тебе бумаги! – попытался дозваться до хаги Мариш. – Мы отдадим тебе все бумаги! Только девочку оставь! Оставь девочку!!!

До Лоэзии дошло, что её уносят, и она, взвизгнув, с отчаянием замолотила тёмного по спине. Тот, словно бы не слыша отчаянных криков и не чувствуя ударов, деловито натянул капюшон на голову и развернулся к окнам.

Часть стены с грохотом вынесло наружу, Лоэзия испуганно завизжала, и Ёрдел спокойно вошёл в заволакивающее комнату облако пыли. Когда оно немного рассеялось, тёмный уже исчез вместе с девушкой.

Мариш, всё ещё прикованный к полу, завыл в бессильной лютой злобе и оглушительно зарычал:

– Эй, суки и твари! Живо все ко мне! Все!!!!

Глава 16. Сердце для ребёнка

Прошло почти полчаса, прежде чем охрана смогла пройти в кабинет, а те, кто уже там был, – подняться с пола. Разъярённый и до сумасшествия взбешённый Мариш отдавал приказы, рассылая оборотней в разные части города и распоряжаясь отправить на поиски кого только можно. И нельзя. Когда он наконец встал, пол под ним был раскрошен в щепку, а подчинённые невольно отшатнулись, столкнувшись с звериным взглядом.

– Ну? Хоть что-то нашли?!

Говорить о неудаче, когда дворецкий в таком состоянии, было страшно. Гонца с плохими вестями вполне могли растерзать. Помявшись, вперёд выступил седовласый кряжистый оборотень с тяжёлым взглядом.

– Нет, Мариш, не нашли, – тихо пророкотал он. – Прочесали весь южный город и почти четверть северного, проверили каждую нору. Либо он глаза прикрывает нашим своей волшебной, либо вообще прочь из города подался. Северная часть, сам знаешь, под нашим присмотром, там шалить особо не рискую...

Взбешённо зарывчав, Мариш пинком отшвырнул в стену стул и, схватившись за подоконник, с воем его оторвал. Подчинённые почтительно склонили головы, ожидая, когда он немного выпустит пар и будет в состоянии отдавать распоряжения.

Дворецкий сходил с ума от беспокойства. Его маленькую невинную госпожу украл какой-то грязный ублюдок! Представляя, как перепугалась девочка, Мариш начинал сходить с ума. Этот ребёнок всегда жил под присмотром его и его оборотней. Никогда ещё ни один из врагов дома Бодый не подходил к ней так близко. Первый раз – и Мариш надеялся тогда, что последний, – Лоэзия оказалась в настоящей опасности, когда полезла за Майяри и угодила в лапы разбойников. Но тогда о ней могла хотя бы позаботиться та девка! Сейчас же... Мариш завыл от безысходности, представляя, что мог сотворить с нежной девочкой негодяй. Бандитское прошлое – да и настоящее – дало ему широкий простор для воображения. Перед глазами разворачивались ужасающие картины того, как его слабую госпожу избивают, насилуют, режут на части, чтобы добраться до камня, забавляются её болью и унижением... Прошло уже полчаса, сколько всего с ней могло произойти за это время!

Вспомнив про камень, Мариш с ненавистью уставился на сарена. Тот, всё это время придавленный столон, с трудом поднялся на ноги и теперь тяжело дышал, держась за стену.

– Он сбежал? – хрипло спросил господин Трий.

– Да... господин, – мрачно отозвался кряжистый охранник.

– Как вы могли упустить его... – сарен в ярости и отчаянии оскалился и, прикрыв глаза, обессиленно прислонился к стене. – Хайнес не простит... не простит... Да ещё и Лоэзия...

– Ещё и Лоэзия?! – яростно взвился Мариш и, в два прыжка подскочив к господину, схватил его за груди и треснул о стену. – Ты, проклятый мудака! Это твоя дочь! Твоя единственная дочь!!!

– Как ты смеешь... – разъярённо взвился сарен, но дворецкий притиснул его к стене так, что многообещающе захрустели и так изрядно помятые рёбра.

– Если с девочкой что-то случится, я оторву твою башку, – жутко прошипел Мариш, приближаясь к лицу помертвевшего господина.

– Пёс, ты забыл, с кем говоришь? – прохрипел тот.

– Это ты, Трий, не забывай, кто я! Я служил не тебе, а твоей дочери. И если ты думаешь, что смог укротить бешеного зверя, то очень, очень сильно ошибся. Я сожру тебя и самого хайнеса, если с Лоэзией что-то случится. Она взяла камень, потому что ты ей приказал! Ты! Потому что для такого ублюдка какие-то тайны оказались дороже собственного ребёнка!

– Чего вы стоите?! Взять его! – просипел сарен, яростно смотря на застывших охранников.

Те переглянулись, но не шевельнулись. Мариш тихо рассмеялся.

– Для них господин я, а не ты.

– Я вышвырну вас на улицу!

– Но прежде сдохнешь сам! – пообещал дворецкий. – Хочешь узнать ма-а-аленькую тайну? Вы ведь все думали, что легендарный бандит Мариш остался совсем один? Что всех его оборотней положили в той битве? Так вот, Трий, я всё ещё у власти, но сижу на цепи благородия. Эту цепь держит в своих тонких пальчиках одна маленькая девочка с пепельными локонами. Не станет её, и я вырвусь на свободу. И что тогда скажет твой хайнес?

– Мы найдём всех и... – прохрипел Трий и распахнул рот, пытаясь вдохнуть воздух. Пальцы Мариша с садистским удовольствием впились в его шею.

– Ты никого не найдёшь, – пообещал Мариш.

Ноздри его хищно раздулись, лицо исказилось, и мужчина уже хотел разорвать горло задыхающемуся сарену, но замер. Перед внутренним взором предстало воспоминание одиннадцатилетней давности.

Мариш с непонятной, вызывающей недоумение нежностью смотрел на девятилетнюю Лозию, которая усердно выводила буквы на бумаге. Получалось у неё не очень, но, когда девочка вопрошающе уставилась на него серебристыми глазами, дворецкий уверенно качнул головой.

– Великолепно.

Маленькая госпожа недоверчиво сморщила носик – маменька совсем недавно выговаривала ей за недостаточное усердие, – но всё же соскочила со стула и, подбежав к оборотню, нежно прильнула к нему, обняв его за ногу.

– Мариш, а почему все вокруг говорят, что ты плохой?

– Кто говорит? – рука сама опустилась, и Мариш с лёгким восторгом оцупал мягкие детские волосы.

– Слуги... охранники... мамина подруга – госпожа... – Лозия запнулась.

– Госпожа Издериаллона, – подсказал Мариш.

– Нет, другая, но эта тоже говорит, что ты плохой и страшный, – губы ребёнка обиженно изогнулись. – Разве ты плохой и страшный?

– А вам бы хотелось, чтобы я был плохим?

– Нет, – девочка решительно тряхнула головой. – Ты не можешь быть плохим.

Мариш смотрел в доверчивые глаза юной госпожи и думал, что очень даже может. Ещё год назад он планировал грандиозную мстительную хайнесу, собираясь воспользоваться неожиданным покровительством дочери сарена Бодый и самого Шереха Вотого. Но потом произошло что-то странное. Не сразу, конечно, постепенно, но Мариш и не думал, что способен на такие чувства: нежность, радостное тепло, когда маленькая госпожа сворачивалась на его руках, негодование и презрение, когда родители изволили быть недовольными успехами дочери (а недовольны они бывали часто), беспокойство и страх.

Наверное, он сам себя обманул, стараясь для отвода глаз проводить как можно больше времени с малышкой. И вот, когда он почти достиг прежней силы и был готов осуществить задуманное, ему уже этого не хотелось. Появлялись странные для оборотня с его прошлым мысли. Как будет жить его маленькая госпожа в созданной им реальности? А если он проиграет, то где окажется? Кто позаботится о Лозии в этом царстве хладнокровных? А если он победит, то что делать с её родителями? Мариш считал, что Трий как отец был полным неудачником, а матери девочки – сарене Елалии – можно было сказать спасибо только за то, что она выносила и родила своего прекрасного ребёнка. Но Лозия их любила, по-детски наивно молилась об их здоровье и просила богов, чтобы мама и папа больше улыбались. Но они

не улыбались, и Мариши ловил себя на том, что сам пытается улыбаться. Выходило неважно. И тем не менее она любила своих родителей и, кажется, его.

Простит ли она их смерть?

Мариши бы убил их. С удовольствием. Он не чувствовал в сердце хоть какой-то жалости к чете Бодьей. Был бы рад, если бы с ними случился несчастный случай, а порой и сам задумывался его подстроить. Но не воплощал задуманное в жизнь. Лозэзия бы не узнала, как и уже о многом не знает, но Маришу хотелось быть чистым перед ней хотя бы в этом.

– Они завидуют, госпожа, – оборотень погладил девочку по голове. – Каждый слуга мечтает занять моё место, а подружки вашей мамы хотели бы иметь такого способного дворецкого, как я. Я не плохой.

– Вот и я им так же говорю! – просияла девочка, но улыбка мгновенно исчезла с её лица, когда за дверью раздался решительный стук каблучков.

Она быстро села на стул и стиснула в пальчиках перо. Дверь распахнулась, и внутрь вплыла сарена Елалия. Мариши встретил высокородную госпожу малоприветливым взглядом. Очень красивая, но высокомерная и показательно приличная сарена его раздражала. Эти её высокие строгие причёски, в которых прекрасные серебристые волосы превращались в седые, недовольно сморщенное лицо и дорогие, но совершенно ханжеские наряды. В те времена, когда он ещё не промышлял разбоем, Мариши часто встречал таких женщин. Не имеющие никакого занятия и лишённые внимания своих мужей, они находили удовольствие в собственной добродетели. Лучшие бы уж любовников заводили.

– Ты закончила? – строго спросила госпожа Елалия и шагнула было к дочери, но споткнулась, столкнувшись с тяжёлым взглядом дворецкого.

Мариши видел, как испуганно расширились её зрачки, почувствовал изменившийся запах через густое облако духов, но сарена предпочла скрыть страх за недовольно поджатыми губами.

– Она ещё не закончила, – вкрадчиво ответил дворецкий и добавил, – госпожа.

– Вот как, – женщина судорожно сглотнула, но более ничем не показала, в какую дрожь её вводил слуга. – Что ж, пусть старается.

И, развернувшись, решительно удалилась.

Дверь за ней закрылась, и Лозэзия грустно посмотрела на Мариша.

– Я не напишу так красиво, как хочет мама. Значит, гулять меня не пустят.

Дворецкий посмотрел на печально опущенную головку и вдруг подумал, что дети умеют забираться в сердца и занимать все мысли. Сам он никогда не задумывался о том, чтобы занять семью. Сперва его семьёй был род, которому Мариши служил, а после трагической гибели всех его членов оборотень нашёл смысл в борьбе против гнилой власти. За четыре века разбойной жизни мужчина очерствел сердцем в убийствах, грабежах и насилии, жалел женщин и детей только лишь из-за того благородства, что вложил в него при воспитании отец и которое было с ним во время всего служения семье Илаший. Мариши даже не представлял, что когда-нибудь размягчит настолько, что захочет быть хорошим в глазах маленькой девочки.

– Мы погуляем, – Мариши склонился над столом и притянул чистый лист бумаги. – Сидеть дома вредно, это скажет любой лекарь.

Взяв перо, оборотень подумал, переложил перо в левую руку и начал быстро выводить по бумаге строки. Лозэзия, ошеломлённо распахнув рот, с восторгом наблюдала, как стройненько ложатся буквы.

– Всё, госпожа, – Мариши выпрямился, с достоинством оправился и сгрёб со стола работу самой Лозэзии: улики им не нужны. – Можем идти гулять.

– Ура! – малышка вскочила и обняла его за ногу.

А Мариши с досадой подумал, что если бы у него была дочь, то он бы сам сидел с ней и учил её письму, а не поручал это бывшему преступнику. Точнее, даже не бывшему...

И почему смерть такой дряни должна кого-то расстраивать?

Мариш с искренним непониманием посмотрел на задыхающегося сарена, но хватку всё-таки ослабил. Трийй жадно вдохнул, выпучил глаза, но разразиться гневной отповедью не рискнул.

– Серьёзно? – едва слышно прошептал Мариш. – Ты её отец?

Ноздри сарена разгневанно шевельнулись, но он всё ещё находил в себе терпение молчать.

– Мне хотелось бы, чтобы тебя просто не было, – искренне выдохнул дворецкий.

– Да как смеешь... – сквозь зубы начал Трийй, но Мариш перебил его.

– ... с тобой так говорить? А кто ты, Трийй? Тряпка ты. Общество, хайнес, твои якобы благородные друзья... Ты живёшь так, как они тебе скажут. Ты живёшь той жизнью, которую они считают прекрасной, хотя она говно. Хайнес прогнулся под Шереха, ты прогнулся под хайнеса и впустил в свой дом меня и отдал под мой присмотр дочь. Мне. Головорезу. Нормальный мужик вцепился бы в глотку и хайнесу, и Шереху, а ты поджал яйца и уступил свою территорию мне.

Дворецкий разжал пальцы, и сарен закашлял. Гнев на лице Трийя сменился страхом. И недоумением.

– Если я не найду Лоэзию, дом Бодый прекратит своё существование, – в тишине кабинета эти слова прозвучали, как зловещее пророчество.

Губы Мариша раздвинулись в усмешке-оскале, и он добавил:

– Если честно, давно хотел этим заняться.

Глава 17. Злодей и его нежная жертва

Сперва Лоэзия отчаянно кричала, молотила кулачками по спине похитителя, пихала его коленками, молила прохожих о помощи, но потом выбилась из сил, поняла, что их никто не видит, и разрыдалась. А к тому моменту, когда они добрались до ворот, ещё и замёрзла. Злодей не додумался прихватить плащ для неё или хотя бы одолжить свой.

– Пусти меня!

После того, как они с досадной лёгкостью вышли через западные городские ворота прямо перед глазами позёвывающей стражи, у Лоэзии открылось второе дыхание, и она опять завозилась.

– Когда Мариш найдёт тебя, он... – девушка запнулась, но всё же предположила самое страшное, – он переломает тебе ноги!

Похититель только плечом дёрнул и продолжил идти вперёд.

– Ну простите меня! – перепуганная девушка опять расплакалась. – Я не хотела его глотать. Это как-то само вышло. У папы ещё много этих документов, он... Мариш отдаст вам их. Только отпустите меня, пожалуйста...

Тёмный не обратил на мольбы никакого внимания. Лоэзия утёрла рукавом катящиеся слёзы и, закусив губы, попыталась перестать реветь, но ничего не вышло, и она опять начала тихо всхлипывать.

– Мне страшно, господин... Мне так страшно... Я очень вас боюсь...

Ёрдел наконец обратил внимание на дрожь, которая сотрясала хрупкое тело его добычи, и призвал силы, с трудом вспоминая плетение тепла. Лоэзия испуганно вздрогнула и перестала всхлипывать. Ощувив резкую волну жара, девушка решила, что ей стало плохо, но дурнота не появилась, и она подумала, что это организм так борется с трудностями.

Когда они добрались до леса и вошли под сень деревьев, ночь уже накрыла плотным пологом мир и щедрой рукой рассыпала по небу весело мигающие звёздочки. Плакать Лоэзия устала и теперь прерывисто вздыхала, иногда икала и пыталась как можно незаметнее шмыгать носом. Даже молчаливый похититель пугал её уже не так сильно.

– М-мы куда? – оказавшись под мохнатыми еловыми лапами, закрывшими звёздное небо, девушка обеспокоенно опёрлась руками о спину тёмного и осмотрелась. – Господин? Вы убьёте меня здесь и... и... закопаете под корнями?

Когда она была маленькая, Юдриш часто рассказывал ей страшные сказки, за что получал нагоняи от Мариша. Лоэзия обожала эти рассказы, но сейчас она вдруг поняла, чем был недоволен дворецкий: острые детские воспоминания вызывали леденящий ужас.

Ёрдел не счёл нужным развеивать эти странные опасения. Сама сообразит, что возиться с промёрзшей землёй – та ещё радость.

Лоэзия, даже не подозревая, что ей стоило бы догадаться о практической неразумности своих предположений, опять затряслась. Может, и заплакала бы, да слёз не осталось.

Оказавшись в лесу, Ёрдел почувствовал себе немного увереннее и расслабился. Здесь-то он знал каждую нору, и не нужно было думать, куда же свернуть. Домик-развалюшка, построенный невесть кем и непонятно для каких целей, показался только через полчаса. Девчонка на плече хаги уже вся извертелась, то приподнимаясь, то опять свешиваясь вниз головой.

– Где мы? – испугалась Лоэзия, услышав жуткий скрип.

Ёрдел молча переступил порог, с тем же жутким скрипом закрыл за собой дверь и, в три шага миновав тёмные сени, вошёл в такую же тёмную комнату. К потолку взмыл рой пронзительно-белых светляков, и девушка увидела полуразвалившуюся печь, грубый деревянный стол, кособокий табурет и что-то покосившееся и отдалённо похожее на шкаф. Хаги развернулся, и Лоэзия успела заметить шаткую лестницу, ведущую, наверное, на чердак. Мужчина

прошёл в другую комнатку и уже здесь поставил свою добычу на пол. Та покачнулась – голова закружилась – и тут же отскочила.

Собрав всю смелость, что у неё только была, Лоэзия с отчаянием решила, что не сдастся. Она будет бороться! Она... она будет драться! Когда ей было десять, Юдриш пробовал обучить её бою, но матушка устроила скандал и Маришу пришлось наложить запрет. Но она кое-что помнила! И вообще, она оборотень! У неё есть когти! Сейчас она обернётся и заклюёт обидчика! В голове, правда, царила такая круговерть, что обратиться к зверю не вышло. Сжав кулачки, девушка воинственно подняла их к самому лицу и грозно выкрикнула:

– Только подойди, и я ударю!

Ёрдел подходить не думал. Всё его внимание занимала печь, в этой комнате она выглядела ещё более-менее прилично. Сам он никогда не топил дом, привыкнув к постоянному холоду, но ребёнку нужно тепло. Интересно, труба для печи обязательна? Услышав дрожащий голос, хаги перевёл взгляд с полуразрушенного предмета своих мыслей и спокойно осмотрел девчонку. Та стояла, согнув ноги и подняв кулачки чуть ли не к носу. Коленки у неё дрожали, локти тоже, и, казалось, дунь на неё, и ноги в разные стороны разъедутся.

– Ты меня слышишь?! – пискнула малышка.

– Да, – спокойно кивнул тёмный.

Лоэзия так поразилась, что ей наконец-то ответили, что даже онемела. Пока она приходила в себя, Ёрдел решил, что сегодня прогреет дом силой, а завтра найдёт в лесу хворост и опробует печь. Всё же он не всегда тут обитает, девчонка замёрзнет без дров. Она же нежная.

– Если слышишь, тогда не подходи! Понял?

Злодей окинул её странным взглядом, и коленки у Лоэзии подкосились ещё сильнее.

– Ты! То есть вы! Что вы так смотрите на меня?!

Тяжёлый пугающий взгляд уставился прямо на её лицо, и девушка испуганно отшатнулась.

– Есть, – мужчина склонил голову набок, – хочешь?

– Что? – обескураженно переспросила девушка. – Есть? Я не буду ничего есть из ваших рук!

– Хорошо.

Одной проблемой меньше. Едой он всё равно запастись забыл, а детям же нужно что-то особое. Ёрдел плохо помнил, чем питаются дети, но был уверен, что им нужно молоко. Молока у него пока не было.

Развернувшись, тёмный направился прочь из комнаты, и Лоэзия опять всполошилась.

– Вы куда? Вы хотите оставить меня одну?

Запоздало прикусив язык, девушка тонко вскрикнула от боли. И зачем она только это сказала?! Пусть бы шёл себе!

Ёрдел приостановился, задумчиво посмотрел на застывшую девушку и наконец вспомнил, что забыл.

Оставить свет.

Дети боятся темноты.

Загнав в комнату несколько светляков, мужчина вышел и прикрыл за собой дверь.

Оставшись один на один с собственными страхами, Лоэзия опять тихонечко всхлипнула и опустилась на пол. Где же Мариш? Где Юдриш? Почему их до сих пор нет? Птица, до этого проигнорировавшая зов, при воспоминании родных лиц заворошилась.

Ёрдел задумчиво вертел в руке кирпич, соображая, как из груды таких вот прямоугольников сложить ещё один объёмный прямоугольник с полостью внутри, когда до его слуха донёсся непривычный, но знакомый пронзительный крик. Вернувшись к комнате девчонки, он открыл дверь и уставился на выпутывающуюся из платья птицу. Увидев его, ястреб грозно замолотил крыльями и, наконец избавившись от одежды, с яростным клёкотом бросился на хаги. Тот спо-

койно закрыл дверь прямо перед его клювом и поморщился от особенно пронзительно вскрика – чуткий слух порой становился слабостью.

И всё же так даже лучше. Что едят птицы, Ёрдел знал.

Присмотревшись к полу, тёмный нашёл характерно обгрызенные щели. А он-то ещё думал, зачем оборотням в домах столько мышей. Вот и пригодились.

Глава 18. Нечестные методы Вотых

До деревушки, где оборотни оставили своих драконов, компания добралась после полудня и там решила задержаться и нормально помыться. За плату деревенские растопили для них местную купальню и накрыли для дорогих гостей стол. Первой мыться отправили Майяри, и девушка поспешила туда с мыслью справиться с этим как можно быстрее из опасения, что мнительный господин Ранхаш решит проверить, как она там.

В сенях купальни клубился густой пар, проникший через неплотно прикрытую дверь, и царила одуряющая влажность. Уже от одного этого Майяри почувствовала себя чистой. Пахло сосновыми дровишками, можжевельновыми ветками и пряными травами, чьи веники украшали стены. Майяри за одно это обожала деревенские купальни, в домах-то так не растопишь. Накинув крючок на дверь, девушка аккуратно сложила на кособокий табурет чистую одежду и, быстренько разоблачившись, скользнула в самую купальню. Казалось, что косточки прогрелись в то же мгновение, когда она переступила порог. Из-за исходящего от воды густого пара Майяри сперва ничего не могла рассмотреть, да и света здесь было маловато: солнце едва проникало через запотевшее слюдяное окошко. Запалив тройку светляков, девушка всё же смогла рассмотреть четыре жестяных бадьи, утопленных в пол, ведра с холодной водой, стоящие рядом с ними, и печь, в верхней части которой угрожающе побулькивал котёл.

Майяри осторожно потрогала воду в бадье и тут же с блаженным стоном сползла в неё. Боги, как же хорошо! Пришлось напомнить себе, что своей очереди ждали оборотни, и торопливо заняться мытьём.

И всё же не зря она спешила. Она уже натянула на влажноватое тело нижнюю рубашку и сушила полотенцем волосы, когда услышала жестяной звук откидываемого крючка, и в следующее мгновение заволакивающий сени пар погустел, столкнувшись с потоком холодного воздуха. Девушка испуганно отшатнулась и недовольно посмотрела на замершего на пороге харена.

– Не выпускайте тепло, – прошипела Майяри, раздосадованная, что её подозрения оправдались. – Я уже почти закончила. Сейчас оденусь и...

– Вот как? – оборотень спокойно прошёл внутрь, закрыл за собой дверь и загадочно изрёк: – Жаль.

Майяри аж поперхнулась возмущением, открыла рот, чтобы напомнить харену о приличиях, и так и замерла с распахнутыми губами: господин Ранхаш принялся невозмутимо разоблачаться.

– Я мыться. Купальня же вам уже не нужна?

Девушка медленно покачала головой, как замороженная рассматривая обнажающееся тело. Рот отчего-то наполнился слюной, но Майяри всё же нашла в себе силы опять посмотреть на оборотня с возмущением.

– Вы не можете немного подождать?

– Зачем? Вам же нравится смотреть на голых мужчин, – харен приподнял серебристую бровь. – Не хочу лишать вас удовольствия.

– Какое удовольствие? – ошеломлённая Майяри прижала волосы к груди, не осознавая, что от них расплзается мокрое пятно, делающее рубашку почти прозрачной.

Заинтересованный взгляд оборотня, впрочем, быстро заставил её заметить, что же она сотворила, и девушка, негодующее сверкнув глазами, прикрыла розовеющие через ткань соски.

– Эй, вы же обещали, что не будете на меня давить! – напомнила она.

– Я помню, – господин Ранхаш невозмутимо стянул через голову рубашку, замер ненадолго, удерживая её на уровне груди, а затем отбросил. – Я же не обещал, что буду сидеть сложа руки и ничего не делать для того, чтобы завоевать ваше расположение.

И потянул вниз штаны. Обомлевшая Майяри почувствовала себя обманутой, но взгляд всё же притянулся к прессу мужчины, где сплетались пластины упругих мышц, и девушка заворожённо опустила глаза вниз. Брови её чуть удивлённо приподнялись.

Она уже видела харена голым, но тогда её сознание было не таким ясным, как сейчас, и девушка словно бы впервые лицезрела это великолепное тело и, к своей досаде, не могла найти никаких изъянов, кроме страшного шрама на левой ноге.

– Устраиваю? – на лице оборотня улыбки не было, но в голосе она отразилась в полной мере.

Наскрести в себе возмущения в достаточном размере Майяри не смогла, да и внутри зашевелилось что-то такое хулиганистое. Надо было бы сурово отчитать заигравшегося мужчину, чтобы ему в следующий раз неповадно было соблазнять её телом, или как-то выразить своё недовольство, но вместо этого девушка облизнула пересохшие губы и пошутила:

– Пугаете.

И многозначительно посмотрела на пах оборотня. И тут же расплылась в довольнейшей улыбке: харен всё же повернулся к ней спиной. Да-да, уважаемый господин Ранхаш, в эту волнующую игру можно играть вдвоём. Взгляд Майяри шаловливо огладил ягодицы оборотня и прошёлся вверх по спине, с удовольствием задерживаясь на узлах мышц. И замер на чёрном круглом рисунке. Девушка нахмурилась.

– Что это?

Харен посмотрел на неё через плечо и, сообразив, куда направлен её взгляд, спокойно ответил:

– Татуировка. По молодости сделал.

– Это не татуировка, – нахмурилась Майяри. – Это печать.

– Тогда зачем спрашиваете, если знаете?

Девушка открыла было рот, чтобы сообщить, что эту печать она не знает, но всё же промолчала. Вправе ли она допытываться до секретов харена, если не рассказывает свои?

Господин Ранхаш тем временем закончил расплетать косу и шагнул в купальню, оставив дверь распахнутой. С тихим вздохом опустившись в воду, мужчина откинулся на бортик бадьи и из-под ресниц посмотрел на застывшую Майяри.

– Хотите мне помочь?

– Не хочу! – опомнилась та и захлопнула дверь.

Сердито шипя, девушка торопливо оделась и, не досушив волосы, выскочила на улицу. И едва не сбила Викана.

– Эй-эй, аккуратнее, сестричка! – оборотень посторонился. – Как водичка?

Рожа у него была такая ехидная, что Майяри негодуяще раздула ноздри.

– Плоха? – деланно опечалился Викан. – Эх, а со мной была бы в самый раз.

Настроение у мужчины было превосходным. После ухода с болот рост его волос значительно замедлился, и за полдня они отросли на какую-то ладонь.

–Э-э-э, даже не думай! – оборотень погрозил Майяри пальцем. – За нами в окошко смотрит Ирриван. Если ты со мной что-то сделаешь, то он тут же выскочит.

– Если я с тобой что-то сделаю, он меня только отблагодарит! – прошипела девушка и, исторгая чуть ли не пар, потопала к избе. – Вотые! Тёмные бы вас побрали!

Тёмные Вотых не побрали, скорее уж вволю посмеялись над самой Майяри. Ночь отмывшиеся путники тоже провели в деревне, и в этот раз харен не лежал целомудренно в отдалении, а устроился прямо за спиной девушки. Дыхание его шевелило волоски на шее, а мужское тело

обдавало жаром. Дико раздражало. И волновало. Харен ещё её и гладил. По животу. А когда Майяри возмущённо зыркала через плечо, встречал её таким проникновенным взглядом, что слова гнева замирали в горле, и девушка опять отворачивалась.

Уснуть ей всё же удалось, и утро она встретила лёжа на харене. Тот ещё не проснулся, грудь его медленно вздымалась, разлохмаченная коса змеёй вытянулась на подушке Майяри, а сама девушка нежилась теплом, исходящим от «перинь». Сонно хлопнув глазами, Майяри с непониманием уставилась на чисто выбритое лицо оборотня. Без щетины он выглядел значительно моложе, но и усталость стала заметнее. Тёмные круги под глазами так и не разошлись, цвет лица всё ещё был болезненно-сероватым, обветренная кожа после распаривания в купальне шелушилась, а губы уродовали мелкие трещинки. Но господин Ранхаш всё равно выглядел привлекательно.

Майяри вздрогнула, просыпаясь окончательно. Привлекательно?

Нет, она и раньше признавала, что боги одарили харена привлекательной внешностью, но то, как он её носил, убивало напрочь всю притягательность. Когда же она изменила своё мнение? Не после поцелуя на крыше, нет. Это точно началось раньше. Может, – девушка задумчиво закусил губу – перемены в её отношении к господину Ранхашу начались после того, как они вместе ходили в лес забирать спрятанные артефакты и уговорились стать настоящими партнёрами? Или чуть раньше, когда они провели ночь Обновления года в одной постели? Или ещё раньше?

– Доброе утро, сестричка, – раздался жутковатый шёпот, и Майяри напряжённо замерла, боясь разбудить харена.

Медленно повернув голову, девушка недовольно посмотрела на сидящего за столом Викана и немного растерялась, обнаружив, что господин Шидай и господин Ирриван тоже там и с любопытством смотрят на неё.

– Ты на него сама забралась, – лекарь ехидно прищурился и облизнул ложку.

– Дрова догорели и в избе холодно стало, – внёс ясность Ирриван.

Майяри досадливо закусил губу. Даже если они врали, доказать это она не смогла бы. Упёршись ладонями и коленками по обе стороны харена, девушка осторожно приподнялась и слезла с мужчины. Ух, вроде не проснулся. Крадучись, Майяри уже почти сползла с постели, но, опомнившись, обернулась и прикрыла оборотня одеялом. Глаза харена тут же распахнулись, и мужчина посмотрел на неё вполне ясным и осмысленным взором.

Викан за её спиной прыснул от смеха, и испуганно застывшая девушка зашипела от досады, сообразив, что господин Ранхаш и не спал.

– Ну раз ты наконец проснулась, давай ешь, и мы полетим дальше, – господин Шидай ткнул пальцем в миску с кашей.

Обведя рассерженным взглядом насмешливые лица мужчин – на харена, правда, она посмотреть не рискнула, – Майяри всё же направилась к столу.

Ночью над деревней пролетела недовольная туча и вытряхнула на поселение гору влажного снега, на ладонь укравшего уже просевшие сугробы. От такого подношения они просели ещё больше, а в некоторых местах и вовсе закиселились вместе с землёй в грязь. Викан за всех выразил радость, что они-то полетят по небу. Майяри не спешила радоваться вместе с ним: весной погода в горах была переменчива и никогда точно не знаешь, чем тебя встретит небо. На земле-то хоть укрытие найти можно.

Когда харен за руку подвёл её к дракону, посадил в седло, а потом и сам устроился позади, Майяри даже не удивилась. Поразила только, когда мужчина вложил в её руки поводья, а сам крепко обнял её за талию и уткнулся носом в платок на её шее. Господин Шидай, пользуясь тем, что сын не видит, грозно нахмурился и показал девушке выдернутую из стога

сена хворостину сухостоя, намекая, что её ждёт, если она вдруг полетит не по той дороге. Правда, его тут же отвлек Викан.

– Дядя, ну помоги, чего тебе это стоит?

Оборотень жалобно посмотрел на недовольно прищурившегося лекаря и протянул ему ленту, одолженную у одной из местных девок.

Проблема Викана состояла в том, что он не умел плести косы. Утром он хотел уже привычно отрезать отросшие волосы – за прошедшие день и ночь они отросли всего-то до пояса, – но вовремя сообразил, что тогда они отрастут в полёте и будут мешаться. Не опускаться же на землю, чтобы заплести их? И мужчина подрезал роскошные локоны до середины спины, раздобыл ленту и вот уже более часа осаживал лекаря, чтобы тот помог сотворить приличную причёску.

– Викан, женщин раздевать умеешь, причёски им ворошишь, вот и приводить их в порядок учись, – проворчал Шидай, но ленту всё же взял и принял радостно протянутый гребешок.

– Я их одевать умею, – с гордостью заявил оборотень, поворачиваясь спиной.

– Вот и косы плести научись, – пробурчал лекарь, безжалостно вгрызаясь зубьями расчёски в спутанные волосы под возмущённый вопль «племянника».

– Вы доверяете поводья мне? – напряжённо уточнила Майяри.

Горячее дыхание оборотня проходило между шерстяными нитями платка, порождая мурашки на коже. Они рассыпались до самой груди и почему-то собирались в ставших чувствительными сосках. А ещё руки... Господин Ранхаш крепко обнимал её за талию. Нет, не обнимал, держался. Но кисть его левой руки, проникнув под полу тулупа, лежала прямо на её животе.

– И себя тоже, – тихо отозвался оборотень.

Майяри нервно сглотнула. И где он только этого набрался? Таким же холодным, рассудительным и вроде подверженным правилам высокородного общества был. Или не был?

– Всё, иди, хайрени, – Шидай хлопнул Викана по заднице и направился к своему дракону.

Хотя чего она удивляется? Майяри проводила задумчивым взглядом довольного лекаря. Она сама, кажется, от господина Шидая чего только не набралась.

К вечеру они добрались до Иришской заставы, расположившейся на северо-западе в сорока верстах от Санариша. Погода весь день стояла замечательная, только вот настроение у Майяри всё никак не просветлялось. Не то что бы она в самом деле была в дурном расположении духа, но не покидало её ощущение, что они возвращаются в острозубую драконью пасть. Наверное, всё же стоило поговорить с господином Шидаем и обрисовать, какая опасность может угрожать харену. Только вот Майяри опасалась приближаться к лекарю: тот совсем недружелюбно посматривал на неё и в полёте держался позади, словно следя за ней. Впрочем, за ней все присматривали. И Викан, и летящий в облике орла Ирриван. А вот харен спал, уткнувшись носом в её шею. Опять. Майяри было очень жаль его, но постепенно собственную спину она начинала жалеть сильнее.

Проснулся он, только когда они начали снижаться. Видимо, почувствовал толчок либо же в животе ёкнуло, но мужчина выпрямился, и Майяри бросила на него взгляд через плечо. Зря только повернула: оборотень коварно поцеловал её в губы, и девушка выпустила поводья.

Дракон, почуявший свободу, радостно взревел, мотыльнулся в воздухе и явно вознамерился упорхнуть до ближайшего леса, но Ранхаш перехватил поводья и свистом направил его вниз.

– Ранхаш, мать твою! – донёсся до их слуха взбешённый крик Викана. – Забери у Майяри поводья и больше не давай, раз она править не умеет!

Майяри возмущённо уставилась на харена. Теперь из-за него она плохо правит драконом! Но возмущение пришлось придавить и отвернуться. Очень уж жадно смотрел господин Ранхаш на её губы.

Жуть была довольна.

Запах Майяри зеленел и наливался летней сочностью, скулы розовели, а в глазах помимо возмущения мелькало и замешательство. Оказывается, завоевание женщины было по-своему увлекательным. Шидай... отец часто рассказывал, как приятна эта борьба, но Ранхаш относился к его словам с завидной глухотой. Но на картинки память оказалась более щедра.

Ранхаш в очередной раз посмотрел на солнце, уже миновавшее полуденную черту, а затем на распряжённых лошадей и отдыхающих оборотней. Жители деревеньки, рядом с которой его отряд встал на постой, неспешно шли кто в лес, кто из леса, а кто и к реке за водой. Любопытно ж... Сами тени!

За водой особенно часто бегали девчонки. Они словно на неделю вперёд решили запастись водой для всей деревни.

– Ой, смотри, какая миленькая, – лежащий на траве Шидай подмигнул рыжеволосой кудрявой девушке, и у той даже веснушки покраснели. – Ну хоть каплю своего царственного внимания удели, поганец. Они ж на тебя посмотреть бегают.

Чужие взгляды действительно особенно часто задерживались на дарене теней. Серьёзный господин ладной наружности – боги с ним, что широтою плеч не вышел! – притягивал любопытные женские взгляды. Сам дарен! Правнук Шереха Вотого! Хоть полюбоваться на него.

– Одарил бы девочек улыбкой, – Шидай неприязненно посмотрел на невозмутимого господина, – потешил бы сердца. У них здесь за развлечение и свинья, сломавшая забор и подрывшая дерево в соседнем саду. А твою улыбку они год помнить будут и обсуждать. Жалко тебе, что ли? Они вон и яблок нам натащили, молоко принесли, хлебом угостили... Отблагодари и ты их.

Ранхаш не понимал, зачем попусту волновать и тревожить женские сердца. Это ли благодарность?

– Эх, опять мне, старику, за тебя отдуваться, бесстыдник, – Шидай поднялся, потянулся и одним резким движением стянул рубашку через голову.

Раздался девичий писк, плеск и шуришание покотившегося по траве ведра. Обомлевшие девочки, затаившись в кустах, словно преступницы, во все глаза смотрели на крепкое мускулистое тело лекаря самого дарена. Деревенских мужиков часто можно было за работой без рубах узреть, но мог ли из них кто-то похвастаться такими мускулами, золотистой, не до черноты загоревшей кожей и завораживающе сильными движениями? Лекарь скинул сапоги и начал стягивать с себя штаны. Смущённый писк раздался уже из других кустов, и Ранхаш недовольно уставился на Шидаю, устроившего это представление.

Оставшись в одних портках, оборотень ещё раз потянулся – под потрясённые женские ахи и подбадривающие мужские смехи – и пошёл купаться. Чтобы полюбоваться на это, засевшие в кустах девушки покинули свои убежища и, сбившись в кучку на берегу, взволнованно следили за мужчиной, рассекающим водную гладь мощными гребками. Правда, когда тот вышел, стряхивая с волос капли, опять разбежались, но продолжали смотреть на оборотня радостно сверкающими глазами.

Дарен Ранхаш был позабыт.

– Вот так, – Шидай спокойно разлёгся на траве и, прищурившись, уставился на голубое небо.

– И в чём здесь благодарность? – не выдержал Ранхаш.

– Э-э-э, дорогой господин, видите ли, не только мужчины наслаждаются обнажёнными женскими телами, но и, наоборот, женщины с удовольствием смотрят на красивые мужские тела.

Этот случай вспомнился Ранхашу, когда он пытался построить план завоевания Майяри. Этот и многие другие, свидетелем которых он был. Родственники, подчинённые, едва знакомые оборотни... Харен вспомнил их поступки, оценил и решил позаимствовать опыт. Реакция Майяри в купальне подсказала ему, что он на верном пути. Вспомнились и слова прадеда, которые тот сказал на свадьбе внука – отца Ирривана, – когда тот вёл в храм гордую дочь орлиного рода.

С женщиной нужно терпение. Особенно, если эта женщина тебя не любит. Она и не полюбит, если ты будешь печально маячить на горизонте. С женщиной нужно говорить, каждый день показывать, как это прекрасно – быть твоей возлюбленной. Не давить, не заставлять, а убеждать и показывать. Я горд, Шишдан. Ты справился.

Когда-то Ранхаш думал, что ухаживания – это совершенно не про него. Бессмысленно, скучно... Ему и без этого есть чем заняться. Но теперь он понимал, как это увлекательно – пробуждать внимание и волновать женщину. Увлекательно, приятно... Было даже здорово узнать, что он неправ.

– Господин Ранхаш, вы считаете, что это не давление? – рассерженно прошипела Майяри, когда они наконец приземлились на каменную площадку.

– Простите, – раскаяние, ну или хотя бы досаду Ранхаш не ощутил, – мои мысли всё ещё путаются.

– И как долго они будут путаться?

– Не знаю, я же первый раз влюблён.

– Кого я вижу! – раздался громкий голос.

К приземлившимся путникам приближался мужчина весьма крепкого телосложения и слишком уж высокий для семейства Вотых. Майяри не сразу заметила фамильное сходство с Вотыми: этот представитель семьи не унаследовал ни изящества фигуры, ни почти женской красоты самого известного волчьего семейства. Лицо его отличалось суровостью, густые серебристые волосы были коротко стрижены, а жёлтые глаза – глубоко посажены. Самой же примечательной деталью его внешности были три длинных шрама, тянущихся от кромки волос к линии нижней челюсти. Одна из рубцеватых полосок пересекала уголок губ, отчего он уродливо стекал вниз.

– Вахеш! – обрадовался господин Шидай и обменялся с оборотнем рукопожатиями. – Так и не избавился от украшения?

– Да мне не мешает, – тот весело прищурился и погладил шрам. – Нашли свою пропажу. Ой, Ранхаш, что у тебя с ладонями? – оборотень задумчиво сжал руку брата ещё раз.

– Обжёгся, – лаконично ответил тот.

– Ну познакомьте меня... Ох ты ж, ВIKAN! – Вахеш ошеломлённо уставился на серебристую косу кузена, успевшую за время полёта отрасти до пояса. – Как давно мы с тобой не виделись... Она настоящая, или это очередная твоя шуточка?

– Это настоящая шуточка, – с гордостью ответил ВIKAN и подёргал себя за волосы, – но не моя.

– Я тебе потом расскажу, – пообещал Шидай и посмотрел на напрягшуюся Майяри, – может быть.

Вахеш опять взглянул на девушку.

– И как зовут милую госпожу? – бархатисто спросил он.

Ранхаш почувствовал взволнованное шевеление жути.

Гордо вскинув голову, Майяри с достоинством представилась:

– Амайярида Мыйм.

Оборотень осмотрел её с головы до ног, обошёл кругом и замер за её спиной.

– Ранхаш, позволь на минутку...

В следующий миг Майяри подхватили под мышки и понесли вперёд.

– Что вы делаете?! – взбрыкнулась девушка. – Поставьте меня!

Не успела она как следует разъяриться, как её подняли вверх и голос оборотня, казалось, прогремел на всю заставу.

– Майяри Даший! Возлюбленная моего брата Ранхаша!

Оборотни, ужинающие у костра, с любопытством вскинули головы и уставились на ошеломлённо таращущуюся на них девушку.

– Советую запомнить, как выглядит. На случай... кхм-м-м... повторения.

– Милашка, – с одобрением протянул кто-то.

– Эй, харен, она красотка!

– Тощевата тока, – весело сморщил нос уже седой оборотень.

Обомлевшая девушка отмерла и попыталась брыкнуть удерживающего её мужчину.

– Но с норовом, – одобрительно качнул головой тот же седой оборотень.

Вахеш, посмеиваясь, отпустил разъярённо шипевшую девушку, и та поспешила отскочить, гневно сверкая глазами. Взгляд её метнулся к драконам, но не успела Майяри даже помечтать о побеге, как на её плечи и голову приземлился тяжеленный орёл. Настолько тяжёлый, что Майяри покачнулась, не сумела устоять и лицом вниз плюхнулась на кучу сена. Орёл взлетел, но тут же под громовой хохот приземлился на её спину и нахохлился, всем своим видом демонстрируя, что не позволит этой злодейке сбежать ещё раз.

– Эй, Ирриван, да слезь с неё, – пожалел девушку Шидай. – Она у нас птиц боится.

Глава 19. Что происходит?

Вахеш, прищурившись, смотрел на нахохлившуюся девушку. Та глядела на Викана, с весёлой улыбкой травящего какую-то байку, и демонстративно игнорировала сидящего рядом Ирривана, лицо которого кривилось так, что было ясно: история Викана явно неприличная.

– Сам знаешь, отношения с хаги за эти века улучшились мало, но они научились призывать салеицев к ответу, – протянул Вахеш и перевёл взгляд на Ранхаша. – Будь готов, что от тебя потребуют доказательства, что ты не удерживаешь её насильно.

Раскурив трубку, мужчина с удовольствием втянул дым, напрочь игнорируя укоризненный взгляд лекаря.

– Здесь проблемы вряд ли возникнут, – отозвался за Ранхаша Шидай. – Девчонка очень недоверчиво относится к своим сородичам. Она скорее соврёт, что до безумия влюблена в Ранхаша, чем согласится принять защиту хоть какой-то общины. Сумеречница. Слушай, Вахеш, бросал бы ты эту привычку. Обоняние только отбиваешь.

– О, тогда понятно, – брови Вахеша чуть удивлённо приподнялись, и он, пропустив последние слова дяди мимо ушей, глубоко вдохнул терпкий табачный дым.

– Понятно?

– Леахаш впечатлениями делился, он же ездил в Сумеречные горы в составе делегации от хайнеса, пытаясь уговорить местных старейшин и хагаресов собраться за столом переговоров. Его даже близко ни к одной из общин не подпустили. Поселили в деревеньке камнерубов рядом с Рокотливым ущельем, и старейшины сами изволили к нему летать. Те ещё... птицы, – оборотень хмыкнул. – Мнят себя очень влиятельными особами, чуть ли не каждый третий считает, что именно его род – глава всех хаги. А их там около двадцати трёх.

– Она – наследница одного из этих родов, – тихо произнёс Ранхаш, не отводя глаз от Майяри. – И мне нужно знать, какого именно.

Вахеш и Шидай удивлённо посмотрели на него.

– Ну, – брат почесал шрам на щеке, – узнаем. Сама не говорит, да?

– Поганка, – Шидай неодобрительно посмотрел на Майяри. – Выпорол бы...

– Не смей, – голос Ранхаша зазвенел льдом.

– ... да всё равно не поможет, – лекарь досадливо скривился. – Раньше её, похоже, только так и учили.

– Секли? – предположил Вахеш. – Шрамы?

– Не шрамы. Переломы. Спайки на костях. Много спаек.

Вахеш промолчал и посмотрел на Майяри уже с некоторым беспокойством.

– Дикая, наверное?

– Временами, – проворчал Шидай. – Так-то вроде от общества не бегаешь, язык подвешен хорошо. И на место поставит, и в доверие влезет. Но постоянно врёт о своём прошлом и не договаривает. В свои тайны, как ребёнок в игрушки, цепляется! Но волевая, сильная. Видел бы ты, как она с хайреном Узээришем говорила. Словно она творец всего мира, а он жалкий червь, которого она сотворила и изволила в грязь бросить! И он перед ней ужом завивался.

– Она мне уже нравится, – Вахеш посмотрел на девушку с одобрением. – А что до диковатости и дурных привычек... Ну кто из нас без недостатков?

– Недостатки, – буркнул Шидай, отправляя в рот полоску сушёного мяса. – Её воспитанием теперь я займусь. Она мне Ранхаша чуть на погребальный костёр не положила!

– Она, кстати, знает? – Вахеш вопросительно приподнял брови.

– Да как же! – Шидай одарил сына раздражённым взглядом. – Она тут не единственная, кто над своими секретиками трясётся.

Ранхаш тяжело посмотрел на отца и опять перевёл взгляд на Майяри. Та украдкой отодвинулась от Ирривана, но тот совершенно спокойно опять придвинулся к ней.

– Деды с ней страсть как хотят познакомиться, – поделился Вахеш. – Они даже распорядились притащить её к ним, если мы найдём её раньше Ранхаша. Твоей невестушке ещё повезло, что Вианиша от нагов не вернулась.

Майяри не была его невестой, но Ранхашу понравилось, как это звучит. Жуть довольно заволновалась.

– А ты как здесь оказался? – лекарь заинтересовано посмотрел на Вахеша. – Тебя ж вроде на север отправили.

– Отправить отправили и опять призвали, – недовольно поморщился тот. – Неясное что-то творится, наше магическое сообщество тревогу забило. Вот, расследую. Возможно, твоя помощь потребуется.

Ранхаш наконец оторвал взгляд от Майяри.

– Потенциальные маги стали часто пропадать. Причём заметили это далеко не сразу. В основном деревенские исчезали. Уходили из поселений в города, чтобы в школы поступить и дар развивать, да не возвращались. Родственники особо тревогу не били. Напастей кругом вон сколько. Не повезло, вольные порешили. Погоревали и дальше живут. Да и что действительно необычного? От рук разбойников каждый год пропасть людей гибнет.

– Но что-то необычное есть? – глаза Ранхаш привычно холодно блеснули.

– Есть, – не стал спорить брат. – Руководители школ магов обратили внимание, что в последние годы стало меньше претендентов на обучение. Маги заволновались, самые суетливые начали уж выдумывать, что силы мира на исходе... Ну ты сам знаешь подобных страховогонов. Но у нас же при каждой государственной службе маг стоит. И те, что при розыскных службах были, заметили, что как-то в последние годы много пропавших, которые исчезли, уйдя поступать в школы магии. Некоторых бедолаг родственники всё-таки искали. Маги копнули глубже, разослали подчинённых по стране, и те набрали ещё сотни две случаев.

– У претендентов большой потенциал был?

– Да кто знает? Они почти все из глухих деревушек, в которые другие маги редко заглядывали. Проснулись какие-то способности, а уж сильные или так себе... – Вахеш опять затаился. – Вот взялся проверить самые свежие случаи. Так что жди, могу обратиться за помощью.

Раздался громовой хохот, и мужчины повернулись как раз в тот момент, когда Майяри с самым невозмутимым видом макнула Викана лицом в кашу.

– Доигрался, – с удовольствием протянул Шидай.

– Господин, – подчинённый низко поклонился, приветствуя главного артефактика хайнеса.

Господин Олеш стремительно вошёл в лабораторию, осмотрелся и раздражённо шевельнул ноздрями.

– Ну? – нетерпеливо выдохнул он.

– Проверили почти всё, – боязливый взгляд помощника переместился со злого начальника на более безобидный амулет.

– Что значит «почти всё»? – мгновенно вызверился господин Олеш.

Господин Олеш и ранее не отличался мягким характером, а после взрыва на дне рождения хайрена и хайрени он теперь и сам взрывался по любому поводу и заставлял проверять самые безобидные и простенькие амулеты по несколько раз. Даже те, что они изготавливали сами.

– Нам нужно настроить печать Провокации, но у нас закончились камни для неё. В последнее время было столько проверок, мы не успели заказать...

– Бездельники! – прорычал главный артефактчик, и помощник втянул голову в плечи. – Жди здесь и только посмей уйти!

Круто развернувшись и ширхнув полами плаща по полу, господин Олеш вышел из лаборатории, костеря идиотов-подчинённых на все лады. Благо хоть лаборатории находилась в подвале в том же крыле, что и сокровищница. Хотя какое благо? Это только говорило о полнейшем идиотизме его помощников, не сообразивших вовремя дойти до хранителя и взять у него нужное. А сейчас он, конечно же, ушёл спать! Олеш всерьёз задумался отказаться от своего собственного права приходить в сокровищницу в любое время дня и ночи, а то его оболтусы, похоже, пользуются этим, чтобы лишний раз не связываться со сварливым хранителем.

Опустившись ещё на один уровень вниз, Олеш быстро миновал полутёмный коридор, вышел в ещё один такой же полутёмный коридор и замер, удивлённо и напряжённо осматриваясь. По правилам здесь всегда должен быть яркий свет. Конечно, бывали случаи проявления халатности, но после недавних событий во дворце все старались выполнять свои обязанности надлежащим образом. Артефактчик осмотрелся и шевельнул ноздрями, принюхиваясь. Воздух пах нормально, но что-то беспокоило его. Словно нечто опасное пощипывало струны его интуиции, предупреждая о своём присутствии. На пол легла тень, и оборотень стремительно развернулся, одновременно выпуская когти и чертя пальцами печать. Глаза его удивлённо расширились, и мужчина опустил руки.

– Вы? – голос помягчел, и терзающее его раздражение сменилось волнением. – Что вы здесь делаете?

В воздухе сверкнуло лезвие кинжала, и не ожидавший этого Олеш даже не попытался увернуться.

Глава 20. Кошмар господина лекаря

Вроде бы на заставе служили опытные оборотни, вроде бы в гостях на всю ночь остались сами Вотые и их подчинённые, но всё же некто неизвестный умудрился украсть целого дракона. Хаварий заставы сперва озадачился, но, придя в себя, так распёк подчинённых, а в особенности часовых, что его громовой голос эхом разлетался по крепости и ещё звучал за её пределами.

– Майяри, не слушай, – строго велел Шидай наострившей ушки девушке и тут же эти самые ушки накрыл своими ладонями.

– Вы издеваетесь?! – Викан уже в который раз возмущённо смотрел на небо и разводил руками, но ответа, к счастью, не дождался. – Почему именно мой дракон?

– А он точно не сам улетел?

Ирриван проснулся позже всех уже под ор хавария и расследование пропустил.

– Конечно, сам! – язвительно отозвался Викан. – Отпер дверь денника вместо того, чтобы вынести её, долбанул смотрителя фонарём по башке, аккуратно закопал его в солому и улетел, не забыв закрыть за собой ворота!

Майяри с трудом сдержала улыбку.

Драконокрад, похоже, решил воспользоваться отвратительно подходящей погодой. После дневного тепла, пожравшего целые пласты снега, ночью выдался туман. Холодный и проникающий во все щели. Майяри даже обрадовалась, когда господин Ранхаш лёг спать рядом с ней. Лично она в серовой клубящейся мути различала только пятна факелов и фонарей.

– Это они там продолжают издеваться! – Викан уверенно ткнул пальцем в небо.

– Вот и не раздражай их ещё больше, – Шидай заставил его опустить руку.

Из заставы они вылетели уже ближе к полудню, оставив Вахеша, его оборотней и заставников ломать головы над кражей, и недовольному Викану пришлось сесть позади лекаря – свободных драконов в крепости не оказалось.

– Как в детстве! – не упустил возможности поиздеваться Шидай, и Викан с мстительной улыбкой обнял его ещё крепче.

После полудня погода испортилась, подул ледяной ветер, и с севера приползла тяжёлая туча с мокрым снегом. Лекарь предложил опуститься и поискать укрытие на земле, но внизу тянулась открытая равнина, на которой если и прятаться, то только под землю: Майяри вполне серьёзно предложила этот вариант, но он почему-то никому не понравился. Пришлось лететь дальше, высматривая в липкой пелене лес или поселение. Ирриван, чьи перья намокли, уселся на дракона позади Ранхаша, немного нервирова своим присутствием Майяри, но она всё же подсушила своими силами и его в надежде, что быстрее высохнет – быстрее улетит. Сама она совсем не мёрзла, хотя ветер дул в лицо: левая рука харена, засунутая под полу её тулупа, вырисовывала какие-то круги на животе, и кровь девушки бурлила и кипела. Лучше бы уж он спал.

Наконец внизу замелькали чёрные точки домишек, и путники пошли на посадку.

Вылетели они к деревеньке охотников и торговцев пушниной. Те встретили путников не очень доброжелательно – на драконах обычно летали военные да другие служивые, а они за постой редко платят, – но, увидев деньги, вмиг подобрели и выделили самую просторную избу, а драконам притащили костей, оставшихся после недавней охоты. Ящеры приняли подношение с презрительным фырканьем.

Майяри украдкой погладила себя по животу и осмотрела избу, пытаясь найти какой-нибудь укромный уголок, но спрятаться не успела.

– А ну-ка иди сюда, – господин Шидай строго поманил её к себе.

Стоял оборотень на пороге второй из двух комнат, и взгляд его не обещал девушке ничего хорошего. Боязливо вжав голову в плечи, Майяри всё же подошла, и лекарь, посторонившись, пропустил её в комнату. Ранхаш хотел пройти за ней, но отец не пустил.

– Я её всего лишь осмотрю, не мешай. Можешь оставить дверь открытой.

Помявшись, харен всё же неохотно отошёл, сел за стол и устался на Майяри.

– Садись давай, – велел господин Шидай, и девушка осторожно опустилась на стул.

– Дядя... – на пороге появился растрёпанный Викан с лентой в руке, но лекарь оборвал его сразу же.

– Я занят.

Викан недовольно скривился, растрепал густую копну волос, подрезанную до середины спины, ещё сильнее и задумчивым взглядом смерил косу Ранхаша.

– Брат, не окажешь маленькую услугу? – «юный бог» льстиво улыбнулся харену. – Очень нужна помощь, не брось в беде.

Ну даёт! Майяри едва сдержала улыбку. И осмелился же!

Ранхаш посмотрел на брата сперва с непониманием, потом заметил ленту и нахмурился. Девушка уже решила, что сейчас он отошлёт надоедливого брата к Тёмным, но харен её удивил.

– Иди сюда, – с тяжёлым вздохом подозвал он брата.

Майяри зашипела и отвлеклась, когда пальцы лекаря болезненно надавили на её затылок.

– Ага, почти прошло, – задумчиво протянул господин Шидай, продолжая осторожно ощупывать голову девушки. – Майяри, из всех моих пациентов ты самая бедовая. Я вот думаю, суждено ли мне хоть раз увидеть тебя полностью здоровой? Или я состарюсь и умру раньше?

В голосе лекаря звучало неподдельное раздражение, и Майяри старательно помалкивала, ощущая, что в этот раз господин Шидай действительно зол на неё.

– Расстёгивай платье, посмотрю, что у тебя там, – распорядился оборотень и захлопнул дверь.

Из-за неё донёсся разочарованный стон Викана.

Спорить девушка не стала, покорно расправилась с пуговицами, сбросила платье на пол и, распустив завязки, неуверенно приспустила рубашку с плеч. Лекарь сам сдёрнул одежду до пояса и решительно ощупал рёбра, потрогал живот и, опустившись на корточки, недовольно осмотрел печать Недотроги. Майяри старательно делала вид, что она ничуть не смущена.

– Не беспокоит? – оборотень выпрямился и ткнул в светящееся пятно на её груди.

– Нет. Даже вроде поменьше стало.

– Поворачивайся.

В суховатой отрывистой речи ещё больше чувствовалось раздражение мужчины, и Майяри не выдержала:

– Вы меня ненавидите?

Пальцы, проминающие её спину, замерли, а затем и вовсе исчезли. Бросив взгляд через плечо, девушка увидела, что господин Шидай лохматит свои волосы.

– Много чести такой соплячке, – выдохнул наконец он, опять принимаясь за её спину.

– Но злитесь...

– Ещё как! Если бы не Ранхаш, покусал бы за все мягкие места! Зубы так и чешутся проучить тебя!

Зверь внутри и правда лютовал. Волку хотелось не просто покусать девчонку, он хотел разорвать её за то, что посмела причинить вред щенку. Шидай в отличие от него понимал, что Ранхаш давно не щенок, но при одном воспоминании, как сын закатывает глаза и падает на его руки, ему хотелось высечь поганку.

– Ранхашу было очень плохо после твоего побега, – прошептал лекарь, продолжая ощупывать спину Майяри. – Не напрягайся.

Против воли Майяри опять поёжилась.

– Он не такой сильный, каким кажется. Он слаб, Майяри.

– Неправда, – эти слова вырвались сами собой. Обида нахлынула уже секундой позже. – Харен не слаб. Как вы можете говорить такое?! – сердито прошипела девушка.

Шидай удивлённо воззрился на её макушку и вдруг почувствовал, что его злость утихает.

– Харен умный, находчивый, упорный и очень сильный! – Майяри бросила негодующий взгляд на лекаря. – Не называйте его слабым!

Повисла тишина. Шидай смотрел на напряжённую спину и рассерженно приподнятые плечи и ощутил былое расположение к девушке.

– Я не так выразился, – он ласково потрепал сердитую и растрёпанную как воробей девушку по волосам. – Хотел сказать, что он очень ранимый. Сильные тоже очень ранимы. А Ранхаш в особенности. Он же впервые влюбился. А ты взяла и сбежала...

Лекарь тяжело вздохнул.

– Нет, Майяри я не хочу этим сказать, что ты теперь обязана ответить ему взаимностью, хотя не скрою, что мне бы этого хотелось. Но я прошу тебя не бегать от него. Поверь, лучше мучиться от неразделённой любви, но знать, что возлюбленная жива, чем мучиться от любви и не знать, где эта идиотка и что с ней случилось.

Майяри не обиделась. На злость господина Шидаея она тоже не обижалась. Всё же она сделала больно харену, а тот очень и очень дорог лекарю. Как ей Ёрдел. Но как ей ещё было поступить? Девушку опять охватили прежние терзания.

– Моя... семья может убить харена, – несколько секунд спустя прошептала она.

Майяри ожидала, что лекарь насторожится, но его пальцы всё в том же темпе продолжали проминать уже ноющие лопатки.

– И вас может убить. И... остальных. Они очень сильны... Все вместе они во много-много раз сильнее меня. Вы же сами говорили, что господин Ранхаш очень важен для вас. Вы мне не простите, если с ним что-то случится из-за меня.

– Не прошу, – не стал кривить душой Шидай, и Майяри волной накрыло ощущение, что она совершила большую ошибку. Нельзя было уходить с болот! – Если он пострадает из-за тебя – не прошу. Но, ты знаешь, Майяри, есть разница в «пострадает из-за тебя» и «пострадает, защищая то, что дорого». Последнее я могу понять, хотя легче мне вряд ли будет.

– Какая разница? – раздражённо поморщилась Майяри. – Это то же самое, только другими словами.

Забывшись, она ударила лекаря по пальцам, когда его рука, скользнув под мышку, ненароком коснулась её груди.

– Ой, простите, – девушка досадливо прикусила губу. – Продолжайте.

– Ну спасибо, – хмыкнул оборотень. – Большая разница, Майяри. Я бы сказал, огромнейшая. Когда ты сбежала, Ранхаш пострадал из-за тебя. И это мне сложно простить. Но если на тебя бросится дракон, а Ранхаш кинется защищать тебя и пострадает от его когтей, винить тебя мне не захочется. А вот дракона бы я убил.

– В нападении дракона я могу быть не виновата, а вот... – Майяри умолкла. – Мне прекрасно известно, какую силу представляет из себя моя семья и что она может сделать. И оставаясь рядом с вами, я осознанно подвергаю вас опасности.

– Тогда почему ты остаёшься? – спокойно спросил Шидай.

– А то вы не знаете?! – сердито прошипела девушка и вздрогнула, когда мужчина осторожно коснулся болезненно зудящей поясницы. Синяк там, что ли?

– Не знаю.

– Неужто харен не сказал? – усомнилась Майяри. – Он пригрозил, что всё равно найдёт моих родственников. И что рядом не будет никого, кто сможет защитить его от сил хаги.

– Ай-яй-яй, как он оказывается похож на меня...

– Это не смешно! – вспыхнула девушка.

Шидай, успевший опуститься на корточки, поднял голову и с весёлой улыбкой посмотрел на напряжённо сведённые лопатки.

– Если ты умрёшь, защищая его, ты умрёшь из-за него?

Майяри озадаченно замерла.

– Ощутила разницу? Когда кто-то страдает, защищая тебя, это его выбор.

Только от этого совсем не легче. Улыбка исчезла с губ Шидаю, и он, поднявшись, похлопал девушку по плечу.

– Всё, давай помогу одеться.

Та торопливо, выдавая собственное смущение, вдела руки в рукава и натянула рубашку на плечи.

– Ой, да ладно тебе, Майяри, возлюбленная сына для меня не женщина. Хотя грудь ты всё же не зря гордилась.

Девушка с сердитым шипением натянула платье задом наперёд.

За дверью им открылась идиллическая картина. Довольно улыбающийся Викан на коленях сидел на полу, а мрачный харен сосредоточенно плёл его волосы.

– Две сестрички прихорашивают друг друга, – съехидничал Ирриван, и Майяри фыркнула от смеха, сразу же притянув все взгляды. – А вот и третья пришла.

– Ой, сестрёнка, у тебя пуговицы на платье через одну застёгнуты. Давай помогу, – Викан подался вперёд, но Ранхаш за косу потянул его назад, и брат с шипением сел на место.

Майяри опять фыркнула, Ирриван весело приподнял брови, и только Шидай искривил губы в каком-то подобии улыбки. Растравленные воспоминания всё больше овладевали его мыслями, и оборотень тихо шагнул к двери.

Небо уже потемнело, а пелена снега только уплотнилась, став чуть ли не стеной. Шидай отошёл от дома и, опёршись на плетень, бездумным взглядом уставился на серые надломанные стебли сухостоя.

– Эх, Майяри...

Знает ли она, что это, когда кто-то гибнет из-за тебя?

Шидай пожелал бы ей этого не знать. Никогда.

Застарелая, но ноющая, как свежая, боль стиснула спазмом горло, сдавила сердце и легко выудила из памяти два до безумия дорогих лица.

Ияшия и Дашия.

Жена и дочь.

Молодая прекрасная женщина насмешливо улыбалась ему, щуря серебристые глаза и наматывая на пальчик золотистый локон. Шидай предпочитал помнить её такой, весёлой шкодницей-кошечкой, гораздой на проказы. Сердце до сих пор разрывалось от любви, всю глубину которой он так и не успел ей показать.

Ему было уже почти пятьсот, когда он встретил Ияшию впервые. Ей же едва исполнилось пятьдесят, и её родители были категорически против его ухаживаний. Считали, что разница в возрасте слишком велика. Только вот Шидаю не остановили их запреты, и в одну ночь он пробрался в спальню к девчонке, укравшей его душу, и, весело щурясь, предложил ей сбежать вместе с ним. В ушах опять зазвучал дерзкий хохот, которым его встретили, а руки неожиданно заныли, вновь ощутив вес хрупкого тела, и мужчина судорожно стиснул плетень. Ияшия согласилась не задумываясь.

Собственная жизнь и без того казалась Шидаю крайне удачной. Он был талантлив, упрям и умел добиваться своего. Он всегда был окружён множеством друзей, семья любила его, враги уважали, и он знал со многими знатными и влиятельными оборотнями. Свадьба с Ияшией сделала его жизнь ещё прекраснее, а родившаяся через десять лет Дашия и вовсе заставила Шидаю поверить, что он любим богами.

По закушенным губам потекла кровь. Он так ждал рождения этого ребёнка, мог часами прислушиваться к её шевелению в животе матери, пел песни... Роды принимал, конечно же, сам. Он сам помог появиться на свет своей дочери. Именно он был первым, кто её обнял, прикоснулся к ней, поцеловал...

Перед глазами предстало кругленькое улыбающееся личико двухлетней малышки со светло-русыми, как у него когда-то, волосами и жёлтыми глазами. Именно такой он видел её последний раз. Когда она была ещё жива.

Наклонившись, Шидай зачерпнул ладонью грязный снег и растёр его по горящему лицу. Воспоминания неостановимой лавиной кошмара накатили на него. Он не мог не винить себя. Им с Борланом следовало остановиться уже после первого предупреждения. Ему следовало остановиться, когда Ияшия со слезами просила его бросить это дело! Она боялась за него, боялась его потерять, а он... Почему он не подумал, какую боль причинит его смерть жене? Почему не пожалел её? Почему не остановился?

Они с Борланом чувствовали, что уже почти добрались до разгадки, когда им начали поступать угрозы. Такое случалось не в первый раз и горячие головы не остудило. Единственное, они отправили жён вместе с детьми к своим семьям, чтобы злоумышленники не добрались до них. А через несколько дней Борлана убили.

Убийство сына Шереха Вотого было скорее актом отчаяния. Заговорщики уже были раскрыты, Шерех поднял всех, кого смог, чтобы раздавить силы повстанцев, и отправился на север мстить за сына. Только вот враги не держали все силы в одном месте. Понимая, что они уже разгромлены и им светит только смерть, они в ярости бросились на оставшегося в живых виновника их поражения. Точнее, на его семью.

Грудь опять стеснил тот первобытный ужас, который Шидай испытал почти четыреста лет назад, когда узнал, что его дом захватил враг. Он бросился за помощью к ближайшему другу своего отца. Он был убеждён, что Ерон не откажет. Он был уверен в этом, ведь невестка Ерона была сестрой Ияшии. Родной сестрой, появившейся с ней на свет в один день. Шидай умолял, просил... Незабываемое отчаяние вновь охватило весь его разум.

Ерон отказал. А Юара даже не попыталась уговорить его спасти сестру.

Причину такой жестокости Шидай узнал только через год, когда, обезумев от потери, явился ночью к Юаре. Воспоминание заставило мужчину гадливо поморщиться. Лучше бы он никогда не знал! Пальцы опять впились в плетень, как когда-то в горло Юары, но разжались. Несмотря на всю свою ненависть, он так и не смог убить её. Слишком уж её лицо было похоже на лицо Ияшии.

После отказа Ерона Шидай бросился на штурм в одиночку. У него не было времени искать помощников. На тот момент дом был в руках врага уже сутки. Наверное, Шидай бы и умер тогда, во время отчаянного одиночного штурма, но подоспели друзья Вотых. Весть о нападении дошла до Хеша, и он, понимая, что сам не успеет, отправил посланника семье Игразый, которая и присоединилась к Шидаю в последний момент.

Они победили, но...

Шидай искал жену и дочь среди тел два дня, а когда нашёл – с трудом узнал.

Его молодая жена, не прожившая на свете и ста лет, и двухлетняя дочь. Ияшия и Дашия, которых он не смог защитить.

Его вина неоспорима.

Дверь скрипнула, и Ранхаш встал на пороге, выискивая взглядом запропастившегося лекаря.

– Шидай, – увидел он сгорбившуюся фигуру у темнеющего плетня.

Тот вздрогнул, но не повернулся. Ранхаш ощутил, что что-то неладно. Неприятное липкое подозрение, что с Шидаем происходит нечто плохое, часто посещало Ранхаша в детстве, когда он после длительной болезни открывал глаза и сталкивался с пустым взглядом лекаря.

– Отец, – опять позвал Ранхаш.

В этот раз его услышали. Шидай выпрямился, тряхнул головой, сбрасывая нападавший снег, и развернулся.

– Просвежиться вышел, – неубедительно улыбнулся оборотень и медленно направился к двери.

Добравшись до порога, лекарь неожиданно обнял харена и, уткнувшись ему в плечо, тяжело вздохнул. Ранхаш напрягся и тихо спросил:

– Кошмары?

– Они самые, – криво улыбнулся Шидай. – Самые горькие и самые сладкие... Как странно порой бывает. Пятьсот лет проживёшь счастливо, а потом за два дня переживёшь такой ужас, что все прежние счастливые годы будто бы исчезнут и ты будешь считать, что вся твоя жизнь – горькая отравка. Две ужасные потери, и пяти веков счастья словно и не было.

Он поднял голову и, улыбнувшись куда искреннее, погладил напряжённого Ранхаша по щекам.

– Но потом появляется в твоей жизни что-то достойное, и ты вспоминаешь, что, оказывается, и раньше мог радоваться. Вот только исчезни это кое-что достойное, и всё опять померкнет.

В груди у Ранхаша заныло. Он не любил, когда на Шидаю нападали кошмары прошлого. Запрещал напоминать, сам никогда не затрагивал эту тему. Так как не знал, чем помочь.

Приобняв отца, харен неловко погладил его по спине и потянул внутрь.

– Зайди, холодно.

Пока Шидай снаружи предавался воспоминаниям, молодежь успела поесть, и на столе стояла только его чашка. Аппетита не было, наоборот, при взгляде на дымящуюся картошку затошнило, и лекарь знаком попросил Ирривана убрать еду. Тот молча притянул чашку и спокойно начал убирать еду в себя. У единственного крылатого Вотого аппетит всегда был отменным.

– Так, всем спать, – распорядился Шидай и первым вытянулся на разложенных на полу одеялах.

Рядом, в каком-то локте от него, лёг всё ещё обеспокоенный Ранхаш. Майяри сразу отметила странное настроение господина Шидаю и заволновалась, думая, что это из-за неё. Но с расспросами, конечно же, не полезла. Ещё немного помявшись, девушка переступила через харена и заняла своё место рядом с ним, продолжая посматривать на господина Шидаю. Тот повернул голову, смерил её взглядом, расплылся в ехиднейшей улыбке и прошептал:

– Вообще-то твоё одеяло я постелил по другую сторону от себя. Но если тебе нравится спать здесь...

Рот девчонки ошеломлённо распахнулся, и оборотень успел заметить мелькнувшую в глазах сына пылинку-искринку испуга, и в следующий миг его правая рука и бедро легли на девушку, схлопываясь, как зубья капкана. Лицо Майяри исказилось от искренней досады, и Шидай расхохотался. Ох уж эти дети!

И перед глазами появился другой ребёнок – слабенький капризный мальчик с серым пухом на голове. Шидай с широкой улыбкой посмотрел на Ранхаша, всё сильнее прижимающего Майяри к себе, и ощутил, что на сердце стало немного легче. Вот же вымахал сынуля!

Глава 21. Жуткий тёмный

– Здоров будь, – хозяин таверны, высокий крепкий мужик с наголо бритой головой и вислыми усами, встретил тёмного напряжённым взглядом.

Тот едва заметно кивнул – ну уж край капюшона точно качнулся – и положил на стойку одну монетку. Медную. Сплошь истёртую с одной стороны. Хозяин едва взглянул на неё. Этого визитёра он помнил и так, но хаги всегда серьёзно относился ко всем условностям и правилам. И тем не менее, несмотря на его похвальное почтение к «традициям» заведения, каждый его приход заставлял хозяина ждать какого-нибудь паскудства, хотя пьяных дебошей тёмный никогда не устраивал. Но всё ж... Если тому вздумается побуянить, то табуретом его не уложишь.

Оборотень качнул подбородком, указывая в дальний угол зала. Там, скрытые спинами других шумных посетителей, молчаливо резались в карты двое мужчин. Тёмного они заметили сразу, как тот вошёл, но виду не подали. А вот остальные гуляки вмиг умолкли и проводили незнакомца оценивающими взглядами. Впрочем, так же быстро они потеряли к гостю интерес: один из вышибал погрозил им кулаком, а второй красноречиво провёл по шее ножом.

Монетку тёмный подтянул пальцем и, спрятав в кулаке, направился к дальнему столу. Играющие оборотни молча подвинулись, освобождая ему место, и хаги присел. На стол брякнулась стопка засаленных карт, и один из мужчин, уже знакомый Ёрделу высокий гибкий брюнет с бородой (в этот раз она росла ровнее), начал сдавать на троих. Шлёпающиеся на столешницу цветные куски бумаги затронули в памяти тёмного одно из тех мутных воспоминаний, которые порой ворочались, но так и не просыпались. Мужчина с уже привычным спокойствием отпустил его, зная, что иначе оно будет зудеть и не давать покоя.

– У меня малая, – буркнул второй мужчина, кряжистый оборотень с рыжими кудлатыми волосами, красным носом и пышной, по всей видимости своей бородой, и швырнул на стол затёртый «орешник» – меньшую карту в колоде. – Что ставишь?

Мужчины посмотрели на тёмного. Тот неспешно поднял карты, с лёгким, скрытым от собеседников интересом осмотрел блеклые картинки и выложил на стол холщовый грязный кошель. Играть он не умел. Да и не требовалось. У «Рьяного Игга» пили, ели, играли и дрались большей частью для вида. Важные беседы не вели: ушей много, – но о встречах уговаривались, мены устраивали да работу искали. Или работников. Сам Ёрдел влился сюда по случайности. Более семи лет назад без цели проходил через Жаанидый да и зашёл поесть. А расплатился деньгами, что вытащил у бандита, на беду свою решившего прощупать тёмного. И среди них оказалась та самая истёртая монетка, служившая своего рода рекомендацией. «Рекомендуемого» проверили на месте, и почти сразу же, прямо посреди разгромленной таверны, нашёлся и первый заказчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.